

АКТУАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Бредихин А.В.
доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «ДонГУ»
kf.vsemir.zav@mail.ru
Шановалов В.В.
vovankryt_2014g@mail.ru

СОЗДАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО КОРПУСА В 1917 ГОДУ

Аннотация: в данной статье излагаются причины поворотного события в участии Австралии в Первой мировой войне - формирование Австралийского корпуса в 1917 г., - а также сам процесс создания воинского формирования доминиона.

Содержание статьи отражает характеристику битв, которые стали причиной срочной необходимости объединения Австралийских имперских сил, изрядно поредевших к 1917 г., процесс принятия решения и само формирование Австралийского корпуса с последующими выводами в пользу верного выбора британского командования, вместе с этим затрагивается и тема отношения австралийцев к войне и британцам в частности. В русле объединения наземных сил Австралии с Австралийским летным корпусом, статья содержит информацию и о данном воинском формировании.

Интерес к изучению данной тематики состоит в отсутствии информации в отечественной историографии при том, что создание единого корпуса сыграло важнейшую роль для качественного управления и эффективного выполнения оперативных задач в ходе битв на Западном театре военных действий с момента создания формирования и до конца войны. В основе своей работа опирается на труды известного историка, создавшего официальную историю Австралии в войне 1914-1918 гг. Чарльза Эдвина Вудроу Бина, где данная тема раскрыта достаточно широко, с применением различных источников.

Таким образом, целью статьи является заполнение существенного пробела в отечественной историографии по данному вопросу, проанализировав иностранные источники, качественно переведя и синтезировав информацию, используя историко-системный и историко-сравнительный методы на основе хронологического, количественного и аналитического методов.

Ключевые слова: Австралийский Союз, Анзак, Джон Монаш, Первая мировая война, Австралийский корпус, Австралийский летный корпус, Западный фронт.

Введение

Начальный этап войны для Австралии, во многом приветствующей борьбу с агрессорами Центрального блока и набравшей с этой целью 32 тысячи человек за первую вербовку, прошел в Египте, на Галлиполи и в Палестине, прежде чем АНЗАК перевели на Западный фронт. Во многом Галлиполи стала основной точкой разлада между австралийцами и британцами, особенно с их командованием, которое разочаровало многих солдат. Отношение к войне было спорным не только у молодых идеалистов, но и у жителей южного континента, но все же добровольцы набирались интенсивно, но это лишь потому, что австралийцы еще не видели того, что ожидало «диггеров», как они себя прозвали, в окопах Западного фронта.

В марте 1916 г. пехота Австралийских имперских сил была переброшена из Египта во Францию вместе с новозеландцами, где и осталась сражаться до конца Первой мировой войны [24, с. 100]. Так как Франция была масштабным полем боя, АНЗАК пришлось разделить на I и II корпуса для удобства и рассредоточения сил [24, с. 107]. 2-я дивизия первой прибыла во Францию, за ней последовала 1-я дивизия, а 4-я и 5-я дивизии покинули Египет позже, в июне 1916 г. Последней прибыла 3-я дивизия рекрутов из Австралии в марте

1916 г. и переехала в Англию для обучения в июле 1916 г., и только в декабре 1916 г. попала на фронт во Францию [27]. В целом, к битве на Сомме Австралия подготовила 100 тысяч солдат [9, с. 48], а к 1916 г. из-за пикового набора добровольцев в армию рекрутов было 165 тысяч человек, из которых всего 36 575 присоединилось в июле 1915 г., а остальные две трети – под начало битвы [32].

Статья разделена на 3 части, соответствующие битвам 1916 и 1917 гг., которые привели к кадровому кризису Австралийских имперских сил, а 3 посвящена непосредственно формированию Австралийского корпуса.

Часть 1. Первые сражения австралийцев в Европе.

7 апреля 1916 г. I корпус Анзак занял позиции около Арментьера, в секторе «Питомник». Сам сектор был тихий, потому первый кровавый день боев на Сомме австралийцы избежали, хотя были введены все 4 активные дивизии. Однако 19 июля при Фромеле произошла битва, которая взбудоражила общественное мнение Австралии – погибло 5533 человека всего за один единственный день [24, с. 101]. Казалось, что для Западного фронта это было вовсе не удивительно, но все познается в сравнении: за 8 месяцев борьбы с турками на берегах Галлиполи погибло 10 тысяч анзаков, то есть включая новозеландцев [5, с. 79]. Это были «худшие 24 часа за всю историю Австралии» [28].

1-я дивизия вступила в строй 23 июля 1916 г., приняв участие в штурме Позьера. Первоначально им удалось захватить немецкие позиции с относительно небольшими потерями, однако, когда немцы оправались, они обрушили на город интенсивный артиллерийский обстрел, в результате которого были нанесены большие потери. К моменту, когда 27 июля их сменила 2-я дивизия, они потеряли 5286 человек. Через два дня после захвата рубежа 2-я дивизия была брошена в поспешно спланированную атаку, которая привела к дальнейшим потерям, когда немцы заметили строящихся австралийцев и снова подвергли их весу своей артиллерии и пулеметов. Еще одна атака была предпринята 4 августа, которая, хотя и увенчалась успехом, снова привела к таким тяжелым потерям – почти 7000 человек, потому на следующий день дивизия была освобождена [24, с. 108].

Таким образом, за 1 месяц Австралия потеряла около 17 тысяч своих граждан, что потрясло многих людей. Цензурный заслон мешал узнавать правду о происходящем, но очевидцы твердили: «Галлиполи по сравнению с Францией был пикником» [5, с. 80]. По итогу отношение к войне стало диаметрально противоположным у солдат и жителей Австралии: пока «диггеры», разочарованные войной, но желавшие отомстить и пробиваться вперед, начинали наступать еще активнее, то население резко сменило восторг на антивоенную реакцию, например, в Мельбурне появились организации Австралийский альянс мира и Товарищество против принудительной отправки солдат за границу [3, с. 163]. А 28 октября 1916 г. провалился референдум о введении воинской повинности: против закона проголосовал 1 160 033 человека, но все же за принятие закона выступало не меньше – 1 087 557 граждан [3, с. 165]. В декабре 1917 г. второй референдум провалился с треском [32].

После нападения на Позьер австралийцы были призваны атаковать ферму Муке в августе. Все три дивизии 1-го корпуса Анзака были задействованы, чтобы пробить брешь в немецких позициях за Тьепвалем, к северу от Позьера, Подготовительные бомбардировки проводились с 6 августа с целью разрушить немецкую систему траншей к северу и северо-востоку от новой австралийской позиции, а ответные бомбардировки и контратаки противника почти не мешали. Практически все тяжелые гаубицы 1-го анзакского и 1-го корпусов Британии были задействованы в бою. 7 августа был отдан приказ 4-й австралийской пехотной бригаде, с некоторой помощью слева от нее 12-й дивизии, начать в ночь на 8-е первое из серии наступлений вдоль вершины хребта к ферме Муке [9, с. 726]. 10 августа 4-я дивизия уже потеряла 1000 человек, сопротивляясь последней немецкой

контратаке, но в последовавшем сражении она потеряла еще в три раза больше. Оказавшись втиснутыми на фронт менее 1,5 км (0,93 мили), войска попали под шквал артиллерийских снарядов, поскольку немцы смогли сосредоточить вес своей обороны на этот мизерный участок [26, с. 93].

Еще три атаки были совершены в течение следующих трех недель, когда австралийцы пробивались через изрытую снарядами сельскую местность к ферме, но вскоре после этого были снова вытеснены сосредоточением немецкой артиллерии. Две другие дивизии I корпуса Анзак показали себя в этих атаках лишь немного лучше, и к концу боя потери австралийцев на ферме Муке составили 6300 человек [29, с. 93]. 5 сентября измученных 45-дневными боями бойцов I корпуса Анзак сменил Канадский корпус, захвативший ферму лишь 26 сентября [18, с. 120].

Итог 1916 г. для Австралии был весьма неутешительный: 1-й корпус Анзака потерял в этом бою 23 000 солдат и офицеров: 1-я дивизия — 7 700, 2-я — 8 000 и 4-я — 7 100. Поскольку 5-я дивизия потеряла 5 533 человек в ходе маневра у Фромеля, австралийские силы во Франции менее чем за семь недель потеряли более 28 000 человек — в среднем более 7 000 на каждую дивизию. Почти все это произошло в пехотных бригадах и приданных им частях. Эта скорость потерь была почти такой же, как и в, например, 41-й британской дивизии, участвовавшей в аналогичных боях в том же сражении; но она распространялась практически на всю австралийскую армию во Франции, и для Австралии проблема пополнения была неотложной, настойчивой и очень трудной [9, с. 862]. За 1916 г. было рекрутировано 124 355 человек — уже на 40 тысяч меньше, чем за 1915 г., а после ошеломляющих известий о потерях за 1916 г. пункты набора зарегистрировали 42 854 человека, что аж в 3 раза меньше [30, с. 59]. На фоне победившей демократии в референдуме 28 октября 1916 г. Э. Кэмпбелл писал, что рабочие и средний класс, будучи обманутые правительственной пропагандой и ужаснувшиеся реальным положением воинов на Западном фронте, не позволили шовинизму взять вверх и не дали демократии уступить милитаризму [30, с. 59]. Число забастовок против войны и возросших на 30% цен дошло до 344, в них участвовало 157 тысяч работников в 1916 г. [16, с. 81] Сложно не согласиться с оценкой историка С. Макинтайра: «Задолго до окончательной победы в конце 1918 г. общий энтузиазм в отношении войны уступил место мрачной покорности» [2]. Однако стойкость, проявленная австралийскими «диггерами», заставляла проявлять уважение к ним. Великобритания, любившая воевать руками других, все чаще стала посылать в авангард две самые эффективные армии колониальной империи — Канадский экспедиционный корпус и 2 корпуса Анзак.

Часть 2. Эффективность силы Анзака и безрассудные жертвы британского планирования в битвах 1917 г.

После тяжелых потерь I корпусу Анзак было решено дать отдохнуть. 5-я дивизия, сильно поредевшая в битве при Фромеле, наконец восстановилась и присоединилась к 1-й, 2-й и 4-й дивизиям в октябре, и Австралийские имперские силы с новозеландцами набирали силы возле коммуны Флер [24, с. 102].

Отдых длился до марта 1917 г. Дело в том, что Германия начала отступление от выступа между Аррасом и Эной. Перспектива наступления генерала Гофа исчезала, поскольку противник покидал пункты для захвата, отступая к линии Гинденбурга. Это, в свою очередь, предполагало фланговый маневр британской армии на Аррас, чтобы затем ударить по главному фронту. Наступление у Арраса представляло собой серию нескольких кратковременных операций, которые проходили с начала апреля до середины мая [10, 281].

Одной из таких операций стали малоизвестные, но достаточно важные битвы для австралийцев — за Буллекур. Еще в марте две «летучие колонны» (подразделения повышенной мобильности, меньшие по численности пехоты, чем бригада) 2-й и 5-й дивизий

преследовали немцев, отступающих до линии Гинденбурга, захватив при этом город Бапауме, подойдя к Буллекуру (или Бюллекуру) на 12 км [29, с. 94]. В 1917 г. деревня на севере Франции была сильно укреплена немцами и представляла из себя звено линии Гинденбурга с пулеметами, полосами колючей проволоки и передовыми траншеями. Австралийские командиры опасались британского уровня планирования атаки, полагая, что в результате их люди будут окружены и уязвимы с трех сторон. Они также были обеспокоены нехваткой боеприпасов для артиллерии. Атака была запланирована на 10 апреля, но австралийцы не спешили, потому что их 12 танков не прибыли вовремя. Связь внутри союзных войск прервалась, и 62-я британская дивизия начала атаку, как и планировалось, но только позже ей сообщили, что австралийцы не атаковали. Тем не менее британцам удалось преодолеть первую полосу заграждений и приблизиться к линии Гинденбурга [34].

11 апреля 4-я дивизия, состоящая из 4-й и 12-й бригад, атаковала линию Гинденбурга в первом сражении при Буллекуре. Сражение было катастрофой с более чем 3000 жертв и 1170 взятыми в плен [29, с. 95]. Оставшиеся в живых 1-я и 2-я дивизии были поражены немецкой контратакой на рассвете 15 апреля у города Лагникур силой до 23 батальонов, поскольку немцы пытались воспользоваться слабостью, которая возникла в линии союзников после британского наступления на Аррас [10, с. 389]. Первоначально австралийцы были вынуждены оставить город немцам, при этом несколько артиллерийских батарей были потеряны, однако уже в 7 часов утра четыре австралийских батальона предприняли успешную контратаку. При полном дневном свете, а затем и дожде немцы подверглись ожесточенному огню. Когда противник начал колебаться, огонь усилился; над отрогом в долине Лагникур быстро развивались события, которые нанесли немецкой контратаке решающий удар, выбивший у них почву из под ног. Увы, танки не смогли стать решающим средством прорыва и многих разочаровали. Несмотря на это, они посеяли смятение и ужас среди немецких защитников, при этом в послужном списке немецкого 124-го полка отмечалось: «Люди в окопе стояли там, беззащитные, не зная, как им отбить чудовище. Атаковать его из окопа было совершенно невозможно...» [34].

Уже 16 апреля началось нивельское наступление, известное под недвусмысленными названиями «Нивельская мясорубка» и «Бойня Нивеля». Задачей I корпуса Анзак было продолжать давить на Буллекур для прорыва линии Гинденбурга. 3 мая, две бригады 2-й дивизии — 5-я и 6-я — приняли участие во втором сражении при Буллекуре, где им удалось занять участки линии Гинденбурга и в конечном итоге удержать большую часть этих успехов, пока их не сменила 1-я дивизия [29, с. 95]. 7 мая 5-я дивизия была направлена на смену 1-й, оставаясь в строю до окончания боя в середине мая. 3-я гвардейская дивизия Германии была заменена 18 мая 26-й резервной дивизией, а XIV резервный корпус вскоре после этого был переведен в состав 4-й немецкой армии во Фландрии. Противник отступил — так закончилась вторая битва при Буллекуре. 26 мая 5-я австралийская дивизия была заменена 20-й английской, а 1-й корпус Анзака — 4-м корпусом. Позиция, которую заняла 2-я австралийская дивизия осталась включенной на британском фронте, пока немцы не захватили его при наступлении в марте 1918 г. [10, с. 541]. Хотя битва привела к победе союзников, эти усилия стоили австралийским силам около 7 482 жертв.

Итог сражений за Буллекур можно описать выражением «Пиррова победа». Эта победа, так тяжело давшаяся австралийцам, забрала чуть больше 10 тысяч жизней всего за полтора месяца. Эти потери свели на нет план по введению 6-й дивизии, которая после упорных тренировок в Англии наконец была сформированной, но почти сразу её разобрали на подкрепления других дивизий. Некоторые из самых резких критических замечаний о битве исходили от генерала Австралийских имперских сил Джона Монаша, который писал: «Наши люди участвуют в самых жарких боях и приносятся в жертву в безрассудных авантюрах, таких как Буллекур...» [34].

После того, как французы потеряли 180 тысяч человек в ходе наступления Нивеля, в армии начались мятежи, не остановившиеся даже после смены главнокомандующего на генерала Филиппа Петена. Мятежными оказались сразу 54 дивизии, а 20 тысяч солдат дезертировало [4, с. 280]. Дуглас Хейг догадался, что британцы пойдут в следующую битву уже в одиночку, что подтвердило официальное признание Петена на момент атаки [1]. Цель наступления состояла в том, чтобы захватить немецкую оборону на хребте, который шел от Плогстерт-Вуд на юге, через Мессин и Витшете к горе Соррел, лишив 4-ю немецкую армию высоты. С хребта открывался превосходный вид на британскую оборону и тыловые районы Ипра на севере, откуда британцы намеревались провести Северную операцию, продвинуться к хребту Пасшендале, а затем захватить бельгийское побережье вплоть до голландской границы.

Нулевой день был установлен на 7 июня, с нулевым часом в 3:10 утра, когда ожидалось, что человека можно будет увидеть с запада на расстоянии 100 ярдов (91 м). Вечером 6 июня была гроза, но к полуночи небо прояснилось, и в 2 часа ночи британские самолеты курсировали над немецкими позициями, чтобы замаскировать звук танков, направлявшихся к исходным точкам. К 3:00 атакующие войска достигли своих исходных позиций незамеченными, за исключением некоторых в районе 2-го корпуса Анзак [22].

Британцы атаковали 2-м корпусом Анзак (3-я австралийская дивизия, новозеландская дивизия и 25-я дивизия Великобритании, 4-я австралийская дивизия в резерве), IX-м корпусом (36-я (Ольстерская), 16-я (Ирландская), 19-я (Западная) дивизии и 11-я (Северная) дивизия в резерве), X-м корпусом (41-я, 47-я (1/2 лондонская) и 23-й дивизией с 24-й дивизией в резерве). XIV корпус был в резерве (гвардейские, 1-я, 8-я и 32-я дивизии) [22, с. 85]. Атака началась с взрыва 1 000 000 фунтов (450 000 кг) взрывчатки, которая была заложена под хребтом Мессин в 19 отдельных туннелях, полностью разрушив немецкие окопы [18, с. 129]. После взрывов наступление союзников практически не встречало сопротивления, поскольку немцы были слишком оглушены и деморализованы, чтобы оказывать сильное сопротивление. Однако у австралийцев все пошло совсем не так.

3-я австралийская дивизия справа была дезорганизована из-за немецкой газовой бомбардировки Плогстерта Вуда около полуночи, в результате чего 500 человек пострадали во время марша, но атака между Сен-Ивом и рекой Дув началась вовремя. В районе 2-го корпуса Анзак 3-я австралийская дивизия закрепила южный оборонительный фланг атаки по обе стороны реки Дув, отразив несколько поспешных, но сильных фланговых немецких контратак, тем самым защитив вторую, «черную» линию [10, с. 659].

Но конечные цели продолжила штурмовать уже 4-я австралийская дивизия. Правая бригада достигла районов сбора к 11:30, прежде чем узнала об отсрочке. Бригаде пришлось лежать на открытой местности под немецким артиллерийским и пулеметным огнем, что привело к значительным потерям. Когда австралийцы обошли опорные пункты с фланга, немцы попытались отступить через британский заградительный огонь, который остановился на 300 ярдов (270 м) за задней траншеей линии Осттаверн [22, с. 77]. Бригада левого фланга была остановлена на правом фланге огнем из немецких дотов с большим количеством жертв. Левый батальон, не зная, что 33-я бригада (11-я дивизия) на севере была задержана, повернула на северо-восток, чтобы попытаться войти в контакт возле фермы Лумм. Цель была легко достигнута, но к северу от предполагаемой позиции. Австралийцы продлили свою линию дальше на север до Полка-Эстаминет, пытаясь встретить 33-ю бригаду, которая прибыла в 16:30 с четырьмя танками. Бригада взяла фермы Джой и Ван Хоув, заглушив, наконец-то, стрелявшие из них пулеметы [22, с. 80]. Ситуация у Блаувепортбека ухудшилась, когда немецкие войска были замечены собирающимися возле фермы Стейнгаст. Британский обстрел обрушился ошибочно на 12-ю австралийскую бригаду. Австралийцы остановили немецкую контратаку огнем из стрелкового оружия, но многие выжившие начали спонтанно отступать, пока не остановились в относительной безопасности на хребте. Когда стемнело, у

артиллеристов сложилось впечатление, что все австралийцы отступили, потому начали обстрел ближе к линии наблюдения, опасаясь немецкой контратаки. Обстрел обрушился на остальных австралийцев, которые отступили со многими потерями, оставив незанятой южную часть линии Осттаверн, а также брешь вокруг Блаувепортбека. Заградительный огонь все же остановил немецкую контратаку из долины Роозебеке, но многие снаряды не достигли цели, что спровоцировало еще один неофициальный отход. В 22:00 пехоте удалось остановить казусную артиллерию и снова занять позиции. Операции по захвату линии Осттаверн в районе 2-го корпуса Анзак начались в 3 часа ночи 8 июня, а все войска закончили свое продвижение 14 июня [22, с. 84].

Битва при Мессине считается одной из самых успешных тактических операций, которая была отлично спланирована и очень негативно воспринята Германией. В 1919 году Людендорф писал, что эта британская победа дорого обошлась немецкой армии и истощила немецкие резервы; Гинденбург признавал потери в Мессине «очень тяжелыми», и что он сожалеет о том, что войска не были эвакуированы; в 1922 году Куль назвал это одной из самых страшных немецких трагедий войны [33, с. 121]. И это не было пустословием: потери Германии в битве составили 26 087 человек, исходя из медицинского отчета [31, с. 53]. Австралийцы же приняли на себя всю мощь контратаки противника, которую только смогли собрать германцы, потому их фланг стал самым кровопролитным, а планирование и неудачная артиллерия подвели. В этом бою зафиксированы потери II корпуса Анзак с 1 по 14 июня в таких масштабах: 4978 человек в новозеландской дивизии, 3379 человек в 3-й австралийской дивизии и 2677 человек в 4-й австралийской дивизии. К счастью, на этот раз жертвы были не напрасны, а жизни солдат отданы были за выполнение хорошо спланированной атаки, которая привела не только к победе, но и перелому хода войны на Западном фронте, поскольку инициатива наступления окончательно закрепилась за союзниками, а дух немецкой армии начал постепенно падать.

Пока II корпус Анзака сражался при Мессине, I корпус Анзак (теперь 1-я, 2-я и 5-я дивизии) наслаждался, вероятно, самым продолжительным и приятным отдыхом, который когда-либо давался британским частям во Франции. Его не дали без причины. С июля 1916 года, за исключением короткого периода относительного затишья на выступе Ипра, корпус постоянно находился в строю в условиях сильнейшего напряжения его сил. Не только летние бои при Позьере и второе наступление на Сомме поздней осенью заслуживают того, чтобы считаться достойной работой для передышки, — пребывание на фронте Флер-Гедекур зимой было едва ли менее напряженным занятием. Поскольку в конце зимы другие тренировались, I Анзак должен был взять на себя фронт из двух корпусов и выстроить все четыре дивизии в шеренгу на защиту, что легло бременем на австралийские войска. Оттуда они без остановок и перешли к преследованию отхода немцев, включавшему в себя дюжину острых стычек, о которых было упомянуто выше. Хотя это наступление само по себе подняло их дух, высшие командиры намеревались отозвать их для новой боевой подготовки, которой они еще не прошли [10, с. 683].

В итоге, в период с сентября по ноябрь 1917 г. I корпус Анзака принял участие в ряде операций вокруг Ипра в Бельгии, когда союзники начали кампанию по захвату плато Гелувельт в Бельгии, то есть сражались в Третьей битве при Ипре [18, с. 130].

I корпус Анзака был задействован через шесть недель после начала битвы, и 16 сентября, пройдя накануне вечером через Ипр, 1-я и 2-я дивизии заняли позиции в окопах на главном гребне в Гленкорс-Вуд [29, с. 99]. Первая атака произошла 20 сентября на Менинроуд, где австралийцы добились успеха в борьбе с противником, потеряв около 5000 человек [18, с. 130]. Однако 25 сентября произошла крупная немецкая контратака. Но в результате австралийцы разгромили противника, поскольку немецкая линия прорвалась, а дальнейшие атаки союзников на немецкие доты привели к захвату хребта [18, с. 132].

Первые атаки были успешными, и, поскольку командиры союзников начали верить, что прорыв возможен, дальнейшие атаки были предприняты в Пелькапелле 9 октября и в Пашендейль 12 октября, несмотря на сильный дождь, превративший землю в грязную трясику. Но к битве за Пашендейль британские войска выдохлись. Некоторые лучшие дивизии Британского экспедиционного корпуса — Гвардейская 8-я, одна из старых регулярных дивизий, 15-я Шотландская, 16-я Ирландская, 38-я Уэльсская, 56-я Лондонская — были выведены с фронта в августе и начале сентября. Единственными надежными наступательными силами, остававшимися в распоряжении Хэйга, были дивизии в АНЗАК и Канадского корпуса, которые избежали как первых этапов этой битвы, так и самых тяжелых эпизодов на Сомме годом раньше [1]. Изначально провальная идея обернулась настоящей катастрофой. Так это действие описал современный исследователь Д. Киган: «12 октября в сражении, названном "Первой битвой Пашендаля", Новозеландская и 3-я Австралийская дивизии предприняли попытку достичь остатков деревни на самой верхней точке территории к востоку от Ипра, расположенной на высоте 45 метров над уровнем моря, где находились окопы и доты немецкой Второй фламандской позиции стояли как последнее препятствие между Британским экспедиционным корпусом и вражеским тылом. "Мы практически полностью сокрушили неприятельскую оборону, — сообщил Хэйг на встрече с военными корреспондентами 9 октября. — "Неприятель может выставить против нас только плоть и кровь". Плоти и крови в данных обстоятельствах оказалось достаточно. Попав с фронта и на флангах под огонь пулеметов, солдаты АНЗАК в конечном счете отступили на позиции, с которых они начали свое наступление в этот сырой день. Земля настолько размокла, что снаряды артиллерии поддержки зарывались в грязь, не взрываясь, и только новозеландцы потеряли почти три тысячи человек в попытке прорваться сквозь неразрезанную проволоку» [1]. Таким образом, в бессмысленную жертву было принесено 7 300 австралийских солдат [10, с. 947]. Пашендейль пришлось взять уже канадцам, которые, хотя и не были в восторге от роли реаниматора в этой практически проигранной кампании, совершили второй подвиг после Вими-Риджа – захватили Пашендейль во второй битве за него, длившейся с 26 октября по 6 ноября [17, с. 324].

Третья битва за Ипр была дорогостоящей для Австралийских имперских сил. В течение восьми недель, которые они провели в боях вокруг Ипра, было потеряно 38 000 человек [29, с. 99]. Главная заслуга их заключалась в том, что благодаря своей настойчивости и проявленному героизму войска Германии были подавленные от натиска, и уставшие от ужасной погоды. Именно поэтому удачный план генерала Артура Карри и его выполнение стоили Канадскому экспедиционному корпусу только 15 654 потерь и всего 4 000 убитых за 16 дней боев, а не столько же, сколько погибло воинов Австралийского Союза. Результаты Третьей битвы за Ипр едва ли поддаются анализу, поскольку потери и союзников, и Германии варьируются от 240 до 400 с плюсом тысяч, и у Германии обычно потерь фиксируется намного меньше. Необходимость этой битвы очень спорная, ведь базы подводных лодок немецкой армии не были захвачены, но силы немцев действительно перестали налегать на французскую армию, однако едва ли военное руководство противника догадывалось об их проблемах.

1917 г. стал для Австралии решающей точкой в отношении к войне. Талантливый генерал Джон Монаш даже в безрассудных атаках старался сохранить жизни солдат, коих полегло в 2 раза больше, чем на Сомме – 57 тысяч солдат. Австралийцы перестали уважать командиров, исчезло салютование, а оправдания ужасным кампаниям уже никто не искал. Референдум за введение воинской повинности провалился: ветераны, попавшие домой, в корне не советовали плыть в кровавую бойню европейцев, не стоящей их жизней.

Часть 3. Создание Австралийского корпуса в 1917 г.

Итак, бои 1917 г. изрядно потрепали Австралийские имперские силы, закон о введении воинской повинности так и не прошел, а добровольный набор стремительно сокращался. **Наступил настоящий кадровый кризис.** Ежемесячно требовалось получать 7 тысяч человек, но количество подкреплений падало на уровень меньше 5-ти тысяч. Новая 6-я дивизия была буквально «проглочена» остальными. Уильям Бердвуд, командовавший австралийскими и новозеландскими частями в Галлиполи, стал главнокомандующим Австралийских имперских сил, когда 23 октября 1917 г. получил повышение до генерала [14, с. 34]. Он подсчитал, что после Ипра дивизиям не хватало 18 тысяч пехотинцев. Из подкреплений и вернувшихся на фронт после ранений солдат генерал надеялся получить 35 тысяч солдат, которые позволят преодолеть и зиму 1917 г., но в итоге к 1 марта все равно не хватало 8 тысяч человек, а резерв **оказался не то, что истощенным – пустым** [11, с. 2].

Именно в таких условиях 1 ноября 1917 г. сформировался Австралийский корпус, который заменил I корпус Анзак, а II корпус Анзак, в состав которого входила Новозеландская дивизия, 31 декабря стал XXII-м британским корпусом [13, с. 258].

Фельдмаршал Дуглас Хейг принял предложение сформировать его. Первоначально он сопротивлялся объединению пяти австралийских дивизий в единый корпус вообще, поскольку считал его слишком громоздким. Австралийский характер корпуса был усилен за счет присоединения 3-й эскадрильи Австралии и австралийских батарей осадной артиллерии. Было также сочтено целесообразным назначить австралийских офицеров на все высшие командные должности. Однако британец Уильям Бёрдвуд остался командовать корпусом. **Таким образом, австралийский корпус обычно включал 4–5 пехотных дивизий, корпусную и тяжелую артиллерию, корпусную летную эскадрилью и секции привязных аэростатов, зенитные батареи, инженерный корпус, конные войска (легкая кавалерия и велосипедисты), артиллерийские мастерские, медицинские и стоматологические учреждения, транспорт, спасательную и рабочие компании** [15, с. 30].

Генерал Бёрдвуд предположил, что при формировании австралийского корпуса самая слабая дивизия могла бы служить складом, обеспечивая резервы для боевых дивизий. Такой являлась 4-я дивизия, которая считалась самой «крепкой», а потому часто использовалась, что привело её к масштабным потерям и по иронии судьбы могла быть расформирована [11, с. 4]. Но по итогу она мало отдыхала в роли «склада». В декабре 1917 г. формирование было переведено в резерв недалеко от Перона после немецкой контратаки в битве при Камбре. В январе 1918 г. дивизия была возвращена на линию фронта к югу от Ипра, поскольку Хейг уступил требованиям французов захватить большую часть фронта. С этого времени и до вывода австралийцев из боя в начале октября все дивизии корпуса вели почти непрерывные боевые действия. Вместо того, чтобы распускать целые дивизии, любая консолидация сил производилась в соответствии с британской системой сокращения бригад с четырех батальонов до трех.

Генерал Хьюберт Гоф был отстранен от командования Пятой британской армией после того, как она не смогла противостоять весеннему наступлению Германии в 1918 г. Когда Хейг решил реформировать Пятую армию, он предложил ее командование Бердвуду, который согласился. Двумя кандидатами на пост командира корпуса были генерал-майор Сирил Бруденелл Уайт (начальник штаба Бердвуда) и генерал-майор Джон Монаш (командир 3-й дивизии). **Монаш, который был старшим, имел опыт командования войсками в бою и пользовался благосклонностью Хейга и Бёрдвуда, потому получил этот пост и был повышен до генерал-лейтенанта,** а в 11 часов утра 31 мая 1918 г. Бёрдвуд и Уайт покинули штаб австралийского корпуса и перешли в штаб 5-й армии [11, с. 198]. **К июню, наконец, корпус был окончательно «австрализирован» на всех уровнях и стал по-настоящему «Австралийским».**

По итогу, созданием Австралийского корпуса решилось сразу две проблемы. Первая проблема – кадровый кризис, был исправлен путем объединения абсолютно всех австралийских формирований в единый корпус, который на пике своего развития **насчитывал 109 881 человека – абсолютный лидер в личном составе среди всех корпусов во Франции, выставленных Великобританией** (именно поэтому, собственно, фельдмаршал Хейг и считал корпус громоздким) [23, с. 7]. Вторая проблема, которая является причиной появления первой – британское командование. Благодаря тому, что на всех уровнях управление было передано непосредственно австралийцам, включая пост главнокомандующего корпусом, диггеры добились некоторой свободы действия и планирования, что позволило существенно снизить боевые потери и смерти солдат. Из-за этого исчезло неповиновение среди рядовых солдат, чем «славились» австралийцы. Особенная забота Джона Монаша о своих подопечных была эффективной: после 48 часов постоянного пребывания в окопах люди получали передышку, а через 48 дней боев отправлялись на отдых в течение 24 дней [5, с. 82]. Такое отношение, в отличие от чванственного пренебрежения, свойственного британским офицерам, способствовало поднятию боевого духа австралийцев, и они были готовы завершить войну с уверенным успехом.

Несколько слов о «летной» части корпуса. Еще в 1911 г. Британия заявила на Имперской конференции в Лондоне, что необходимо развивать авиационные силы, в чем Австралия поддержала её первой. 30 декабря 1911 г. газета “Commonwealth of Australia Gazette” сообщила о наборе первых механиков и пилотов. Как утверждает официальный сайт Австралийского военного мемориала, 7 марта 1913 г. было объявлено об официальном учреждении как Центральной летной школы, так и «Австралийского авиационного корпуса», который чаще называли Австралийский летным корпусом [8]. В марте 1914 г. штабной офицер майор Эдгар Рейнольдс был официально назначен офицером Генерального штаба, отвечающим за отдел «разведки, цензуры и авиации» в Департаменте военных операций армии. **Однако чаще всего они подчинялись британским наземным и воздушным командованиям.**

Дебютом австралийских летчиков стало основание первого подразделения - «Месопотамского полуполета» 27 мая 1915 г., который проводил разведку и легкие бомбардировки в помощь индийской армии в защите нефти на территории современного Ирака. После высоких потерь подразделение было расформировано, а следующей страницей в истории корпуса стала эскадрилья № 1, которая с января 1916 г. в составе Королевских летных войск Британии помогала в операциях против Османской империи и сенусских арабов в Египте, Сирии и Палестине. Эскадрилья № 1 в данном регионе оставалась до конца войны. За это время эскадрилья уничтожила 29 вражеских самолетов [25, с. 158]. Сейчас же поговорим про другие эскадрильи, которые участвовали в битвах непосредственно в Европе.

Эскадрильи № 2, № 3 и № 4 были организованы в Египте и Австралии в 1917 г. Прибыв во Францию с августа по декабрь, впоследствии предприняли операции под оперативным командованием Королевского летного корпуса вдоль Западного фронта [20, с. 69]. 2-я эскадрилья под командованием майора Освальда Ватта, ранее служившего во Французском Иностранном легионе, была первым подразделением Австралийского летного корпуса, участвовавшим в боевых действиях в Европе, впервые ведя короткий бой с немецким патрулем и потеряв один сбитый самолет в районе Сен-Квентина. В следующем месяце эскадрилья приняла участие в битве при Камбре, выполняя боевое воздушное патрулирование, а также бомбардировки и обстрелы в поддержку 3-й британской армии, понеся тяжелые потери в опасных атаках с малой высоты, которые позже высоко оценились генералом Хью Тренчардом, командиром Королевского летного корпуса [29, с. 128]. Вся эскадрилья получила современные самолеты SE5 в декабре 1917 г., с которыми вскоре после этого она возобновила свою деятельность [6]. **3-я эскадрилья вступила в войну на**

заключительном этапе боевых действий битвы при Пашендейле, в ноябре, во время которой они использовались в основном как артиллерийские корректировщики, присоединенные к Австралийскому корпусу [20, с. 69]. 4-я эскадрилья вступила последней и была отправлена в тихий сектор вокруг Ленса и не участвовала в боях до января 1918 г. из-за плохой погоды [7].

Заключение

По итогу австралийцы в 1918 г. начали сражаться, не только будучи сплоченными под единым на всех уровнях Австралийским корпусом, но и получили поддержку с воздуха от пилотов, которые были их соотечественниками, выполнявшими свой долг перед государством на профессиональном уровне.

Существует достаточное количество подсчетов потерь Австралийских имперских сил, но было решено остановиться на наиболее авторитетном из них. По подсчетам Чарльза Бина, Австралия, имевшая население в 4 875 325 человек, отправила служить 416 809 человек, среди которых погибло 59 342 человек, было ранено 152 тысячи человек, то есть общие потери составляют чуть больше половины добровольцев. Это очень весомые цифры, означающие, что практически каждая семья добровольца либо потеряла близкого человека, либо приняла его с ранением [9, с. 532]. И ранее не зря было упомянуто, что такое количество жертв связано с безрассудством английского командования. Количество погибших и раненых у Канадского доминиона в целом незначительно различается с австралийскими потерями, но имеется одна оговорка: Канада призвала на 200 тысяч человек больше. Это означает, что **Австралия потеряла каждого второго бойца, а Канада каждого третьего**. Дело в том, что североамериканское государство практически после первых боев запросило сформировать Канадский экспедиционный корпус во главе с канадским командиром, потому за все риски отвечали отечественные генералы, которые намного более рационально и эффективно использовали человеческие ресурсы, а австралийцы сформировали свой, отдельный корпус, уже, можно сказать, в конце войны.

Но лучше поздно, чем никогда, и это подтверждается следующим примером. Во время весеннего немецкого наступления австралийцы участвовали в 6 боях, **сохранив многих и потеряв всего 15 тысяч, а армии Великобритании – 302 тысячи**.

Литература:

1. Киган Д. Первая мировая война. 2004. URL: [https://prussia.online/Data/Book/pe/pervaya-mirovaya-voyna-4/Киган%20Д.%20Первая%20мировая%20война%20\(2004\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/pe/pervaya-mirovaya-voyna-4/Киган%20Д.%20Первая%20мировая%20война%20(2004),%20OCR.pdf) (дата обращения: 1.10.2023).
2. Макинтайр С. Краткая история Австралии (в переводе Некрасова Н.Л.). URL: <https://coollib.com/b/535975/read> (дата обращения: 1.10.2023).
3. Малаховский К.В. История Австралии. – М.: Наука, 1980. – 402 с.
4. Революционное движение во французской армии в 1917 году/ Ин-т истории Ком. акад.; пер. Ф.Д. Капелюша; ред. и вводные ст. Ф.О. Нотовича. – М.; Петроград: Гос. соц.-экономическое изд-во, 1934. - 313 с.
5. Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век/ Отв. ред. В.П. Николаев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – 452 с.
6. Squadron AFC. First World War, 1914–1918 units/ Australian War Memorial. URL: https://web.archive.org/web/20130515144218/https://www.awm.gov.au/units/unit_10836.asp (дата обращения: 1.10.2023).
7. Squadron AFC. First World War, 1914–1918 units/ Australian War Memorial. URL: https://web.archive.org/web/20130515144304/https://www.awm.gov.au/units/unit_10842.asp (дата обращения: 1.10.2023).

8. Australian Flying Corps/ Australian War Memorial. URL: <https://goo.su/apv8O> (дата обращения: 1.10.2023).
9. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France, 1916. V. III. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1036 p.
10. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France, 1917. V. IV. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1030 p.
11. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France during the Main German Offensive, 1918. V. V. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 825 p.
12. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France during the Allied Offensive, 1918. V. VI. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1019 p.
13. *Becke A.F.* History of the Great War: Order of Battle of Divisions, Part 4: The Army Council, GHQs, Armies, and Corps 1914–1918, London: HM Stationery Office, 1944/Uckfield: Naval & Military Press, 2007. - 320 p.
14. *Beckett F.W., Corvi S.J.* Haig's Generals. Barnsley: Pen & Sword Military, 2006. - 217 p.
15. *Bou J., Dennis P., Dalgleish P., Grey J.* The Australian Imperial Force. The Centenary History of Australia and the Great War. Volume V. South Melbourne: Oxford University Press, 2016. - 236 p.
16. *Campbell E.W.* History of the Australian Labour Movement. Current Book Distributors, Sydney. 1945. - 160 p.
17. *Colonel G.W.L., Nicholson C.D.* Official History of the Canadian Army in the First World War: Candian Expeditionary Force, 1914-1919. Queen's printer and controller of stationery Ottawa, 1962. – 621 p.
18. *Coulthard-Clark C.* Where Australians Fought: The Encyclopaedia of Australia's Battles (1st ed.). St Leonards, New South Wales: Allen & Unwin, 1998. - 306 p.
19. *Dennis P. Grey J., Morris Ew., Prior R., Jean B.* The Oxford Companion to Australian Military History. — Melbourne: Oxford University Press Australia & New Zealand, 2008. – 634 p.
20. *Dennis P.* The Oxford Companion to Australian Military History (1st ed.). Melbourne, Victoria: Oxford University Press Australia & New Zealand, 1995. - 692 p.
21. Early Military Aviation/ Australian National Aviation Museum. 2000–2003. URL: <https://web.archive.org/web/20140127030212/http://aarg.com.au/Aviation-EarlyMilitary.htm> (дата обращения: 1.10.2023).
22. *Edmonds J.E.* Military Operations France and Belgium, 1917: 7 June – 10 November: Messines and Third Ypres (Passchendaele). History of the Great War Based on Official Documents by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. Vol. II (Imperial War Museum and Battery Press ed.). London, 1991. - 489 p.
23. *Fleming R.* The Australian Army in World War I. Men at Arms. Oxford: Osprey, 2012. - 48 p.
24. *Grey J.* A Military History of Australia (3rd ed.). Melbourne, Victoria: Cambridge University Press, 2008. - 334 p.
25. *Isaacs K.* Military Aircraft of Australia 1909–1918. Canberra: Australian War Memorial, 1971. - 190 p.
26. *MacDougall A.* ANZACs: Australians at War. Balgowlah, New South Wales: Reed Books, 1991. - 288 p.
27. *Mallet R.* First AIF Order of Battle 1914-1918. About the Campaigns of the First AIF. URL: <https://www.aif.adfa.edu.au/OrderOfBattle/about3.html> (дата обращения: 1.10.2023).
28. *McMullin R.* Disaster at Fromelles. Wartime Magazine. AU: Australian War Memorial, 2006. URL:

<https://web.archive.org/web/20070609104522/http://awm.gov.au/wartime/36/article.asp> (дата обращения: 1.10.2023).

29. *Odgers G.* Diggers: The Australian Army, Navy and Air Force in Eleven Wars. — London: Lansdowne, 1994. — 543 p.

30. *Reese T.R.* Australia in the Twentieth Century. A Short Guide. L., 1964. - 239 p.

31. Sanitätsbericht über des Deutschen Heeres im Weltkrieg 1914–1918 Band III Die Krankenbewegung bei den Deutschen Feld- und Besatzungsheer [Medical Services of the German Army during the World War 1914–1918: Transport of Casualties about the German Field and Garrison Armies]. Vol. III. Berlin: Verlag Ernst Siegfried Mittler und Sohn. 1934. - 145 p.

32. *Stanley P.* Between Acceptance and Refusal - Soldiers' Attitudes Towards War (Australia). 2017. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_australia-2017-08-25.pdf

(дата обращения: 1.10.2023).

33. *Terraine J.* The Road to Passchendaele: The Flanders Offensive 1917, A Study in Inevitability. London: Leo Cooper, 1977. - 366 p.

34. The First and Second Battles of Bullecourt. Sir John Monash Centre. 2018. URL: <https://sjmc.gov.au/first-second-battles-bullecourt/> (дата обращения: 1.10.2023).

References:

1. *Kigan D.* Pervaya mirovaya vojna. 2004. URL: [https://prussia.online/Data/Book/pe/pervaya-mirovaya-voyna-4/Kigan%20D.%20Pervaya%20mirovaya%20vojna%20\(2004\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/pe/pervaya-mirovaya-voyna-4/Kigan%20D.%20Pervaya%20mirovaya%20vojna%20(2004),%20OCR.pdf) (data obrashcheniya: 1.10.2023).

2. *Makintajr S.* Kratkaya istoriya Avstralii (v perevode Nekrasova N.L.). URL: <https://coollib.com/b/535975/read> (data obrashcheniya: 1.10.2023).

3. *Malahovskij K.V.* Istoriya Avstralii. — M.: Nauka, 1980. — 402 s.

4. Revolyucionnoe dvizhenie vo francuzskoj armii v 1917 godu/ In-t istorii Kom. akad.; per. F.D. Kapelyusha; red. i vvodnye st. F.O. Notovicha. — M.; Petrograd: Gos. soc.-ekonomicheskoe izd-vo, 1934. - 313 s.

5. *Skorobogatyh N.S.* Istoriya Avstralii. HKH vek/ Otv. red. V.P. Nikolaev; Institut vostokovedeniya RAN. — M.: IV RAN, 2015. — 452 s.

6. Squadron AFC. First World War, 1914–1918 units/ Australian War Memorial. URL: https://web.archive.org/web/20130515144218/https://www.awm.gov.au/units/unit_10836.asp (data obrashcheniya: 1.10.2023).

7. Squadron AFC. First World War, 1914–1918 units/ Australian War Memorial. URL: https://web.archive.org/web/20130515144304/https://www.awm.gov.au/units/unit_10842.asp (data obrashcheniya: 1.10.2023).

8. Australian Flying Corps/ Australian War Memorial. URL: <https://goo.su/apv8O> (data obrashcheniya: 1.10.2023).

9. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France, 1916. V. III. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1036 p.

10. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France, 1917. V. IV. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1030 p.

11. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France during the Main German Offensive, 1918. V. V. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 825 p.

12. *Bean C.E.W.* Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Australian Imperial Force in France during the Allied Offensive, 1918. V. VI. Canberra: Australian War Memorial, 1941. - 1019 p.

13. *Becke A.F.* History of the Great War: Order of Battle of Divisions, Part 4: The Army Council, GHQs, Armies, and Corps 1914–1918, London: HM Stationery Office, 1944/Uckfield: Naval & Military Press, 2007. - 320 p.
14. *Beckett F.W., Corvi S.J.* Haig's Generals. Barnsley: Pen & Sword Military, 2006. - 217 p.
15. *Bou J., Dennis P., Dalglish P., Grey J.* The Australian Imperial Force. The Centenary History of Australia and the Great War. Volume V. South Melbourne: Oxford University Press, 2016. - 236 p.
16. *Campbell E.W.* History of the Australian Labour Movement. Current Book Distributors, Sydney. 1945. - 160 p.
17. *Colonel G.W.L., Nicholson C.D.* Official History of the Canadian Army in the First World War: Canadian Expeditionary Force, 1914-1919. Queen's printer and controller of stationery Ottawa, 1962. – 621 p.
18. *Coulthard-Clark C.* Where Australians Fought: The Encyclopaedia of Australia's Battles (1st ed.). St Leonards, New South Wales: Allen & Unwin, 1998. - 306 p.
19. *Dennis P., Grey J., Morris Ew., Prior R., Jean B.* The Oxford Companion to Australian Military History. — Melbourne: Oxford University Press Australia & New Zealand, 2008. – 634 p.
20. *Dennis P.* The Oxford Companion to Australian Military History (1st ed.). Melbourne, Victoria: Oxford University Press Australia & New Zealand, 1995. - 692 p.
21. Early Military Aviation/ Australian National Aviation Museum. 2000–2003. URL: <https://web.archive.org/web/20140127030212/http://aarg.com.au/Aviation-EarlyMilitary.htm> (data obrashcheniya: 1.10.2023).
22. *Edmonds J.E.* Military Operations France and Belgium, 1917: 7 June – 10 November: Messines and Third Ypres (Passchendaele). History of the Great War Based on Official Documents by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. Vol. II (Imperial War Museum and Battery Press ed.). London, 1991. - 489 p.
23. *Fleming R.* The Australian Army in World War I. Men at Arms. Oxford: Osprey, 2012. - 48 p.
24. *Grey J.* A Military History of Australia (3rd ed.). Melbourne, Victoria: Cambridge University Press, 2008. - 334 p.
25. *Isaacs K.* Military Aircraft of Australia 1909–1918. Canberra: Australian War Memorial, 1971. - 190 p.
26. *MacDougall A.* ANZACs: Australians at War. Balgowlah, New South Wales: Reed Books, 1991. - 288 p.
27. *Mallet R.* First AIF Order of Battle 1914-1918. About the Campaigns of the First AIF. URL: <https://www.aif.adfa.edu.au/OrderOfBattle/about3.html> (data obrashcheniya: 1.10.2023).
28. *McMullin R.* Disaster at Fromelles. Wartime Magazine. AU: Australian War Memorial, 2006. URL: <https://web.archive.org/web/20070609104522/http://awm.gov.au/wartime/36/article.asp> (data obrashcheniya: 1.10.2023).
29. *Odgers G.* Diggers: The Australian Army, Navy and Air Force in Eleven Wars. — London: Lansdowne, 1994. – 543 p.
30. *Reese T.R.* Australia in the Twentieth Century. A Short Guide. L., 1964. - 239 p.
31. Sanitätsbericht über des Deutschen Heeres im Weltkrieg 1914–1918 Band III Die Krankenbewegung bei den Deutschen Feld- und Besatzungsheer [Medical Services of the German Army during the World War 1914–1918: Transport of Casualties about the German Field and Garrison Armies]. Vol. III. Berlin: Verlag Ernst Siegfried Mittler und Sohn. 1934. - 145 p.
32. *Stanley P.* Between Acceptance and Refusal - Soldiers' Attitudes Towards War (Australia). 2017. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_australia-2017-08-25.pdf (data obrashcheniya: 1.10.2023).

33. Terraine J. The Road to Passchendaele: The Flanders Offensive 1917, A Study in Inevitability. London: Leo Cooper, 1977. - 366 p.
34. The First and Second Battles of Bullecourt. Sir John Monash Centre. 2018. URL: <https://sjmc.gov.au/first-second-battles-bullecourt/> (data obrashcheniya: 1.10.2023).

CREATION OF THE AUSTRALIAN CORPS IN 1917

Bredikhin A.V.

Doctor of Historical Sciences, Professor FBOU HE "DONGU"

kf.vsemir.zav@mail.ru

Shapovalov V.V.

vovankryt_2014g@mail.ru

Abstract: *this article outlines the reasons for the turning point in Australia's participation in the First World War - the formation of the Australian Corps in 1917, and the process of creating the Dominion military formation.*

The content of the article reflects the characteristics of the battles that caused the urgent need to unite the Australian Imperial forces, which had become considerably thinner by 1917, the decision-making process and the formation of the Australian Corps with subsequent conclusions in favor of the right choice of the British command, and at the same time the topic of the attitude of australians to the war and to the british in particular. In line with the unification of Australian ground forces with the Australian Flying Corps, the article contains information about this military formation.

The interest in studying this topic lies in the lack of information in the vastness of domestic historiography, despite the fact that the creation of the original corps played a vital role for high-quality management and effective execution of operational tasks during the battles in the Western theater of military operations from the moment of its creation until the end of the war. The work is based on the works of the famous historian, creator of the official history of Australia in the war of 1914-1918 Charles Edwin Woodrow Bean, where this theme is revealed as widely as possible and using various sources.

Thus, the purpose of the article is to fill a significant gap in domestic historiography on this issue by analyzing foreign sources, qualitative translation and synthesis of information, and the use of historical-systemic and historical-comparative methods based on chronological, quantitative and analytical methods.

Keywords: *Commonwealth of Australia, Anzac, John Monash, World War I, Australian Corps, Australian Flying Corps, Western Front*

Для цитирования: Бредихин А.В., Шаповалов В.В. Создание Австралийского корпуса в 1917 году// Архонт, 2023. № 4(37). С. 4-17.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Захаров В.К.
доктор физико-математических наук, профессор, профессор, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
zakharov_valeriy@list.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ МЫСЛЕННОГО МИРА РОССИИ ОТ ПОРОЧНОГО ВЛИЯНИЯ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: статья посвящена описанию порочного влияния глобализации по-американски на мысленный мир человечества. Она состоит из трёх частей.

В первой части отмечается, что человечество совершило качественный рубежный переход от бытия в природном мире и пошло по пути создания надприродного мира из природного мира и по пути одновременного бытия в этих мирах. Тем самым, произошёл надприродный отрыв человечества. Он оказал и оказывает в целом **благоприятное** влияние на бытие человечества, в частности, он приводит к постепенному расширению и углублению умного мира человечества.

Одновременно этот отрыв приводит к заметному **расширению** во времени чувственного и глупого миров человечества и к постоянному **уменьшению** доли умного мира человечества относительно долей его чувственного и глупого миров. Более того, расширение чувственного и глупого миров человечества **сопровождается** расширением **порочных частей** этих миров. Указанную связь можно назвать отрывной расплатой человечества. Отягощающим её последствием оказалось то, что человечество исторически пошло по пути использования (архе)кода порочного разлагивания одних государств другими государствами с целью их ограбления.

Во второй части показывается, как этот код чрезвычайно действенно используется в современном мире через вменение и воплощение англосаксонского глобалистского проекта. В третьей части описаны способы необходимого и возможного противодействия использованию этого кода в современной России.

Ключевые слова: природный мир, надприродный мир, надприродный отрыв человечества, чувственный мир, глупый мир, порочные части этих миров, умный мир, отрывная расплата человечества, (архе)код порочного разлагивания, порочное разлагивание мира через англосаксонский глобалистский проект.

Часть 1. Влияние надприродного мира на мысленный мир человечества

В начале этой части даётся необходимое для дальнейшего изложения краткое описание **объединительного представления о мире**, приведённого в публикациях [4], [7] и [9, с. 25-188].

СИНТЕТИЧНОСТЬ (ОБЪЕДИНЁННОСТЬ) МИРА И ЕГО ПРЕДМЕТОВ

Мир является **объединённым (синтетичным)**, т.е. состоит из двух частей: из **вещественного мира** и из **мысленного мира**. В мире выделяется наша планета Земля. Мир существует во времени. Под **человечеством** понимается совокупность всех людей, существовавших (живших) или существующих (живущих) на нашей планете.

Объединённый мир (на данный момент времени) подразделяется на: 1) **природный мир** (как вещественный, так и мысленный); 2) **надприродный мир** (как вещественный, так и мысленный), созданный и создаваемый **человечеством** в его бытии (существовании во времени). Будем считать, что само создаваемое человечество является частью и природного мира, и надприродного мира. Вместо пары – **вещественный мир** и **мысленный мир** – можно использовать заимствованную пару – **материальный мир** и **идеальный мир**.

Под (*человеческой*) *созидательностью* далее понимается вся совокупность созиданий (т.е. наследований и обновлений) людьми или отдельным человеком надприродного мира за счёт природного мира. При таком понимании и сотворение человеком своего внутреннего надприродного мира, и парное сотворение нового человека является *человеческой созидательностью*. Под (*человеческой*) *деятельностью* понимается целенаправленная (*человеческая*) созидательность.

Бытие (существование во времени) вещественного мира называется *овеществлением*. Бытие мысленного мира людей называется *мышлением*.

Любая мысленно отмеченная людьми часть объединённого мира далее называется (*мировым*) *предметом*. Это общее понятие включает в себя предметы, связанные с бытием других предметов, такие как явление, состояние, благополучие, равновесие, условие, обстоятельство и пр. Каждому предмету присущ другой мысленный предмет, называемый (*бытийным*) *именем* (*наименованием, названием и пр.*) *предмета*.

В некоторых предметах есть и *вещественная (составляющая) часть*, и *мысленная (составляющая) часть*; их можно назвать *синтетичными* или *вещественно-мысленными предметами*. Примером является любой созданный человеком вещественный предмет, поскольку он имеет в себе и мысленную часть, показывающую некоторые обстоятельства придумывания и создания этого предмета. Другим примером является любой не созданный, но измышленный человеком вещественный предмет, такой как электрон, атом, молекула, клетка, ген и т.д. В некоторых предметах есть только *вещественная (составляющая) часть*; их можно назвать *чисто вещественными предметами*. Примером является любой косный, т.е. не живой, природный предмет. Наконец, в некоторых предметах есть только *мысленная (составляющая) часть*; их можно назвать *чисто мысленными предметами*. Примером является любой предмет, непосредственно не обнаруживаемый органами чувств человека, вооружёнными в данный момент времени вспомогательными обнаружительными средствами, такой как сверхъестественное существо, душа, число и т.д.

ПЕРВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ (СОЗНАТЕЛЬНЫЙ И ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЙ МИРЫ). ИСТОРИКО-НАКОПИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УСТРАИВАНИИ МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ

Важнейшей проблемой антропологии (учении о человеке) является *проблема устройства мысленного мира людей*. Английский философ Джон Локк (1632-1704) в своём труде 1690 г. «Опыт о человеческом разуме» (1690) обосновывал представление о том, что внутренний мысленный мир человека при его рождении является совершенно пустым (по латыни *tabula rasa*) и впоследствии наполняется только из внешнего мысленного мира людей. «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот их обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда он получает весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: **из опыта**» (цитата из упомянутой книги Локка).

Представление, которое отчётливо противостояло указанному выше представлению Локка о врождённой пустоте, было изложено Карлом Робертом Эдуардом фон Хартманном (1842-1906), опубликовавшим в 1869 г. книгу «Философия подсознательного», в которой используется понятие частичной **врождённости** подсознательного.

Прорывным представлением, которое противостояло представлению Локка и развивало представление Хартманна, явилось представление немецкого психолога Карла Густава Юнга (1875-1961). В статье «Структура бессознательного» («Über das Unbewußte und seine Inhalte») (1916) Юнг ввёл понятие **врождённого коллективного бессознательного** (collective unconscious).

С нашей отстранённой точки зрения исключительно важные понятия сознательного и бессознательного имеют серьёзный изъян: они являются только лишь признаковыми именами **прилагательными** при неопределённом имени **существительном**.

Ниже излагается аксиоматическое **историко-накопительное представление** об устроении мысленного мира людей, развивающее указанные представления Хартманна и Юнга.

Мысленный мир людей подразделяется на **сознательный** (ведательный) **мир** и **подсознательный** (иначе *наивный, бессознательный, внесознательный, надсознательный* и пр.) **мир**.

Отнесение мысленного мира к сознательному или подсознательному мирам задаётся посредством следующих аксиомных **определений-признаков**. Весь подсознательный мир одного поколения передаётся в подсознательный мир следующего поколения по отдельному **рожденческому** наследованию. Сознательный мир передаётся из поколения в поколение как поднятием из унаследованной подсознательной части, так и образно-словесным вменением от человека одного поколения к человеку другого поколения.

Таким образом, понятия сознательного и подсознательного мысленного миров являются сложными именами существительными, в которых имена прилагательные «сознательное» и «подсознательное» включаются как признаковые части.

Имеется следующая временная **связь устроения сознательного и подсознательного миров людей в объединённом мире**:

- 1) подсознательный мир устраивается путём человеческого рождения;
- 2) подсознательный мир добавочно устраивается путём постепенного перехода накопленной устойчивой во времени части сознательного мира в подсознательный мир;
- 3) сознательный мир устраивается как путём поднятия из подсознательного мира, так и путём вменения одной частью сознательного мира другой части сознательного мира¹;
- 4) сознательный мир добавочно устраивается путём человеческого познания.

Из сказанного следует, что сознательный и подсознательный миры неоднородны внутри всего человечества. Сознательный мир преимущественно однороден внутри каждой долго существующей мысленно обменной человеческой общности по причине мысленного перемешивания. Подсознательный мир преимущественно однороден внутри каждой очень долго существующей кровнородственной человеческой общности по причине родительского перемешивания. Поэтому подсознательный мир гораздо менее изменчив во времени, чем сознательный мир.

ВТОРОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ (ЧУВСТВЕННЫЙ, ГЛУМНЫЙ И УМНЫЙ МИРЫ)

В мысленном мире всех людей [соответственно, отдельного человека] выделяются (т.е. возможны и другие) **чувственный мир** (иначе говоря, *дух, душа* (в светском (космистском) смысле)) *всех людей* [соответственно, *отдельного человека*] и **думный мир** (иначе говоря, *лик* (в светском смысле)) *всех людей* [соответственно, *отдельного человека*]. Думный мир подразделяется на **глумный мир** и на **умный мир** *всех людей* [соответственно, *отдельного человека*].

Слова «душа» и «лик» выбраны для отражения чего-то внутреннего, более скрытого от наблюдателя, и, соответственно, более внешнего, менее скрытого для наблюдателя, проявляемого в виде высказываемых и даже записываемых дум, как умных, так и глумных. Наделять человечество только разумом, значит не искать истины. Отметим, что латинское слово «sapiens» переводится русским словом «мудрый», а не словом «разумный». Большую

¹ Сознательный мир ребёнка начинает наполняться и создаваться из подсознательного мира ещё во время созревания плода в утробе матери и, по-видимому, особенно сильно наполняется в первые годы роста ребёнка. Одновременно после рождения ребёнка его сознательный мир наполняется и создаётся и из окружающей среды.

часть времени люди проводят в чувственном мире, другую часть времени проводят в глупом мире, и лишь малую часть времени проводят в умном мире.

Использование слов в квадратных скобках даёт возможность проводить *параллельные определения* сразу для случая мысленного мира всех людей в совокупности, т.е. для человечества в целом, и, соответственно, для случая мысленного мира каждого отдельного человека.

Человек чувствует (ощущает) свой внешний мир и свой внутренний мир и отражает их в своём чувственном мире посредством своих *чувственных (ощутительных) способностей*. Человек *ощущает свой внешний мир* посредством только пяти *внешних чувственных способностей*: зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной и пространственной (ориентационной). Описание сновидений, грёз, бредовых и болезненных состояний и пребывания и пр. показывает, что человек *ощущает свой внутренний мир* посредством трёх *внутренних чувственных способностей*: зрительной, слуховой и болевой. Но похоже, что полный перечень внутренних способностей до сих пор не описан.

Отсюда и из сказанного выше следует, что чувственный (ощутительный) внутренний мир человека наполняется из его полученного при рождении подсознательного мира, из его внешнего мира или из его внутреннего мира. Думный внутренний мир человека наполняется также из его полученного при рождении подсознательного мира. Однако дополнительное наполнение его из внешнего мира человека или из его внутреннего мира посредством каких-либо *думных способностей* до сих пор чётко не описано. Ниже описываются только особенные виды бытия мысленного мира людей.

НАДПРИРОДНЫЙ ОТРЫВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЫСЛЕННЫЙ МИР БЫТИЙНОГО ОБЩЕСТВА. ОТРЫВНАЯ РАСПЛАТА БЫТИЙНЫХ ОБЩЕСТВ

Согласно объединительному представлению о мире, изложенному выше, человечество совершило качественный рубежный переход от бытия в природном мире и пошло по пути создания надприродного мира из природного мира и по пути одновременного бытия в этих мирах. Отмеченное обстоятельство является первым определяющим обстоятельством всего человеческого бытия. Назовём его *первым обстоятельством надприродного отрыва человечества*. Поскольку природный мир планеты Земля постоянно воссоздаётся Солнцем, человечество могло бы для создания надприродного мира использовать только воссоздаваемые (возобновляемые) природные средства (достояния, ресурсы). Однако в отличие от всех биологических видов человечество пошло по пути постоянного, расширенного и усложнённого создания надприродного мира за счёт использования не воссоздаваемых (не возобновляемых) природных средств. Это обстоятельство является вторым определяющим обстоятельством всего человеческого бытия. Назовём его *вторым обстоятельством надприродного отрыва человечества*.

В силу ограниченности природного мира планеты Земля указанный надприродный отрыв человечества привёл к постоянному истощению используемой части природной среды каждого (бытийного) общества. И к необходимости постоянного «расползания» этой части на ещё неиспользованную неудобную часть природной среды. Это **вынужденное** «расползание» на неудобья оказывается возможным за счёт постоянного использования и развития обществом техники и технологии. Кроме того, созданное надприродное достояние общества постоянно устаревает и разрушается. Поэтому его необходимо постоянно воссоздавать. А для этого необходимы свои техника и технология.

Однако никакие техника и технология не действуют без людей. Поэтому в первую очередь они направлены на создание и воссоздание *жилищной, питательной, воспитательной, обучающей и лечебной сред общества*, как частей природной и надприродной сред. В этих средах осуществляется расширенное воссоздание самого общества, настройное мысленное вменение ему смыслов и замыслов его бытия, отвлекающее вменение ему ощущений (переживаний) и впечатлений и т.д. Кроме того, они направлены на

создание *созидательной среды общества*, в которой людьми осуществляется создание необходимой надприродной среды. Кроме того, они направлены на создание *дорожной и общительной среды общества*, связывающей общество в созидательную целостность. Все указанные среды облегчают выживание общества.

Поэтому можно сделать вывод, что надприродный отрыв человечества оказал и оказывает в целом **благоприятное** влияние на бытие обществ.

Практика показывает, что этот отрыв **сопровождается системным усложнением каждого общества**, под которым понимается увеличение количества деталей и связей в обществе, как системе, и качественным увеличением разнообразия этих деталей и связей. Поэтому и этот отрыв, и это усложнение вместе приводят к постепенному расширению и углублению умного мира общества. Однако это становится заметным только на многопоколенных (стратегических) и великопоколенных (эпохальных) временных промежутках. И то это можно заметить только по косвенным признакам (в частности, по количеству и качеству воспринимаемых естественно-научных знаний), поскольку никто никаких замеров никогда не проводил.

На остальные части мысленного мира общества и этот отрыв, и это усложнение оказывают не только благоприятное влияние, но и **тлетворное**. А именно, они приводят к заметному **расширению** чувственного и глумного миров общества даже на однопоколенных (тактических) временных промежутках из-за того, что указанные изменения количества и качества деталей и связей предоставляют новые возможности для чувствования и особенно для глумления в свободное от работы время.

Кроме того, они приводят к тому, что доля умного мира общества относительно долей его чувственного и глумного миров постоянно **уменьшается** во времени, поскольку бытие общества в расширяющемся надприродном мире является более предсказуемым и не требует от нового человека того напряжения ума, которое требовалось предыдущему человеку при его выходе в неизвестный, изменчивый и враждебный природный мир для добывания пропитания и для создания необходимого надприродного мира.

Более того, расширение чувственного и глумного миров общества **сопровождается** расширением **порочных частей** этих миров. Слово «порок», по-видимому, происходит от слова «порог» для обозначения некоторого рубежа, который для себя выстрадало и выработало общество и переход за который оказывается губительным для людей. Поэтому *степень порочности человека* можно определить как величину удалённости от исходных биологических природных свойств человека в сторону его губительных социальных свойств.

Приведём поясняющие примеры. К порокам человека относятся азартные игры, такие как древнейшие карточные игры или современные компьютерные игры. Раньше для игры в карты всяким пушкинским «Германом» требовалось выходить из дома и приходить в какие-то ограниченные помещения. Сетевые компьютерные игры преодолевают это ограничение (см. [2], [16] и [18]). К другому пороку относится порнография, которая из словесного и рисованно-картинного видов расширилась сначала до зрительно-журнального, а затем и до зрительно-экранного вида. Ещё к одному пороку относятся пьянство и наркотическое одурманивание. Также к пороку относятся половые извращения. К опаснейшим порокам относятся плутовство (т.е. жульничество, лукавство, лицемерие, обман, подлог и пр.). Развитие техники и технологии (в особенности информационной) приводит к постоянному облегчению доступности указанных пороков, приводящему ко всё большему заражению ими человечества.

Таким образом, надприродный отрыв человечества привёл и приводит к относительному **сужению** умного мира в мысленном мире общества и к относительному **расширению** в этом мысленном мире чувственного и глумного миров и их порочных частей. Эту причинно-следственную связь можно назвать **отрывной расплатой обществ (за надприродный отрыв человечества)**.

Замечание. Происходящее в наше время безудержное корыстное внедрение той сферы информационных технологий, которая непосредственно воздействует на мысленный мир общества, приводит к тому, что умственный уровень столичных российских школьников и студентов за последнее тридцатилетие неуклонно понижается. При этом столичной молодёжи внедрителями этой сферы назойливо вменяется, что она от её неограниченного использования становится умнее своих родителей и, тем более, своих предков.

(АРХЕ)КОД ПОРОЧНОГО РАЗЛАЖИВАНИЯ

Отягощающим последствием отрывной расплаты обществ оказалось то, что человечество исторически пошло по пути использования *(архе)кода порочного разлаживания*, т.е. разлаживания одних обществ другими обществами, как внешними, так и внутренними, посредством вещественно-мысленного побуждения первых обществ к забыванию своих умных миров и к пребыванию в порочных частях своих чувственных и глумных миров с целью облегчения ограбления вторыми обществами природной и надприродной сред первых обществ (см. [6], [9, с. 180-188] и [10]).

Показательным историческим примером использования этого кода являются опиумные войны на территории Китая в XIX в. между западными державами во главе с Британской империей и Империей Цин за свободное осуществление торговли опиумом, которой препятствовала цинская политика запрета морской торговли.

В следующей части показывается, как этот код чрезвычайно действенно используется в современном мире через вменение и воплощение англосаксонского глобалистского проекта. В третьей части описаны способы необходимого и возможного противодействия использованию этого кода в современной России.

Часть 2. Субъект порочного глобального влияния на мысленный мир человечества

В начале этой части статьи даётся необходимое для дальнейшего изложения краткое описание *историко-системного представления о государстве и о его социальном развитии*, приведённого в публикациях [4], [6], [7] и [9, с. 25-188].

АРХЕТИП НОМОВОГО УСТРОЕНИЯ

Среди всех бытийных обществ современного мира выделяются такие важные общества, как *государства (в широком смысле)* или иначе *управляемые страны*¹. Несмотря на разницу в размерах, все они устроены и действуют примерно одинаково.

Более того, если мы погрузимся в глубочайшую древность, когда люди жили только малыми семьями, и будем подниматься вверх по исторической лестнице, проходя этапы большой семьи, рода и племени, то мы заметим, что и эти организованные социально-исторические образования осуществляли в **тех условиях** бытие, **близкое** к бытию современных государств. И поэтому возникает естественное предположение, что современные государства **устроены и действуют по одному архетипу бытия**, который зародился ещё на этапе малой семьи.

Этот архетип бытия был назван автором *архетипом номового устройства*, а все упомянутые выше социально-исторические образования были названы *номами*.

Архетип номового устройства состоит в том, что каждый *ном* является *сложным трёхуровневым бытийным обществом*, устроенным в виде совокупности *основных (под)систем*, связанных друг с другом в единую систему и зависящих друг от друга так, что без каждой из этих систем ном существовать не может. Основными системами нома являются: *содержательная, обеспечительная, сочетательная, совокупная распорядительная и верховная системы*.

В *содержательной системе* осуществляется рождение *жителей нома* и создание *жизненных средств (предметов, услуг и пр.)*, непосредственно предназначенных для

¹ Слово «**страна**» содержит четыре корневых согласных **с-т-р-н**. Поэтому она находится в одном языковом кусте со словом «**строение**». Это значит, что *страна* – это место со строением, обустроенное место.

рождения и выживания жителей нома. *Обеспечительная система* обеспечивает указное целевое движение номовых и внемомовых достояний посредством побуждения (принуждения и убеждения) единиц нома к выполнению соответствующих установлений (институций). *Сочетательная система* осуществляет указное целевое сочетание всех видов движения номовых и внемомовых достояний посредством создания, сбора, хранения и раздачи денег, статистических сведений, стратегических запасов и т.п. *Содержательно-распорядительная, обеспечительно-распорядительная и сочетательно-распорядительная системы* ведают (управляют) созидательностью содержательной, обеспечительной и сочетательной систем, соответственно. *Верховная (властная) система* ведаёт (управляет) созидательностью этих распорядительных систем.

Обеспечительная, сочетательная, распорядительная и верховная созидательности в номе являются другими, не менее важными, чем содержательная созидательность, видами созидательности. Более того, собственно содержательная созидательность совершенно невозможна без этих видов созидательности. При этом каждый вид созидательности невозможен без всех других, и все они одинаково важны. Из сказанного следует, что ном **не расчленяется** на отдельные самостоятельные части, способные осуществлять своё собственное независимое бытие.

Содержательная, обеспечительная и сочетательная системы разбиты на соответствующие *уклады бытия ((эссе-)номосы[§]) нома*, состоящие из единиц нома, осуществляющих **бытийно сочленённые** типы бытия номового общества. Совокупная распорядительная система разбита на соответствующие *ведомства*, ведающие этими укладами.

Часть земного пространства, охраняемого обеспечительной системой нома, называется *пространством нома* или *номовым пространством*. Номовое пространство делится на *земное пространство (территория)*, *водное пространство (акватория)* и *воздушное пространство (аэротория)*.

Ному, как обществу, присуща *своя надприродная среда нома*, т.е. непосредственно связанная с номом явная часть *надприродного мира* (как *вещественного*, так и *мысленного*), созданного и создаваемого человечеством в его бытии. Остальная часть надприродного мира называется *зарубежной надприродной средой нома*. Из зарубежной надприродной среды ном может что-то изымать, отнимать, получать, занимать и проч., ей ном может что-либо отдавать.

Примером важной составляющей зарубежной надприродной среды для современного государства может служить *зарубежная финансовая среда*. Другую составляющую зарубежной надприродной среды может представлять собой *зарубежная вещественно-производственная среда*, из которой государство может получать продукты зарубежного вещественного производства. Наконец, ещё одной составляющей этой среды может быть *зарубежная мысленно-производственная среда*, из которой государство может получать продукты зарубежного мысленного производства.

Ному присуща *содержательная среда нома*, состоящая из природной (своей и зарубежной) среды **вместе** с зарубежной надприродной средой. Своя надприродная среда нома и его содержательная среда вместе составляют *бытийную среду нома*.

ОСНОВНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ УКЛАДЫ В НОМЕ

Объединительное представление о мире и историко-системное представление о государстве, изложенные выше, позволяют дать **современный ответ** на вопрос о том, как создаются содержательные достояния в государствах (или шире в номах)?

[§] Слово «эссе-номос» образовано от латинского слова «esse», означающего «**бытие**» и греческого слова «νόμος», означающего «**уклад, закон, порядок**». Обычно первое слово будем опускать, если это не приводит к искажению смысла.

Самым важным основным содержательным укладом в номе является **рожденческий (содержательный) уклад** (*генетический номос, (генономика)**), состоящий в воссоздании населения нома посредством рождения и воспитания потомства. Без рожденческой созидательности на **многопоколенном** временном промежутке невозможны не только никакие другие виды содержательной созидательности в номе, но и все остальные перечисленные выше виды созидательности в номе.

Рожденческая созидательность (на данном временном промежутке) может быть **размножительной, поддержательной и вымирательной**. При вымирании населения нома на многопоколенном временном промежутке все остальные виды бытия постепенно «затухают», ном от этого слабеет и в итоге подчиняется другому нома. При поддержании численности населения нома на многопоколенном временном промежутке происходит **неизбывное истощение** (своей и зарубежной) освоенной природной среды нома в силу её **ограниченности**. Поэтому только при размножительности населения нома на многопоколенном временном промежутке **может** происходить **сохранение** количества природных достояний, приходящихся на одного члена нома, **преодолевающее** указанное выше неизбежное истощение освоенной природной среды за счёт освоения ранее недоступных неудобий. Более того, даже при размножительности населения нома увеличение этого количества только за счёт своей природной среды без **изъятия** из зарубежной природной или надприродной среды вообще невозможно.

Отметим, что наличие или отсутствие роста и расселения населения нома по пространству нома являлись и являются важнейшими показателями всей жизненности и защищённости нома в долгом пробеге. Показателями, гораздо более важными, чем всякие современные краткосрочные субъективные «уровни» и «качества» жизни населения современных государств, нравящиеся близорукой знати и беспечному населению.

Следующим основным содержательным укладом в номе является **жизненный (содержательный) уклад** (*витальный номос, витанномика**), состоящий в создании (вещественных, вещественно-мысленных или мысленных) предметов надприродной (своей или зарубежной) среды нома, предназначенных для порождения и выживания жителей нома и для осуществления созидательности всех остальных основных систем нома.

Согласно *созидательскому представлению о жизненности в номе* жизненное созидание в номе исконно происходит посредством трёх **качественно разных основных видов жизненной созидательности**, а именно: посредством *извлечения* (для человека), посредством *произведения* (для человека) и посредством *вменения* (в человека) (точные определения этих видов и поясняющие примеры приводятся ниже). Это приводит к *созидательскому представлению о выделении в жизненном укладе (витанномике)* в государствах трёх качественно разных основных жизненных (под)укладов.

В жизненный уклад включается **извлекательный (жизненный) уклад** (*экстракционный номос, экстрактономика*), состоящий в извлечении из (**внешней**) содержательной среды (вещественных или мысленных) предварительных природных или надприродных предметов и перевод их в предметы надприродной (своей или зарубежной) среды нома, предназначенные либо для распределения и присвоения внутри нома, либо для последующего перерабатывательного производства в номе, либо для передачи в зарубежные номы.

Кроме того, в него включается **производительный (производственный) (жизненный) уклад** (*производство, индустриальный номос, индустриномика, индустрия*), состоящий сначала в преобразовании извлечённых предметов, затем в создании из преобразованных предметов или их совокупностей **новых промежуточных** (вещественных или мысленных)

* От греческих слов «γεννήσει» и «νόμος», означающих «рождать» и «уклад, закон, порядок», соответственно.

* От латинского слова «vita» и греческого слова «νόμος», означающих «жизнь» и «уклад, закон, порядок», соответственно.

предметов надприродной (своей или зарубежной) среды нома и затем в создании из промежуточных предметов или их совокупностей **новых конечных** предметов этой среды, предназначенных либо для распределения и присвоения внутри нома, либо для последующего вменения в ному, либо для передачи в зарубежные ному. В нём в зависимости от вида производимых предметов выделяются *вещественно-производительный* (материально-индустриальный, реально-индустриальный) и *мысленно-производительный* (идеально-индустриальный, виртуально-индустриальный) уклады, а также соответствующие смешанные уклады.

Извлекательный и производительный уклады вместе составляют *хозяйственный* (жизненный) уклад (хозяйство, экономика*). Извлекательная и производственная деятельности вместе составляют *хозяйственную* (экономическую) деятельность.

Наконец, в жизненный уклад включается *вменительный* (жизненный) уклад (вменительство, антропономика[†]), состоящий во вменении (внедрении) во **внутренний надприродный** (вещественный или мысленный) **мир каждого жителя нома или некоторых жителей других номов** некоторых извлечённых или произведённых (вещественных или мысленных) предметов надприродной среды нома, предназначенных для **направленного** непосредственного обеспечения **телесного** (вещественного или мыслительного) бытия человека.

Ясно, что оповестительная, научная, воспитательная, образовательная, здравоохранительная, культурная, религиозная, питательная, отдыхательная, развлекательная и прочие области жизненной созидательности **в своих значительных частях** не погружаются в узкие рамки хозяйственной деятельности; эти части являются особыми областями вменительной созидательности.

ЭТАПЫ МИРОВОГО УСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Номы, как субъекты мирового устройтельного процесса, проходят ряд вынужденных эволюционных *устройтельных этапов* своего развития. Исходным предустройтельным этапом является этап *первичной* (человеческой) *популяции* с временно создаваемыми брачными парами. Последующие устройтельные этапы популяции условно обозначаются так: *этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап сверхдержавы (империи) и этап надимперии*. Номы пятого, шестого и седьмого этапов обычно называются *государствами*. Номы данного устройтельного этапа могут осваивать только ту ограниченную часть окружающего мира, которая *доступна и пригодна* для их бытия. Её можно назвать *ойкуменой* данного устройтельного этапа.

Археспособ номовой амальгамации состоит в том, что при исчерпании ойкумены популяции данного устройтельного этапа и при сохранении враждебности содержательной среды начинается **вынужденное** достаточно кратковременное и бурное (в сравнении с длительным и спокойным предыдущим этапом размножительного экстенсивно-интенсивного расселения популяции по своей ойкумене) революционное **восстановительно-приспособительное изменение** бытия популяции, окончательным результатом которого становится образование в новой популяции, как системе, таких более крупных и более сложных деталей, как **номы следующего устройтельного этапа**, которые получают **амальгамацией** (т.е. объединением с воспроизведением строения) некоторых номов старой популяции. В результате амальгамации в появившихся более крупных номах воспроизводится в главнейших чертах прежнее, но в деталях более усложненное строение, обусловленное **расщеплением и обособлением** по разным людям прежде объединенных в одном человеке созидательностей и, в частности, деятельностей.

* От греческих слов «οικο» и «νόμος», означающих «дом» и «уклад, закон, порядок», соответственно.

† От греческих слов «άνθρωπος» и «νόμος», означающих «человек» и «уклад, закон, порядок», соответственно.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПОСТИМПЕРСКОГО
НАДУСТРОИТЕЛЬНОГО ЭТАПА. МАКРОРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ. МАКРОСЫ

Согласно *бивалентному (двусильному) представлению* изменение (бытийного) общества не может происходить только изнутри, для него должны обязательно заранее существовать **внешние** запускающие обстоятельства (предметы и связи) (см. [8] и [9, с. 25-101])).

Исчерпание к XX в. державно-имперской ойкумены и стало тем **внешним** к человечеству запускаящим обстоятельством, которое запустило для человечества необходимость государственных объединений. В этой связи пробудился археспособ номовой амальгамации и наступил **эпохальный (великопоколенный) постимперский надустроительный этап** (см. [4]). На начальной стадии постимперского надустроительного этапа стали возникать более крупные, чем империи, макрорегиональные квазиномы, названные в работах [5] и [6] *кооперантами* и *интегрантами (макросами)*. Вторые квазиномы отличаются от первых большей степенью объединения по большему числу бытийных сфер.

В 1887 г. Британская империя, как настоящий ном, не смогла удержаться на достигнутом государственно-объединительном уровне и была вынуждена преобразоваться снова в квазином – Британское содружество наций (с 1946 г. просто Содружество наций).

После победы США во второй мировой войне возник **Американо-Британский макрос**, имеющий в качестве центра США и Великобританию и включающий в себя Содружество наций (Канаду, Австралию и пр.), Мексику, Японию, Южную Корею, Тайвань и пр. Первоначальное округление США Канадой и Мексикой показало наличие у США островного геополитического номоса, унаследованного от Великобритании. А последующее экономическое и политическое подчинение Японии, Южной Кореи и Тайваня создало крупный островной *субамериканский геополитический мир*.

После двух неудачных для материкового *европейского геополитического мира* мировых войн с островным субамериканским геополитическим миром в 1957 г. был создан **Европейский макрос** (сначала Европейское Экономическое Сообщество и затем Европейский союз).

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ГЛОБАЛИСТСКИЙ ПРОЕКТ

Во второй половине XX в. внутри Американо-Британского макроса составила сверхполномощная **англосаксонская материально-индустриальная консорция** с центром в США.

Создание собственной **контролируемой** экстракционной и материально-индустриальной периферии и собственного **глобального параном** позволило США и Великобритании во второй половине XX в. сосредоточиться на развитии внутри себя финансового идеально-индустриального уклада, информационного идеально-индустриального уклада и гипер-антропономного уклада и совершить там идеально-индустриальную и гипер-антропономную революции. На этом основании в последней четверти XX в. указанная консорция превратилась в сверхполномощную (**англосаксонскую материально-идеально-индустриальную и антропономную**) **глобалистскую консорцию**.

Эта глобалистская консорция начала вменять в мировое сознание нужную ей **фантропию англосаксонской глобализации**, направленную на создание американоцентричного мирового порядка. Эта привлекательно-возможностная цель основывалась на глобальной американской долларовой системе и на глобальных якобы сетевых, а на самом деле иерархических американоцентричных системах (технологической, информационной, финансовой, культурной, антропономной и пр.).

Смутная вначале фантропия глобализации постепенно стала чётко основываться на **двух** своих главных основах: на *обще ценностном дирижизме*, провозглашающем **обязательные для всех** общечеловеческие ценности, права человека, демократию, свободу

слова и пр., и *надграницном передвиженческом либерализме*, провозглашающем **свободное передвижение** товаров, денег, знаний, умений, сведений, услуг, вменений, труда, людей и пр. через государственные границы **всех** государств мира. Указанная выше англосаксонская глобалистская консорция постепенно расширилась до сверхполномощной *всемирной глобалистской консорции*.

На основе указанной фантропии этой суперконсорцией был создан привлекательно-возможностный *англосаксонский глобалистский проект по эксплуатации* англосаксонским миром государств и квазигосударств глобального параномы, в том числе и Европейского макроса. Этот проект был воплощён сверхполномощным Американо-Британским макросом, поскольку средств только США и Великобритании на это не хватило бы. Подробное описание этого проекта приведено в книгах [1], [17] и др.

Его воплощение привело к непомерному (гипертрофированному) расширению в Американо-Британском макросе финансового и информационного идеально-индустриальных укладов и антропономного уклада. На основе этих укладов в указанной консорции окрепла и стала сверхполномощной *идеально-индустриальная конвиксия* и выделилась и стала **полномощной гипер-антропономная конвиксия**. Естественно, что эти конвиксии отняли часть доходов от старой материально-индустриальной конвиксии и стали доминировать над нею, как это описано в книгах [14] и [15].

Выше была описана *созидательская качественная разница* между основными жизненными укладами. Однако между старым материально-индустриальным, современным идеально-индустриальным и современным гипер-антропономными укладами имеется также **потребностная качественная разница**.

Материально-индустриальный уклад производит для нома в основном **жизненно необходимые** для народа нома вещественные достояния, т.е. такие, без которых народ не может выживать. Современный идеально-индустриальный уклад производит для народа уже больше половины мысленных достояний, которые являются чисто **жизненно мнимыми** для народа, т.е. нужные этому укладу для его обогащения, но такими, без которых подавляющая часть народа может уверенно жить и не терять себя в истории. А современный гипер-антропономный уклад вменяет в мысленный мир народа в основном **жизненно глумные** для народа мысленные достояния, нужные этому укладу для его обогащения, но не только жизненно мнимые для народа, но даже вредные для него и опасные для его всевременного пребывания. Обобщённо говоря, современный идеально-индустриальный уклад является **полу паразитическим** на народе, а современный антропономный уклад является в основном (более чем на три четверти) **паразитическим** на народе.

ИТОГОВАЯ СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОЙ ЦЕННОСТНОЙ СЕГРЕГАЦИИ ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ДОСТОЯНИЙ В РАМКАХ ГЛОБАЛЬНОГО АНГЛОСАКСОНСКОГО ПАРАНОМА

Панамериканскому (геополитическим) миру по мере воплощения своего глобалистского эксплуатационного проекта удалось создать современный *глобальный рынок*, образованный системой различных бирж, контролируемый полностью этим миром.

Кроме того, удалось создать современную великолепно отлаженную и хорошо скрытую **систему глобальной ценностной сегрегации* основных жизненных достояний, продаваемых и покупаемых на этом глобальном рынке** [10]. В этой также контролируемой панамериканским миром системе сегрегации постоянно, широко и успешно вменяется, что **извлекаемые** достояния имеют более низкую («общечеловеческую») ценность по сравнению с **производимыми** достояниями, а последние имеют ценность ниже ценности **вменяемых** достояний.

* От латинского слова «*segregatio*», означающего «**принудительное отделение, обособление, удаление, разделение**».

В результате этого разноценностного вменения глумному населению планеты учреждения, торгующие на современном глобальном рынке «малоценными» извлекаемыми преимущественно вещественными достояниями, почти всегда получают от этого населения более низкую «капитализацию» (по-русски, основательность) по сравнению с учреждениями, торгующими «более ценными» производимыми достояниями. А последние учреждения почти всегда получают от глумного населения более низкую «капитализацию» по сравнению с учреждениями, торгующими «самыми ценными» вменяемыми преимущественно мысленными достояниями.

Создание транснациональными корпорациями (энергетическими, индустриальными, фармацевтическими, финансовыми, информационными, антропономными, религиозными и пр.) указанных разноценных достояний посредством использования набранных у населения и различающихся размерами капитализаций в итоге приводит к тому, что **прибыльность созидательности** в экстракционном укладе, в индустриальном укладе и в антропономном укладе значительно отличается, возрастая в соответствии с перечислением укладов.

И как-то незаметно и как будто само-собой получилось, что наиболее прибыльные идеально-индустриальный и антропономный уклады расширились **именно** в США и Великобритании, а затем даже менее прибыльный материально-индустриальный уклад был перемещён ими на контролируемую материально-экстракционную и материально-индустриальную периферию.

В итоге в англосаксонском глобальном параноме создалась внешне устойчивая и слаженная **глобальная сегрегационная пирамида** (разделения труда и получения прибыли от этого разделения), на вершине которой закрепился англосаксонский мир, создающий самые дорогие «высшие» мысленные ценности, в середине которой закрепились ЕС, Китай и др., создающие менее дорогие «средние» вещественно-мысленные ценности, а внизу закрепились Россия и другие поставщики природных ресурсов, создающие самые дешёвые «низшие» преимущественно вещественные ценности.

Именно нахождение на вершине этой пирамиды позволило англосаксонскому миру оказывать глобальное разлагающее порочное воздействие на мысленный мир человечества с целью управления человечеством в своих интересах.

Часть 3. Российское преодоление порочного глобального влияния на свой мысленный мир

В этой части кратко описываются способы необходимого и возможного противодействия использованию кода порочного разлагивания мысленного мира современной России, затронутые в статьях [12] и [13].

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЫСЛЕННОГО МИРА БЕЗ ЕГО СУВЕРЕНИЗАЦИИ

Вменяемая в рамках англосаксонского глобалистского проекта **доминантность чувственного и глумного миров человечества над его умным миром** проявляется, в частности, в том, что учреждения, торгующие на современном глобальном рынке «малоценными» извлекаемыми преимущественно вещественными достояниями, почти всегда получают от глумного населения более низкую «капитализацию» (по-русски, основательность) по сравнению с учреждениями, торгующими «более ценными» производимыми достояниями. А последние учреждения почти всегда получают от глумного населения более низкую «капитализацию» по сравнению с учреждениями, торгующими «самыми ценными» вменяемыми преимущественно мысленными достояниями. Показательными в этом отношении являются капитализации вещественно-извлекающей компании «Газпром» примерно в 7 трлн. руб. (01.06.2022), вещественно-мысленно-производящей компании «Siemens» примерно в 1 трлн. долл. и мысленно-вменяющей компании «Google» примерно в 2 трлн. долл. В этом же ряду стоит и чрезвычайная скорость увеличения капитализации оглумляющих компаний типа TikTok. Большинство «успешных»

капитализаций» имеет природу финансовой пирамиды, основанной на глумности населения (см. [10] и [11]).

Из этого неутешительного **объективного** показателя следует, что **при сохранении** созданной после перестройки вовлечённости России в глобальный англосаксонский мысленный мир у России практически нет шансов на создание своего собственного обширного умного мира, задающего и вменяющего собственные смыслы российского бытия. А без наличия этого мира выстоять в условиях длительных внешних и внутренних угроз, описанных в статьях [6], [8] и [10], вряд ли возможно.

Поэтому современной патриотичной России чрезвычайно необходима суверенизация российского мысленного мира. Ясно, что суверенизация оповестительной, научной, воспитательной, образовательной, здравоохранительной, культурной, питательной, дыхательной, развлекательной и прочих областей мысленного мира, является трудным кропотливым делом и может занять длительное время. Однако быстрая суверенизация именно оповестительной и воспитательной областей, является **первостепенной необходимостью** (см. также [3]).

СОЗДАНИЕ И СЛАЖИВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ МАССОВОГО ВМЕНЕНИЯ

Поэтому необходимо срочное создание управляющей системой России **системы указной российской вменительности**. А также необходима срочная **суверенизация** созданной после перестройки 1985-1993 гг. **системы вольной глобальной вменительности**, вменяющей в сознание российского народа порочные глобалистские англосаксонские смыслы и ценности.

Поскольку создаваемые российские средства массового вменения будут вначале значительно уступать в действенности давно созданным и великолепно отлаженным англосаксонским глобальным средствам вменения, необходимо естественное **ограничение** деятельности последних в патриотической России. Вся компрадорская пропаганда о благотворном влиянии глобальной конкуренции на развитие вменительного уклада должна быть преодолена ради исторического выживания самой России.

СОЗДАНИЕ СОБСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО УМНОГО МИРА

Нахождение россиян в Youtube'е и в TikTok'е не способствует ни созданию, ни расширению своего умного мира. Это создание и это расширение в «долгом пробеге» может обеспечить только **российский воспитатель, учитель и преподаватель!** Воспитатель в детском саду, учитель в средней школе и преподаватель в высоком учебном заведении должны постоянно обучать молодёжь думать умно, а не глумно, хотя второе для неё более весело и прикольно*. Высказанное утверждение восходит к известному утверждению немецкого профессора Оскара Пешеля: «Народное образование играет решающую роль в войне ... Когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» (1886г.). Схожее утверждение приписывается канцлеру Отто фон Бисмарку: «Франко-прусскую войну выиграл немецкий школьный учитель».

Литература:

1. Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. - М.: Международные отношения, 2005. - 676 с.
2. Антонюк Е.Ю., Трунёв С.И. Слабоумие в цифровом обществе: культурная норма или идеал?// Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. - М.: ИНИОН РАН, 2023. Вып. 6. Ч. 1. С. 530-532.

* *Думать умно* – это значит стараться не позволять обирать ни себя, ни свою семью, ни свой знаемый мир, ни свой знаемый и незнаемый народ [7]. *Думать глумно* – это значит позволять обирать или себя, или свою семью, или свой знаемый мир, или свой знаемый и незнаемый народ.

3. Добренков В.И. Глобальная политика и новый мировой порядок. - М.: Академический проект, 2019. - 542 с.
4. Захаров В.К. Архетип государственного объединения: Россия между Европой и Китаем// Государственная служба, 2010. № 2. С. 82-88.
5. Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределённость мира // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. - М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 14. Часть 2. С. 184-190.
6. Захаров В.К. Макрорегиональная интеграция, новый уровень мировой межгосударственной эксплуатации и возможности для России// Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2021. Т. 17. Вып. 7. С. 1208-1237.
7. Захаров В.К. От усложнения мира и человека к симфократии// Историческая психология и социология истории, 2021. № 2. С. 140-158.
8. Захаров В.К. Геополитическая необходимость перехода от национальных проектов к интегральному проекту для России// Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. - М.: ИНИОН РАН, 2022. Вып. 5. Часть 1. С. 106-125.
9. Захаров В.К. Номология. Мир и Россия. Кто виноват? и Что делать? - М.: Издательство «Родина», 2022. - 668 с.
10. Захаров В.К. Российское преодоление межгосударственной укладно-сегрегационной эксплуатации посредством воссоздания суверенной трёхкладной витаномики// Архонт. 2022. № 4(31). С. 4-30.
11. Захаров В.К. Созидательское «проклятие» человечества// Стратегия России, 2022. № 12. С. 61-76.
12. Захаров В.К. Укрепление стратегической защищённости России в условии внешнего геополитического вызова посредством консолидации российского общества// Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2022. Т. 18. № 2. С. 384-404.
13. Захаров В.К. Координационный совет и слаживание российской витаномики// Архонт, 2022. № 6(33). С. 4-23.
14. Мейсон П. Посткапитализм. – путеводитель по нашему будущему. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 416 с.
15. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. - М.: Экономика, 2016. - 695 с.
16. Черемошкина Л.В., Дюпина С.А. Мнемические способности студентов с разной степенью погружения в виртуальную реальность// Психологический журнал, 2022. Т. 43. № 3. С. 102-113.
17. Чумаков А.Н. Глобализация. Контур целостного мира. - М.: Проспект, 2005. - 432 с.
18. Cheremoshkina L.V. Influence of internet-activity for people's cognitive abilities// Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2011. V. 29. Pp. 1625-1634.

References:

1. Anilionis G.P., Zotova N.A. Global'nyj mir: edinyj i razdelennyj. Evolyuciya teorij globalizacii [Global world: united and divided. Evolution of theories of globalization]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. 676 p. – (In Russ.)
2. Antonyuk E.YU., Trunyov S.I. Slaboumie v cifrovom obshhestve: kul'turnaja norma ili ideal? [Imbecility in digital world: culture norm or ideal?]. Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. [Grate Eurasian: Development, Protection, Collaboration. Annual], Moscow: INION RAN, 2023. Iss. 6. Part 1. Pp. 530-532. – (In Russ.)
3. Dobren'kov V.I. Global'naya politika i novyj mirovoj poryadok [Global politics and the new world order]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019. 542 p. – (In Russ.)

4. *Zakharov V.K.* Arhetip gosudarstvennogo ob"edineniya: Rossiya mezhdru Evropoj i Kitaem [Archetype of state amalgamation: Russia between Europe and China]. Gosudarstvennaya sluzhba, 2010. No. 2. Pp. 82-88. – (In Russ.)
5. *Zakharov V.K.* Zakat global'nogo progressizma i proektnaya neopredelyonnost' mira [Decline of global progressivity and project uncertainty of world]. Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik [Russia: Trends and Perspectives of Development. Annual], Moscow: INION RAN, 2019. Iss. 14. Part 2. Pp. 184-190. – (In Russ.)
6. *Zakharov V.K.* Makroregional'naya integraciya, novyj uroven' mirovoj mezhgosudarstvennoj ekspluatatsii i vozmozhnosti dlya Rossii [Macro regional integration, new level of world interstate exploitation, and opportunities for Russia]. Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security, 2021. V. 17. No. 7. Pp. 1208-1237. – (In Russ.)
7. *Zakharov V.K.* Ot uslozhneniya mira i cheloveka k simfokratii [From complication of world and man to syntheocracy]. Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii [Historical psychology and sociology of history], 2021. No. 2. Pp. 140-158. – (In Russ.)
8. *Zakharov V.K.* Geopoliticheskaja neobhodimost' perehoda ot nacional'nyh proektov k integral'nomu projektu dlja Rossii [Geopolitical necessity of the transition from national projects to integral project for Russia]. Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik [Grate Eurasian: Development, Protection, Collaboration. Annual], Moscow: INION RAN, 2022. Iss. 5. Part 1. Pp. 106-125. – (In Russ.)
9. *Zakharov V.K.* Nomologiya. Mir i Rossiya. Kto vinovat? i Chto delat'? [Nomology. World and Russia. Who is guilty? What is to be done?], Moscow: Izdatel'stvo «Rodina», 2022. 668 p. – (In Russ.)
10. *Zakharov V.K.* Rossijskoe preodolenie mezhgosudarstvennoj ukladno-segregacionnoj ekspluatatsii posredstvom vossozdaniya suverennoj tryohukladnoj vitanomiki [Russian overcoming of interstate nomos-segregation exploitation by means of recreation of sovereign three nomos vitonomy], Arhont. 2022. No. 4(31). Pp. 4-30. – (In Russ.)
11. *Zakharov V.K.* Sozidatel'skoe «proklyatie» chelovechestva [Creative «damnation» of humanity], Strategiya Rossii. 2022. No. 12. Pp. 61-76. – (In Russ.)
12. *Zakharov V.K.* Ukreplenie strategicheskoy zashchishchyonnosti Rossii v uslovii vneshnego geopoliticheskogo vyzova posredstvom konsolidacii rossijskogo obshchestva [Strengthening the strategic protection of Russia in condition of external geopolitical challenge by means of consolidation of Russian society]. Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security], 2022. V. 18. No. 2. Pp. 384-404. – (In Russ.)
13. *Zakharov V.K.* Koordinacionnyj sovet i slazhivanie rossijskoj vitanomiki [Coordination council and harmonization of Russian vitonomy], Arhont. 2022. No. 6(33). P. 4-23. – (In Russ.)
14. *Mason P.* Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu [Postcapitalism: a guide to our future]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 416 p. – (In Russ.)
15. *Ryazanov V.T.* (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstvij dlya mirovogo hozyajstva i Rossii [(Non)Real capitalism. Political economy of crisis and its consequences for world economy and Russia]. Moscow: Ekonomika, 2016. 695 p. – (In Russ.)
16. *Cheremoshkina L.V., Dyupina S.A.* Mnemicheskie sposobnosti studentov s raznoj stepen'ju pogruzhenija v virtual'nuju real'nost' [Mnemical abilities of students with different degree of immersion into virtual reality]. Psihologicheskij zhurnal [Philosophical journal], 2022. V. 43. No. 3. Pp. 102-113. – (In Russ.)
17. *Chumakov A.N.* Globalizaciya. Kontury celostnogo mira [Globalization. Contoures of integral world]. Moscow: Prospekt, 2005. 432 p. – (In Russ.)
18. *Cheremoshkina L.V.* Influence of internet-activity for people's cognitive abilities. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2011. V. 29. Pp. 1625-1634.

**LIBERATION OF THE RUSSIAN MENTAL WORLD FROM THE VICIOUS INFLUENCE
OF ANGLO-SAXON GLOBALIZATION**

Zakharov V.K.

Doctor of physical and mathematical sciences, Professor, Professor, Lomonosov Moscow State University

zakharov_valeriy@list.ru

Abstract: *The paper is devoted to some vicious influence of the American globalization to the mental world of mankind. It consists of three parts.*

*It is marked in first part that the mankind accomplished the qualitative boundary transition from being in the natural world and came on the way of creating the over natural world from the natural world and on the way of simultaneous being in these worlds. It means that the over natural avulsion of mankind has taken place. In the whole it rendered and renders the **beneficial** influence on the being of mankind, in particular, it leads to the gradual extending and deepening the clever world of mankind.*

*Simultaneously this avulsion leads to the noticeable **extension** of the sensible and mock worlds of mankind and to the invariable diminution of the part of the clever world of mankind relatively to the parts of the sensible and mock worlds of mankind. Moreover, the extension of the sensible and mock worlds of mankind **is accompanied** by the extension of the **vicious parts** of these worlds. The stated tie may be called the avulsion payment of mankind. As its aggravating consequence it was found that the mankind historically came on the way of using the (arche)code of vicious derangement of some States by other States with the purpose of exploitation of theirs.*

It is shown in second part as this code is used extremely efficient in modern world through the imputing and embodying of Anglo-Saxon globalist project. In third part it is described modes of necessary and possible counteraction of using this code in modern Russia.

Keywords: *natural world, over natural world, over natural avulsion of mankind, sensible world, mock world, vice parts of these worlds, clever world, avulsion payment of mankind, (arche)code of vice derangement, vicious derangement of world through the Anglo-Saxon globalist project*

Для цитирования: Захаров В.К. Освобождение мысленного мира России от порочного влияния англосаксонской глобализации// Архонт, 2023. № 4(37). С. 18-33.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Базарбаев К.Б.

соискатель, докторант Национальной академии наук КР, Кыргызстан, Бишкек

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: раскрывается сущность деятельности современных социальных институтов, показаны пути совершенствования внутренней структуры этих социальных образований. При этом обращается внимание на содержание функций, выполняемых социальными институтами в условиях современного Кыргызстане, что является необходимым условием достижения социального порядка в нашем обществе.

Ключевые слова: повседневность, социальный институт, социальные практики, социальные нормы, статусы и роли, функции социальных институтов, социальные отношения

Любому обществу свойственно стремление к устойчивому развитию, результатом которого должен стать высокий уровень жизни. В силу этого в любом обществе проявляется комплексный феномен, имеющий технологические, экономические, политические, социальные и психологические составляющие. Этот феномен образуется благодаря комплексному изменению всех сфер жизни или их модернизации. В условиях интенсивного протекания общественных процессов и социальных перемен, существует возможность возникновения ситуации, когда изменившиеся общественные потребности не находят отражения в структуре и функциях социальных институтов. В таком случае возникает неясность целей деятельности института, падения его авторитета, вырождение его отдельных функций. Но не всегда эти перемены приводят к таким результатам. Социальные институты - это всегда развивающиеся формы деятельности людей. С возникновением новых технологий, переоценки ценностей, нового мышления людей, меняющегося со временем, развитие социального института всегда направлено вверх, оно прогрессирует, внося за какой-либо промежуток времени что-то новое в свою структуру и функции, что способствует благополучию человеческой жизни.

Далее необходимо отметить и трансформацию главного, из управляющих социальных институтов, института государства. На протяжении веков государство представляет собой устойчивую форму взаимоотношения индивидов, благодаря которой общественная жизнь организуется в определенную систему, обеспечивающую устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества. Характеристики государства не менялись с древнейших времен, а именно это цель деятельности, наличие социальных ролей и статусов, конкретных функций, политической устройство и прочее. В задачу государства, как основного источника безопасности своих граждан, входит осуществление необходимых для этого функций, такие как предотвращение и устранение социальных конфликтов, регулирование общественных отношений, развитие обороноспособности страны, защита внутриполитических интересов на международной арене и многое другое.

Институт государства так же зависит от внутренних институтов, входящих в него. Например, институт юстиции внушает и закрепляет уважение к закону, институт экономики решает финансовые вопросы, институт здравоохранения заботится о сохранности здоровья граждан. От прочности этих институтов, зависит и прочность всего государства.

Институты в самом общем виде можно определить как систему социальных отношений и социальных практик, создаваемых членами общества для обеспечения порядка в определенной области человеческой деятельности. При этом институциональные отношения рассматриваются в основном как отрицательные. Это означает, что основой наиболее значимых институциональных отношений являются отношения, построенные на

блокаде значимых для индивидов потребностей. Например, когда формируются отношения дружбы или любви (относящиеся к сфере повседневности), механизм их функционирования основан на простом обмене ценностями. Дружба построена на том основании, что у одной стороны социального обмена существует потребность в ценности (при желании вступать в социальные отношения), а у другой стороны – владение этой ценностью. Индивид может ориентироваться на хорошего человека (личностные ценности), на ценности межличностного общения и т.д. Одновременно у другой стороны обязательно должны иметься именно эти ценности. В ходе этого обмена формируются все позитивные отношения. Негативные отношения строятся на совершенно другой основе. Суть построения отношений подобного рода заключается в наличии потребности у одной из сторон и возможности заблокировать эту потребность – у другой стороны. Например, у индивида есть потребность в безопасности, а у другого индивида есть оружие, которое дает возможность заблокировать эту потребность. Очевидно, что в данном случае можно наблюдать появление целого комплекса негативных отношений: ненависти, диктата, зависимости, власти и т.д. Именно отношения зависимости и власти составляют основу деятельности социальных институтов. Человек, попадающий в поле деятельности социального института и входящий в него своей ролью, обязательно попадает в сферу отношений зависимости и власти. Эти два вида отношений цементируют социальные институты в современном обществе. Каждый член общества преследует личные цели, которые могут не совпадать с целями социального института как целого. Однако зависимость от других представителей социальных институтов и воздействие властных инстанций направляет его поведение на достижение общих целей

Но институциональная сфера не ограничивается только социальными отношениями. Попадая в эту сферу, люди вынуждены действовать в соответствии с правилами, принятыми в данном социальном институте. Эти действия должны быть однонаправленными, согласованными и предсказуемыми. Именно такие действия способствуют созданию порядка в определенной сфере человеческой деятельности. Действия людей в рамках институциональной сферы, а также условия осуществления таких действий называются «социальные практики».

Таким образом, мы видим, что современному обществу необходимы изменения в социальных институтах, их новое становление и преобразование. Благодаря этому, социум поддерживает свое существование, они изменяется в соответствии с новыми требованиями и потребностями жизни. И помогают ему в этом развивающиеся социальные институты, без которых общество потеряло бы свою значимость как таковое. Преобразование социальных институтов в современном обществе стремится добиться взаимности и соглашения с требованиями, предъявляемыми нам жизнью.

Еще одна важная функция социального института – это функция воспроизводства и поддержания социальных отношений. Для каждого социального института проблема устойчивости и предсказуемости действий имеет первостепенное значение. В связи с этим руководство государственных и экономических институтов должны формировать систему значимых норм, ценностей и символов, которые не изменяются в течение достаточно долгого промежутка времени. В этом случае представители социального института должны быть уверены, что эта система не будет изменяться каждый день, что все правила социального института стабильны и устойчивы. Например, член организации должен быть уверен в своих ожиданиях, знать, какие действия могут предпринимать члены этой организации в отношении заключения договоров. Эти ритуалы должны стать нормой функционирования социального института.

Поддержанию традиций способствует и выполнение институтами транслирующей функции. Основой этой стороны деятельности социальных институтов является передача социального опыта [1].

Особого внимания заслуживает проблема межинституционального взаимодействия. Каждый социальный институт нуждается во взаимодействии с другими социальными институтами, так как эти обмены необходимы для поступательного движения и постоянного развития институциональных структур. Всем известно, насколько важны взаимодействия между государственными и экономическими институтами, а также институтами образования или религии. Общество, действительно, сильно активизируется в своем развитии, если базовые институты гармонично взаимодействуют. Однако реальное положение дел далеко от подобной картины. Существуют по крайней мере три причины, по которым межинституциональное взаимодействие не может быть эффективным и соответствовать запросам современного общества. Одной из главных причин многие исследователи признают эгоизм социальных институтов. Каждый социальный институт стремится максимально подчинить индивидов своему влиянию. Это касается не только отдельных представителей социальных институтов, но и ресурсов, которые способны контролировать социальные институты.

Второй причиной являются различия в контролируемых ресурсах отдельных социальных институтов. Например, бизнес с пренебрежением относится к тем социальным институтам, которые не имеют необходимых им собственных средств для достижения институциональных целей. В результате они вынуждены прибегать к внешней поддержке (чаще всего со стороны государственных институтов). Подобные различия в уровне контролируемых ресурсов не способствуют развитию межинституционального взаимодействия.

Третьей причиной отсутствия связей между социальными институтами следует считать отсутствие взаимных интересов. Для обеспечения эффективного взаимодействия социальные институты должны иметь общие точки соприкосновения. Как говорят многие исследователи социальных отношений в Кыргызстане, институты должны быть подобны (или конгруэнтны). Конгруэнтность означает, что в деятельности институтов имеются важные точки соприкосновения. Представители государственных организаций должны четко осознать свои возможности взаимодействия с бизнесом (или институтом религии), а бизнес в свою очередь должен представлять себе выгоды от сотрудничества с институтами образования (или здравоохранения). К сожалению, преследуя собственные интересы, многие современные социальные институты Кыргызстана не видят собственной выгоды в межинституциональном взаимодействии. Это не способствует социальной гармонии и социальному порядку. Результаты этой несогласованности можно наблюдать во многих областях деятельности, когда государственные учреждения, несмотря на обоюдную выгоду, не могут договориться с частными предприятиями малого бизнеса, так как институт малого бизнеса не вписывается в систему интересов ряда государственных учреждений.

Итак, для эффективного управления социальными процессами в современном Кыргызстане необходимо:

- распространить цели социального института таким образом, чтобы они были соотнесены с целями рядовых участников;
- выделить и внедрить систему институциональных норм, не нарушая баланса между неформальным и формальным кодексами социального института;
- систему статусов и ролей в соответствии с институциональными целями;
- обеспечить выполнение основных функций социальных институтов, особенно регулятивной и интегративной функций;
- обеспечить идеологическую и правовую поддержку деятельности социального института.

Литература:

1. Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе. - М., Социология власти. РАГС, 2010.

References:

1. Frolov S.S. Social'nye instituty v sovremennom obshchestve. - M., Sociologiya vlasti. RAGS, 2010.

SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Bazarbayev K.B.

applicant, doctoral student of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyzstan, Bishkek

Abstract: *The essence of the activities of modern social institutions is revealed, ways of improving the internal structure of these social formations are shown. At the same time, attention is drawn to the content of the functions performed by social institutions in the conditions of modern Kyrgyzstan, which is a necessary condition for achieving social order in our society.*

Key words: *everyday life, social institution, social practices, social norms, statuses and roles, functions of social institutions, social relations*

Для цитирования: *Базарбаев К.Б. Социальные институты в современном обществе// Архонт, 2023. № 4(37). С. 34-37.*

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Асаналиев У.А.

кандидат политических наук, и.о. доцента,
докторант Института философии и политико-правовых исследований
им. А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук КР,
Бишкек, Кыргызстан

Акаев А.А.

кандидат политических наук, и.о. доцента,
кафедры «Философии и политологии» Факультета искусств Ошгу, Кыргызстан

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы институционализации (регулирования) политических конфликтов в контексте исследования ее взаимосвязи с политическим изменением, а также возможности разрешения политических конфликтов через преобразования. Авторами предлагается рассматривать политическое изменения как путь к институционализации политических конфликтов, а преобразования – как эффективный инструмент минимизации уровня политической конфликтности, разрешения политических конфликтов. В обзоре проанализированы отличительные особенности, присущие миграционным процессам государств Центральной Азии.

Ключевые слова: институционализация, политический конфликт, реформирование политической системы, разрешение политических конфликтов, миграционная политика, транзитная миграция, миграционный поток

Социальная неоднородность общества, различие в уровне доходов, власти, престиже и т.д. нередко приводят к конфликтам. Конфликты являются неотъемлемой частью общественной жизни. Все это обуславливает пристальное внимание к исследованию конфликтов.

Институционализация политических конфликтов является первым действием, которое на основе определенных правил политического взаимодействия направляется на управление политическим конфликтом. Следует отметить, что в научной литературе вопросы институционализации политических конфликтов в условиях политического реформирования, взаимосвязей указанных процессов остаются недостаточно исследованы. Это определяет актуальность исследования данной проблемы.

Институционализация политического конфликта – это развитие соответствующих институтов, предусмотренных для регулирования конфликтов, которые «позволяют сделать их подконтрольными действующим в обществе правилам политической игры» [2, с. 40]. Они призваны обеспечить регулируемость и управляемость процесса развития политического конфликта, способствовать предупреждению его деструктивных последствий.

Значительный вклад в исследование проблемы институционализации политических конфликтов внесла А. Глухова, которая доказала, что она представляет собой комплекс конкретных мероприятий и процедур [1, с. 205-216], а именно: а) осознание и принятие обществом конфликтной парадигмы взаимоотношений субъектов в политической сфере; б) признание возможности существования альтернативности политических позиций относительно способов реформирования политической системы; в) наличие эффективных и действенных, согласованных правил, регулирующих взаимоотношения противоборствующих сторон в политическом процессе; г) наличие, действенность, автономность институциональных структур, в пределах которых развиваются конфликтные по своей сути властные отношения, согласуются разнонаправленные интересы и решаются

политические конфликты; д) наличие и эффективность конституционных подходов регулирования и решения конфликтов.

Институционализация и реформы – тесно связанные процессы. Именно реформы выступают важным средством институциональных изменений, а институционализация – результатом развития и совершенствования политических отношений. Этим обеспечивается степень определенности и порядка, возможности предвидения последствий политического взаимодействия. Основная задача политического реформирования может рассматриваться как проблема выбора перспективных путей институционализации политических структур, которые бы максимально способствовали совершенствованию политических институтов и налаживанию конструктивного взаимодействия между ними, созданию эффективных механизмов согласования интересов участников политических отношений, обеспечивали регулируемость и управляемость политических процессов. С одной стороны, политическая реформа необходима для институционализации политического конфликта, налаживания конструктивного взаимодействия контрагентов, но, с другой стороны, реформа сама способна спровоцировать возникновение конфликтов. Эффективность и результативность политической реформы напрямую зависят от возможности создания в государстве таких структур, внедрения ценностей и установок, которые бы позволили различным общественно-политическим группам мирно разрешать противоречия.

В целом, в результате конфликта политические системы получают возможность усовершенствовать свою структуру путем исключения источников трений, внутреннего антагонизма и добиться сплоченности. Внутригрупповой конфликт часто вдыхает новую жизнь в существовавшие нормы или приводит к возникновению новых. Под воздействием конфликта формируются новые государственные институты, новые законы и иные правовые акты.

Принципиальная установка на то, что политические конфликты способны выполнять позитивные функции, позволяет прийти к выводу, что в интересах государственной власти чаще всего может быть не подавление формирующихся конфликтов, а их контроль или регулирование.

Политической практикой и теорией выработаны некоторые общие способы предотвращения, регулирования и разрешения политических конфликтов.

Компромисс – определяется как соглашение на основе взаимных уступок. Различают вынужденные и добровольные компромиссы. Вынужденные компромиссы навязываются сложившимися обстоятельствами, а добровольные – заключаются на основе соглашения по определенным вопросам и соответствуют какой-то части политических интересов всех взаимодействующих сил. На основе таких компромиссов создаются многообразные партийные блоки и политические коалиции.

Консенсус – это соглашение значительного большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях.

В разрешении политических противоречий достаточно эффективным способом является привлечение «третьей стороны», т.е. неучаствующих в конфликте лиц или инстанций.

Наиболее мягкой формой участия «третьей стороны» является посредничество, т.е. согласие сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения.

В случае, если посредничество не дает желаемых результатов необходимо сделать следующий шаг к арбитражу, то есть к тому, что решения «третьей стороны» являются обязательными. Арбитраж переходит от регулирования конфликта к его подавлению. Этот метод иногда может быть необходим, но его постоянное применение может иметь серьезные последствия. Подавленный конфликт – это все равно сохраняющийся конфликт, но только принявший скрытую, а значит, и более опасную форму.

Следует отметить, что конфликты не исчезают путем их регулирования. Там, где существует общество, всегда существуют конфликты. Регулируемый конфликт является более смягченным, он протекает в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой, он не является гражданской войной или революцией.

Рациональное обуздание политических и социальных конфликтов является одной из задач политики.

Для обеспечения легитимации государственной власти, стабильности политической системы и минимизации уровня политической конфликтности важным является принятие Основного Закона государства (внесение изменений в него). Это будет способствовать институционализации политических конфликтов как в правовой сфере, так и в политическом сознании, положительно скажется на реализации приоритетных национальных интересов в политической сфере.

Так же важным приоритетом является миграционная система, которая с 1990-х гг. стало весьма актуальна.

К настоящему времени все ярче вырисовывается картина миграции в рамках самого региона, причем характерной становится трудовая миграция. "Специализация" в этой области следующая - "принимающими" государствами являются в основном Казахстан и Россия, а "отправляющими" - Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. Экономическая мотивация мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана объясняется избытком трудовых ресурсов при недостаточности естественных ресурсов, низким уровнем развития экономики в этих странах, что приводит к невысокой оплате труда населения и росту безработицы.

Регулирование миграционных потоков на сегодняшний день становится задачей номер один для внутренних ведомств принимающих стран. Будоражающие общественность публикации в СМИ о бесправии, а иногда и о фактическом рабстве мигрантов, вынужденных терпеть не только социальное, но и физическое унижение, а также лишенных определенных гарантий безопасности своей жизни, свидетельствуют о том, что регулирование миграции перерастает рамки того или иного государства, требует не просто принятия внутренних мер, но и сотрудничества на межгосударственном уровне.

В области миграции решение проблемы видится на международном уровне, что предполагает наличие институциональной правовой базы, регулирующей миграционные процессы и связанные с ними вопросы. К сожалению, приходится констатировать, что страны региона находятся на различных ступенях в области миграционного законодательства.

Совершенно очевидно, что данные мероприятия (при условии их выполнения) могут стать важной институциональной базой и реальным механизмом согласования и регулирования миграционной политики на многостороннем уровне. В условиях центральноазиатского пространства это будет означать, что миграционные процессы смогут принять законные и цивилизованные рамки и снизить остроту проблемы, связанной, в первую очередь, с нелегальной трудовой и транзитной миграцией. Вместе с тем Туркменистан и Узбекистан продолжают оставаться вне рамок многостороннего сотрудничества. С учетом избыточности трудовых ресурсов в Узбекистане, его соседства с Афганистаном, а также общей экономической ситуации вопрос о миграционном давлении со стороны этого государства на соседние страны региона будет оставаться открытым.

Миграция из Таджикистана внесла заметные изменения в этнический состав населения и повседневную жизнь большинства регионов Урала и Сибири. Стремительная убыль населения, особенно в азиатской части страны, считают эксперты, неизбежно ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно за счет миграции. Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, несмотря на сокращение миграционного притока.

В Казахстане активизация миграции населения в другие страны привела к потере трудового потенциала. Из республики мигрируют преимущественно люди с высшим или средним профессиональным (специальным) образованием, т.е. высокообразованные специалисты. Значимым трендом в стране стала образовательная миграция. Эксперты отмечают, что люди часто уезжают из-за невозможности найти достойное место на рынке труда.

На современном этапе в Кыргызстане миграционный обмен населением усилился с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Кыргызстана наиболее привлекательны Россия, Казахстан, Турция, страны Европы, Южная Корея. При этом доминирует поиск условий, призванных повысить уровень и качество жизни выбывающих [3].

В условиях независимого развития Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, ранее не свойственными республике, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. Учет, регулирование, управление и минимизация стихийных форм миграционных процессов, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства, требующими выработки эффективной государственной политики.

Данные факторы подводят к тому, что миграционная ситуация в Центральной Азии еще долго будет оставаться проблемой для всех государств региона, а также России. Избыточность трудовых ресурсов в одних странах (Узбекистан, Таджикистан) и недостаточность в других (Казахстан, Россия), несопоставимость экономического развития государств и особенности в области миграции, проявляющиеся в закрытии границ и отмене безвизового пространства (Туркменистан, Узбекистан), несовершенство и недостаточность правовой базы - все это приводит к тому, что трудовая миграция, не уменьшаясь, принимает преимущественно нелегальные формы, становится слабоуправляемой.

Между тем реальность сегодняшнего времени такова, что миграция становится одним из символов и, одновременно, пружиной глобального развития. Этого явления не избежать ни в кратко-, ни уж тем более в долгосрочной перспективе. Миграцию надо воспринимать как данность, как неизбежный элемент развития настоящего и будущего. А потому - необходимо научиться ею управлять, пока она управляема, пока она сама не начнет менять политические и демографические пейзажи в странах и целых регионах.

Подводя итоги изложенного материала, приходим к выводу, что взаимосвязь между процессами институционализации политических конфликтов и политическим реформированием заключается в том, что последнее выступает средством создания (совершенствования) институциональных механизмов, которые способствуют согласованию разнонаправленных интересов участников политических отношений, поиску альтернативных и взаимоприемлемых политических решений, то есть механизмов, обеспечивающих регулирование конфликтов. Иными словами, политическое реформирование следует всей системы начиная от политических институтов до миграционной политики надо рассматривать как путь к институционализации политических конфликтов.

Литература:

1. Глухова А.Г. Политические конфликты: основания, типология, динамика: теоретико-методологический анализ. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 280 с.
2. Держалюк О.М. Политический конфликт как фактор внутренней угрозы политической безопасности// Стратегические приоритеты, 2006. № 1. С. 35-41.
3. Джоошбекова А.Р. Социально-демографический портрет внешних трудовых мигрантов из Кыргызстана// Стратегические ориентиры развития Центральной Азии:

история, тренды и перспективы. Сб. научных статей международного научно-образовательного форума. - Екатеринбург. 2021. С. 254–259.

References:

1. Gluhova A.G. Politicheskie konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika: teoretiko-metodologicheskij analiz. - M.: Editorial URSS, 2000. - 280 s.
2. Derzhalyuk O.M. Politicheskij konflikt kak faktor vnutrennij ugrozy politicheskoy bezopasnosti// Strategicheskie priority, 2006. № 1. S. 35-41.
3. Dzhoosbekova A.R. Social'no-demograficheskij portret vneshnih trudovyh migrantov iz Kyrgyzstana// Strategicheskie orientiry razvitiya Central'noj Azii: istoriya, trendy i perspektivy. Sb. nauchnyh statej mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma. - Ekaterinburg. 2021. S. 254–259.

INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL CONFLICTS

Asanaliev U.A.

*Candidate of Political Sciences, Acting Associate Professor, Doctoral student of the Altmyshebayev Institute of Philosophy and Political and Legal Studies
of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan*

Akaev A.A.

Candidate of Political Sciences, Acting Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Faculty of Arts, Osh State University, Kyrgyzstan

Abstract: *The article examines the issues of institutionalization (regulation) of political conflicts in the context of studying its relationship with political change, as well as the possibility of resolving political conflicts through transformations. The authors proposes to consider political changes as a path to the institutionalization of political conflicts, and transformations as an effective tool for minimizing the level of political conflict and resolving political conflicts. The review analyzes the distinctive features inherent in the migration processes of the Central Asian states.*

Key words: *institutionalization; political conflict; reforming the political system; resolution of political conflicts, migration policy, transit migration, migration flow.*

Для цитирования: Асаналиев У.А., Акаев А.А. Институционализация политических конфликтов // Архонт, 2023. № 4(37). С. 38-42.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Базарбаев К.Б.

соискатель, докторант Национальной академии наук КР, Кыргызстан, Бишкек

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: проанализированы и обобщены инициативы стран ЦА по дальнейшей институционализации, которые направлены на решение различных экономических, социально-гуманитарных, экологических и иных проблем и задач, а также определены перспективы развития взаимовыгодного сотрудничества и на этой основе выделены наиболее значимые сферы партнерства государственных, общественных органов.

Ключевые слова: институционализация, приоритеты, анализ, ресурсы, значимость, цели, интересы

Комплексное политологическое изучение различных сторон процесс институционализации стран Центрально-Азиатского региона является актуальной задачей отечественной и зарубежной политической науки. Это вытекает из международных и региональных приоритетов стратегии политического и социально-экономического развития этого региона, а также собственных национальных целей и интересов государств Центральной Азии, так как экономический рост, инвестиционная привлекательность, национальная безопасность и т.д. зависят от степени эффективного внешнеполитического участия в мировом или региональном процессе в условиях глобализации.

Кроме того, системное изучение политических процессов стран Центрально-Азиатского региона во всем многообразии в условиях перманентных изменений международной политической, социально-экономической обстановки и финансово-экономического кризиса в мировом сообществе представляет собой актуальную и вместе с тем сложную политологическую задачу современности.

Выбор направления этого исследования обусловлен еще и необходимостью политологического анализа и обобщения новейших результатов и позитивных достижений внешнеполитического сотрудничества стран Центральной Азии, а также значимостью научно-теоретического осмысления политических процессов сближения и объединения государств в мировом сообществе и регионе.

В настоящее время актуально радикальное решение насущных вопросов и проблем совместного и рационального сотрудничества в использовании водных и энергетических ресурсов, проведение согласованной политики в области развития региональной транспортно-коммуникационной системы и импортозамещающих производств, совершенствование сложившихся хозяйственных связей, обеспечение максимально благоприятных условий для расширения гуманитарно-культурных, экономических и иных связей между народами государств Центральной Азии.

Актуальность и значимость политологического анализа институциональных вопросов государств Центрально-Азиатского региона возрастают в ближайшей и отдаленной перспективе, поскольку, по характеристике Н.А. Назарбаева, «наступивший XXI в. – это эпоха углубления интеграции, цивилизации, диалога и партнерства в решении новых глобальных проблем, перед лицом которых оказалось человечество. Только на этой основе можно гарантировать его процветающее будущее, отойти от столкновения цивилизаций с применением накопленного арсенала средств массового уничтожения. С полным основанием можно сказать, что современный мир – это мир локальных цивилизаций, показывающих пространственное разнообразие исторического наследия и современного бытия человечества» [2, с. 155].

Проблема комплексного изучения внешнеполитического процесса и опыта становления и развития институциональных процессов стран Центральной Азии становится еще более актуальной и в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, объективно свидетельствует о невозможности решения данной проблемы и других вопросов в одиночку и необходимость объединения ресурсов и усилий в борьбе с ним.

Дальнейшее укрепление макро- и микроэкономических связей между центральноазиатскими странами позволит успешно решить многие другие вопросы внешнеполитического и социально-экономического взаимодействия, а также внутриполитического развития, а именно укрепить взаимовыгодное сотрудничество, повысить занятость и материальное благосостояние населения, обеспечить приток инвестиций и инновационных технологий, повысить конкурентоспособность национальных экономик, снизить уровень безработицы и т.д. Следовательно, в странах Центрально-Азиатского региона протекает процесс аккумуляции и конкретизации проблем, требующих мобильного решения.

В связи с этим, особенно важными оказываются проблемы разработки принципов и механизмов организации эффективной системы межрегиональной интеграции и региональной безопасности стран Центральной Азии. В геополитическом плане здесь концентрируются геостратегические национальные цели и интересы крупных держав мирового сообщества, особенно в области энергоносителей и природных ресурсов. При этом крупные субъекты мировой политики стремятся получить максимально приемлемый контроль над странами этого региона, поскольку любое достаточно крупное государство практически всегда стремится усилить свой международный политический вес и влияние за счет других членов международного сообщества.

Отчетливо прослеживается тенденция к противоборству КНР с США, ЕС и РФ с другими странами, как в прошлом, так и ныне. Это противоборство протекает в обстановке разразившегося финансово-экономического кризиса, охватившего почти все страны мирового сообщества, включая государства Центральной Азии.

Исключительное значение приобретают в контексте исследуемого вопроса накопленный позитивный международный опыт и практика на региональном уровне, например, интеграция стран Европы и Азии. В то же время заметим, что институционализация для стран Центральной Азии вопрос изучения и адаптации имеющегося положительного опыта к региональным условиям, поскольку доля успешных интеграционных проектов достаточно низок. В этой связи существенно важно определить действенную институционально-правовую базу таких региональных интеграционных процессов.

Значимость комплексного исследования изучаемой проблемы политической науки связана еще и с тем, что, во-первых, отсутствует альтернатива региональной интеграции в условиях возрастающей глобализации мирового сообщества; во-вторых, центральноазиатские страны имеют много общего в истории, менталитете, культуре, вероисповедании, образе жизни и т.д.; в-третьих, каждая страна включена в глобальные интеграционные политические процессы современности; в-четвертых, злободневностью и потребностью решения многих социальных проблем; в-пятых, необходимостью преодоления финансово-экономического кризиса общими усилиями государств данного региона.

Проблемы сближения и объединения стран Центральной Азии на основе применения общенаучной и системной методик были выделены и исследованы наиболее значимые для центральноазиатских государств аспекты институциональных вопросов, где выявлены препятствия на пути сотрудничества и интеграции с точки зрения внутренних целей, интересов, а также реализации задач стратегического и стабильного политического развития государств этого региона.

После обретения независимости государствами Центральной Азии, их взаимоотношения, в основном, в политической сфере, характеризовались стабильностью, укреплением региональной безопасности и определенной интеграцией.

Центральная Азия является одним из богатейших и перспективных регионов на Евразийском пространстве. В ней проживает около 78 млн. человек. Имеется весомый научно-технический и интеллектуальный потенциал, богат он и трудовыми ресурсами. Недра региона содержат большие запасы углеводородного и энергетического сырья (нефть, газ, уран, металлы и др.).

Среди государств Центральной Азии наиболее экономически мощными и богатыми природными ресурсами являются Республики Казахстан и Узбекистан (РК, РУ). Вступление РУ в Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС) и подписание протокола о его присоединении, по оценке Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, являемся «знаковым событием». Эти события, несомненно, должны сказаться на темпах ускорения интеграции, развитии всесторонних и многообразных связей государств Центральной Азии.

Центральноазиатская интеграция на данном этапе переживает кризис. Среди объективных факторов и причин можно выделить достаточно дифференцированный уровень развития национальных экономик государств Центральной Азии и направления реформ во всех сферах общественной жизни, некоторые различия политических режимов, сохранение ряда пережитков системы в делах и умах некоторой части людей населения.

В рассматриваемом плане исключительно важно значение приобретает новая инициатива руководителей государств – Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана об интеграции в экономической и других сферах, что выступит весомым и позитивным потенциалом, содействующим выходу из финансово-экономического кризиса, а также ускорит темпы социально-экономического и иного развития данных государств Центральной Азии.

Экономики всех стран развиваются неравномерно, экономическая политика также базируется на различных методологических концепциях. На данном этапе слабо проявляются тенденции по внутрирегиональной интеграции экономик стран Центральной Азии, что могло бы обеспечить более эффективные и комплексные механизмы для усиления конкурентоспособности местного производства, не выдерживающего на данный момент острой конкуренции с товарами, активно насыщаемыми с близлежащего китайского рынка и рынка стран Юго-Восточной Азии. Социально-экономические показатели Центрально-Азиатских стран имеют значительный разброс. Как видно из наиболее крупных по площади – Казахстан, наиболее густонаселенный – Узбекистан, наибольший уровень бедности и наибольший прирост населения наблюдается в Таджикистане.

Таким образом, нами исследованы основные аспекты, протекающих в странах Центрально-Азиатского региона на современном этапе, изучены факторы, способствующие укреплению и позитивному развитию внешнеполитического сотрудничества между этими суверенными государствами, осуществлен комплексный сравнительный политологический анализ деятельности региональных международных организаций, предложены конкретные практические рекомендации по углублению взаимовыгодных отношений между центральноазиатскими государствами.

При этом институционализацию нужно рассматривать как единую комплексную систему, объединяющую в себе государственные, общественные, научные, образовательные и морально-ценностные аспекты деятельности социально-ориентированного общества. Предоставляя важную информацию о влиянии различных факторов на профессиональные качества и продуктивность работы специалистов социальной сферы, данное исследование способствует совершенствованию системы социальной работы в целом через внедрение механизмов сопровождения специалистов, оказывающих специальные социальные услуги целевым группам населения.

Исследователь состояния народов Мюрдаль справедливо отмечал значение национальной и региональной специфики, которая играет не последнюю роль в деле принятия, установления и приживаемости новых внедряемых механизмов [3].

Однако [1] поскольку государственные программы стран региона ЦА финансировались в основном западными международными финансовыми организациями и зарубежными правительствами, то их роль в определении экономических программ правительств стран региона стала неоспоримой [1].

Страны региона смогли сделать гигантские шаги в своем развитии, поэтому, несмотря на то, что задача нахождения новых эффективных путей развития общества является достаточно сложной, верится, что богатство и опыт цивилизации Центрально-Азиатского региона, мудрость и терпимость её народов выведут развитие этих стран на новые горизонты и позволят достичь более достойного положения на мировой арене.

Литература:

1. Динкевич А.И., Швыдко В.Г. Страны Центральной Азии - новая фаза переходного периода/ Ин-т востоковедения РАН. - М., 2015. – 173 с.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. – М.: Экономика, 2008. – 398 с.
3. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. - М., 2018. - 639 с.

References:

1. Dinkevich A.I., SHvydko V.G. Strany Central'noj Azii - novaya faza perekhodnogo perioda/ In-t vostokovedeniya RAN. - M., 2015. – 173 s.
2. Nazarbaev N.A. Strategiya stanovleniya postindustrial'nogo obshchestva i partnerstvo civilizacij. – M.: Ekonomika, 2008. – 398 s.
3. Nureev R.M. Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoj ekonomiki. - M., 2018. - 639 s.

THE MAIN PRIORITIES OF THE INTERESTS OF STATES CENTRAL ASIA

Bazarbayev K.B.

applicant, doctoral student of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyzstan, Bishkek

Abstract: *The initiatives of the Central Asian countries on further institutionalization, which are aimed at solving various economic, socio-humanitarian, environmental and other problems and tasks, are analyzed and summarized, as well as prospects for the development of mutually beneficial cooperation are identified and on this basis the most significant areas of partnership of state and public bodies are highlighted.*

Keywords: *institutionalization, priorities, analysis, resources, significance, goals, interests*

Для цитирования: Базарбаев К.Б. Основные приоритеты интересов государств Центральной Азии// Архонт, 2023. № 4(37). С. 43-46.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Канаев А.Б.
доктор политических наук, и.о. профессора,
Кыргызско-Казахский университет, Кыргызстан, г.Бишкек

**ИСЛАМСКИЙ КОМПОНЕНТ В КЫРГЫЗСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И
МОДЕРНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ МОДЕЛИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: в самом общем виде можно указать на два фактора, способствовавшие «исламскому возрождению» в Центральной Азии: внутренние (экономический кризис, снижение благосостояния народа, сложная демографическая ситуация, низкая политическая культура) и внешние (геополитическое влияние Пакистана, Афганистана, Ирана, Турции и т.д.).

Ключевые слова: исламский религиозный экстремизм, фундаментализм, инновационные технологии, толерантность, исламизм

В настоящее время почти во всех государствах Центральной Азии религия официально отделена от государства и систему образования. Вмешательство религиозных обществ в политику запрещено на законодательной основе, что привело к уходу исламских партий в нелегальную оппозицию и широкому распространению фундаменталистских идей среди сельского населения в таких республиках, как Узбекистан и Таджикистан. Активность фундаменталистски настроенных мусульман и их руководителей в Центральной Азии не представляет серьезной угрозы для существующих светских государств. Даже если и допустить возможность достижения исламским фактором значительного политического влияния, то нет никаких оснований считать, что это может привести к возникновению теократического правления. Ибо в Центральной Азии, особенно в Кыргызстане, исторически широко распространено лишь одно из течений традиционного ислама – суфизм, которое не имеет ничего общего с исламским фундаментализмом более того, осуждает всякий религиозный экстремизм. Ислам в Центральной Азии в целом, и в Кыргызстане, в частности, – синтезированная форма ислама и местных религиозных субстратов, конечно, глубокий экономический кризис, и как следствие, духовно-нравственный вакуум в Кыргызстане, также порождают условия для распространения религиозного экстремизма. Низкий уровень жизни в отдаленных районах, политическая апатия населения могут послужить причиной поворота к исламским ценностям. Но это не более чем гипотетическое предложение. Характерными явлениями в центрально-азиатских государствах являются проблемы пограничных неурядиц, проблемы проживания соотечественников в приграничных странах, экономические конфликты, и необъявленная гонка за лидерство в регионе. Но есть и общие проблемы, в борьбе с которыми приходится объединяться. Необходимо признать, что в Центральной Азии случилось опасное явление – сращивание непримиримой оппозиции, религиозного экстремизма и наркомании. Так, исламское движение Узбекистана (ИДУ) проводило террористические акции в 2004 г. (июль). Такие же действия наблюдались и в Таджикистане, там как известно, Объединенная таджикская оппозиция сумела даже победить на выборах депутатского корпуса и получила 30% мест в правительстве республики, добилась отмены статьи Конституции о светском характере страны, были легализованы религиозные истории.

Характерным явлением в общественно-политической сфере Кыргызской Республики стало то, что ислам, как религия, постепенно входит в общественное сознание народа. Возрождение ислама видно во всех сферах общественных отношений: в политике, культуре. Институционализация религии ислама четко вырисовывается в

общественно-политической жизни во всех странах Центральной Азии. Ислам «вошел» в политический процесс кыргызстанского общества с определенной активностью. Это подтверждают политико-социологические исследования по проблемам исламской религиозной идентификации, а которых четко определены принадлежность большого количества людей, относящих себя к последователям ислама, в особенности, среди молодежи.

В целом в иерархии идентичности религиозный компонент является важным, но не решающим для кыргызского самосознания, уступая место национально-культурным, духовно-мировоззренческим, социальным (включая родовую принадлежность), психолого-эмоциональным факторам, то есть этническому комплексу. Не исключено, что в перспективе все более заметное место в самосознании кыргызов будет занимать тюркский компонент, пересекающийся, но не совпадающий с исламским. Однако Кыргызстан не изолирован от процессов в других мусульманских странах (прежде всего соседних), связанных с активизацией религиозного радикализма и интервенцией его в политическую сферу. Учитывая это, остается открытым вопрос, удастся ли властям удержать ислам на уровне «обыденной религии» и подконтрольного государству регулятора социальных процессов, насколько религия способна повлиять на формирование политической культуры кыргызстанского общества. Задача властей элиты – координировать религиозное возрождение в безопасное для режима русло, не допустив политизации религии, превращения ее в фактор политической борьбы».

В целом перспективы кыргызстанского исламизма существенно ограничены не только из-за результативности репрессивных мер государства, но ввиду локализованного влияния подобных организаций территориальными, этническими и клановыми рамками. Тем не менее, нельзя исключить возможность роста радикального политического ислама в условиях ухудшения социально-экономической ситуации, в результате чего исламизм в жестко авторитарном режиме может стать единственным каналом для выражения оппозиционных настроений.

С ростом оппозиции, в том числе религиозной, власть должна бороться неэффективными авторитарными методами. В современных условиях на политическую авансцену все более заметно выдвигается этнорелигиозный, или национально-религиозный, фактор. В одних обществах его этническую и религиозную составляющие трудно и даже невозможно расчлениить, в других конфессиональная компонента отступает на задний план перед этнонациональной. Противоречия на этнорелигиозной почве, все чаще сопровождающиеся насилием, гражданскими войнами, потоками беженцев, стали важнейшей причиной дестабилизации и нередко дезинтеграции государств, возникновения межгосударственных конфликтов в различных регионах мира, несут с собой угрозу безопасности мирового сообщества.

Нахождение путей разрешения или смягчения этих противоречий – одна из самых актуальных задач, стоящих ныне перед человечеством, международными организациями, политическими партиями, гуманитарными науками. Одни политики, общественные деятели, ученые видят будущее человечества в сообществе «национальных государств». Они считают непреодолимой тягу народов к самоопределению и сознание «этнически чистых» государств, предвещая удвоение числа государств в мире уже в начале XXI в. Другие рассматривают федерализм с его принципами делимости государственного суверенитета и субсидиарности (то есть распределения полномочий в соответствии с компетенцией) вкупе с идеологией самоуправляющегося общества как предпочтительную и самодостаточную форму самоопределения этносов. На практике обе тенденции имеют шансы реализоваться.

В Кыргызстане, идет процесс урбанизации, население городов увеличивается не только за счет естественного прироста, но и в огромной степени за счет мигрантов из

сельских районов. Безработица, нищета, разорение мелких предпринимателей, множит обездоленные слои города, особую группу среди которых составляет молодежь. Мировоззрение этих слоев неоднородно: большинство индифферентно к политике, но есть экстремистские настроения, огромное влияние имеют земляческие, этнические, традиционалистские религиозные представления. В этом главная причина подъема волны исламизма. Необразованность, в том числе и в религии, безнадежность существования в сложившейся социально-экономических условиях, политическая неискренность в соединении со стремлением отомстить за свои страдания первому попавшемуся, эти и другие факторы приводят к тому, что часто стихийный протест выливается в погромы, обращается против символов роскоши ресторанов, отелей, шикарных магазинов и т.п. Психологической, основой такого протеста выступает идеализированная картина раннего ислама. Золотой век ислама изображается как царство равенства, благополучия, взаимопомощи мусульман, поэтому установление истинно мусульманской власти» призвано восстановить существовавший в прошлом лозунг мусульманских революционеров. Для достижения этих целей часть людей объединяется в различные группы, создают определенную среду, формируют многочисленные неправительственные политические организации (НПО) в мусульманском мире. Эти легальные и нелегальные политические группы, организации, ассоциации, объединения имеют разнообразный характер: фундаменталистский, просветительский, экстремистский, военизированный, призывающий к установлению исламских республик и т.п. Следует подчеркнуть сравнительно малую роль в их деятельности мусульманского духовенства.

Ислам как мировая религия на современном этапе получила свое активное развитие во всемирном масштабе, в том числе в странах Центральной Азии, конкретно, в Кыргызской Республике. Хронологически ислам вошел в кыргызское общество, начиная с XV-XVII вв. как религия. Активно пропагандировались исламские принципы в XIX–XX вв. В условиях Советской власти религия ислама, как и другие религии подверглись ожесточенному нападку, последствием которого были уничтожены исламские религиозные организации, а служители оказались, одни – за границей, другие — репрессированы. Ислам, как и другие религии в Советском Союзе, оказался вне государственного закона. С обретением политической независимости, в Кыргызстане была определена политика, которая заключалась в том, что все религии и культы находятся вне государства и что государства будет помогать религиозным организациям в их деятельности по обеспечению населения принципам повышенной нравственности, морали, исламскими принципами. Как показывают политико-социологические исследования последних десяти лет, исламские принципы, их законы получают свое развитие среди населения, в особенности, среди как студенческой, и так в подавляющей части как городской, так и сельской молодежи. В стране идет процесс религиозной идентификации, на принципах исламских принципов. Исламский бум в Кыргызстане, с одной стороны, повышает религиозную духовность населения, что мы считаем нормальным явлением, способствующим формированию нравственно-моральных устоев исламского вероучения. С другой стороны, исламское возрождение подталкивает к появлению негативно настроенных политических сил, направляющих свои партийные программы на создание единого исламского халифата в центрально-азиатском пространстве. Отсюда – религиозный экстремизм, терроризм, которые могут привести эти независимые страны Центральной Азии, в том числе в Кыргызстан к состоянию неуравновешенности политического обустройства, к опасности гражданских войн.

Политизация ислама в центрально-азиатских странах может создать политическую нестабильность, которая может создать определенный очаг

международной обеспокоенности и привести к проявлениям международного терроризма.

Независимые государства Центральной Азии, в числе, Кыргызстан, должны найти эффективные пути решения с религиозными организациями вопроса о том, как быть в дальнейшем с возрождением ислама. При этом определить конституционные права религий, в том числе, ислама. Очень важно, на наш взгляд, не заигрывать с религиозными организациями. Во-первых, определить их место в государственном устройстве; во-вторых, использовать исламские положительные принципы как основу философии жизни, образ и стиль жизни населения, дать положительные рекомендации, обеспечивающие формирование новых ценностных оценок. В образовательном процессе на всех уровнях обеспечить надлежащими пособиями, раскрывающими суть религий, в том числе, ислама, во-третьих, поскольку в Кыргызстане существует множество религиозных конфессий, то политика государства должна идти по пути обеспечения их равенства, не ущемляя те или иные религиозные объединения; в-четвертых, центрально-азиатским государственным органам в том числе Кыргызстану, быть готовыми в отражении международного терроризма; в-пятых, в порядке рекомендации странам Центральной Азии – обеспечить легитимность, а также институционализацию религиозных конфессий, найти оптимальные варианты, стыковки с различными видами миссионерской деятельности по части религий; в-шестых, странам Центральной Азии, в том числе Кыргызстану, обеспечить нахождение в мировом сообществе и с так называемыми мусульманскими странами, двухсторонние и многосторонние отношения с ними в экономике, политике, культуре, в котором будут партнерство и добрососедские отношения».

Одним из главных факторов роста религиозного самосознания с обретением независимости Кыргызстаном стало изменение самого общества, учреждение демократических норм в отношении религиозного мировоззрения и культовых учреждений.

Вопрос выбора веры, обычно называемой свободой совести, на практике приобрел весьма ограниченный статус – стал правом выбирать любую религию, но исключил широкую возможность не выбирать никакой. Люди нето, чтобы бояться проявлять свое неверие, а стараются не афишировать его. И если заявление о своей конфессиональной принадлежности или вообще религиозности прежде считалось определенным актом мужества, то теперь смелость нужна для того, чтобы публично причислить себя к атеистам или же религиозно индифферентным. К тому же религия стала еще предметом моды. И как всякая мода, она вошла в неспособное к самооценке массовое сознание.

При существующей ситуации в религиозной сфере особую опасность представляет распространение и укрепление идей религиозного экстремизма и фундаментализма. Пытаются делать погоду ваххабиты, хизбуттахрировцы, иные секты и группы, нанося ущерб здоровью, нравственности, правам и законным интересам граждан, а также другим, защищаемым законом интересам личности, общества и государства.

Данные СМИ, анализы специалистов по религии, выводы аналитиков констатируют, что члены этой партии приступили к активной реализации своих стратегических планов, умело используя социально-экономические трудности переходного периода, выступая среди населения с подстрекательскими призывами на почве нетерпимости религиозных взглядов, особое внимание уделяя привлечению молодежи в свои ряды и негативно влияя на нее.

Так в печати на основании пресс-конференции Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики была размещена информация зам. председателя Службы

национальной безопасности Кыргызской Республики, что к взрывам в городе Ош и на рынке «Оберон» (город Бишкек) причастны члены религиозно-политической организаций «Исламское движение Туркестана» (ИДТ) (бывшая ИДУ). Появились ростки религиозной нетерпимости, и в средствах массовой информации прошли сообщения о публичных спорах между последователями различных религий. Существует возможность возникновения конфликтных ситуаций локального характера, вызванные активной деятельностью некоторых новых для Кыргызстана религиозных организаций в относительно монорелигиозной среде на местах. Отдельные миссионеры, невзирая на этническую принадлежность, очень активны в своей деятельности по привлечению новых сторонников. Активные методы работы миссионеров вызывают непонимание и раздражение у населения, традиционно придерживающегося одной религии. Реально возникает ситуация, ведущая к нестабильности в обществе.

Современная религиозная модель кыргызстанского общества требует конкретных, действенных реформ, используя инновационные технологические приемы при возникающих конфликтных ситуациях в религиозной действительности. Эти вызовы и угрозы стабилизации современной религиозной модели возникают, как показывает религиозная действительность, с наличием не только религиозного экстремизма и терроризма, политизации ислама, а также пропаганды нетрадиционных религиозных учений (общества Кришны, Бахай, Церкви единения Муна, детей Христовых, Хиз-бут Тахрир аль Ислами и т.д.)¹.

Для дальнейшего совершенствование религиозной модели в нашей стране, прежде всего необходимо усиление государственной политики посредством формирования партнерских отношений между государством и религиозными организациями, а также партнерских отношений между гражданским обществом и религией. Отношения между ними должны определяться взаимной ответственностью их институтов, наличием своеобразной «обратной связи» между собой, которые и будут способствовать совершенствованию во всех аспектах взаимодействия.

В процессе исследования автор отмечает, что эффективность, стабильность религиозной модели в нашей стране невозможно обеспечить без таких механизмов, как воспитание толерантного отношения различных религий друг другу, и это не должно быть проблемой ситуативного плана. В качестве неотложной задачи обеспечения стабильности в обществе следует рассматривать воспитание толерантности – взаимной терпимости к обоюдным интересам. Образ толерантности характеризуется психо-этическими мнениями представителей различных религиозных группировок, проявлениями гуманности, рефлексивности, свободой, ответственностью, защищенностью, гибкостью, уверенностью, самообладанием, вариативностью, эмпатичностью, чувством юмора. Толерантность означает терпимость к ино-культуре, к ино-мысли, доверительность, соответствующее пониманием и т.д., как существование в рамках определенных отношений, в том числе и в процессах взаимодействия. Соискатель считает, что терпимость является одним из условий формирования новой религиозной модели в стране и обеспечения стабильности, фактором, направляющим отношения в обществе в мирное русло. При этом, использование новых методов консенсуса и компромисса, как характеристик инновационной технологии, дает возможность эффективного совершенствования управления модернизационными процессами. Консенсусы и компромиссы, как политико-социальные институты, имеют возможность на различных уровнях общественно-политической действительности определять, управлять, разрешать те или иные кризисные события.

Для демократической культуры религиозной модели, считает соискатель, сегодня характерен стереотип мышления, основанный на диалоге, который означает, прежде

¹ Хизбут-Тахрир, Свидетели Иеговы запрещены на территории Российской Федерации.

всего, согласование интересов представителей разных позиций путем разумных компромиссов, не выходя при этом за рамки морали и права. Одним из элементов демократической культуры в формировании и совершенствовании религиозной модели являются переговоры как технологии управления религиозной модели общества. Сегодня многие исследователи считают, что в современном мире технология, основанная на насилии, редко приводит к позитивному урегулированию. В настоящее время технологии переговоров в урегулировании тех или иных «неустройств» в религиозной модели в нашем обществе приобретают исключительно развитые и разнообразные формы переговоров.

Литература:

1. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма// Общественные науки и современность, 2002. № 4.
2. Петрученко О. Латинско-русский словарь: Репринт IX издания 1914 г. – М., 1994. С. 546.
3. Тукумов Е.В. Религиозно-политический экстремизм как угроза радикальной и национальной безопасности Центральной Азии [Текст]: автореф.дисс. к.п.н. – Алматы, 2004.
4. Тутлис В., Иванова И. Номоролітісизм и его религиозность на переходных этапе развития Кыргызстана// Центральная Азия и Кавказ, 2000. № 6(12).
5. Тюркская философия: десять вопросов и ответов. – Алматы, 2006.
6. Угринович Д.М. Введение в теоретическое религиоведение. – М., 1973.
7. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. – Бишкек, 1997.
8. Филатов С. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию вместо введения// Религия и глобализации на просторах Евразии. – М., 2009.
9. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 576.
10. Флоренский П.А. Из богословского наследия// Богословские труды. – СПб., 1997. С. 17.
11. Фукуяма Ф. Столкновение культур и американская гегемония// Без темы, 2007. № 1.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 1996.
13. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2002.
14. Чериков С. Кыргызстан – полигон террористического интернационализма, 2013.
15. Чотаева Ч. Роль ислама в общественно-политической жизни Кыргызстана// Центральная Азия и Кавказ, 2003. № 6(30).
16. Чотаева Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Б., 2005
17. Шаршеналиев У.А. Религиозный мир современного Кыргызстана// Вестник КГНУ. Серия 5, 2005. Вып. 2.
18. Щапова Я.Н. Религии мира. – М.: Просвещение, 1994.
19. Эсенаманова Н.С. Типология мышления и пошаговых действий экстремиста, внутренние причины его радикализации и протеста// Сборник: Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в КР. – Бишкек, 2014.
20. Яблоков И.Н. Социология религии. – М., 1974.
21. Ярков А. Очерк истории религий в Кыргызстане. – Бишкек, 2002.
22. Ярлыканов А. Проблемы возрождения исламского образования на Северном Кавказе// Центральная Азия и Кавказ, 2003. № 1(25).

References:

1. Pain E.A. Social'naya priroda ekstremizma i terrorizma// Obshchestvennyye nauki i sovremennost', 2002. № 4.

2. *Petruchenko O.* Latinsko-russkij slovar': Reprint IX izdaniya 1914 g. – M., 1994. S. 546.
3. *Tukumov E.V.* Religiozno-politicheskiy ekstremizm kak ugroza radikal'noj i nacional'noj bezopasnosti Central'noj Azii [Tekst]: avtoref.diss. k.p.n. – Almaty, 2004.
4. *Tutlis V., Ivanova I.* Homopolitici ego religioznost' na perekhodnyh etape razvitiya Kyrgyzstana// Central'naya Aziya i Kavkaz, 2000. № 6(12).
5. *Tyurkskaya filosofiya: desyat' voprosov i otvetov.* – Almaty, 2006.
6. *Ugrinovich D.M.* Vvedenie v teoreticheskoe religiovedenie. – M., 1973.
7. *Urmanbetova ZH.K.* Kul'tura kyrgyzov v proekcii filosofii istorii. – Bishkek, 1997.
8. *Filatov S.* Religioznaya zhizn' Evrazii: reakciya na globalizaciyu vmesto vvedeniya// Religiya i globalizacii na prostorah Evrazii. – M., 2009.
9. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'.* – M., 1983. S. 576.
10. *Florenskij P.A.* Iz bogoslovskogo naslediya// Bogoslovskie trudy. – SPb., 1997. S. 17.
11. *Fukuyama F.* Stolknovenie kul'tur i amerikanskaya gegemoniya// Bez temy, 2007. № 1.
12. *Hantington S.* Stolknovenie civilizacij. – M., 1996.
13. *Cygankov P.A.* Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. – M., 2002.
14. *CHerikov S.* Kyrgyzstan – poligon terroristicheskogo internacionalizma, 2013.
15. *CHotaeva CH.* Rol' islama v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kyrgyzstana// Central'naya Aziya i Kavkaz, 2003. № 6(30).
16. *CHotaeva CH.* Etnokul'turnye faktory v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva Kyrgyzstana. – B., 2005
17. *SHarshenaliev U.A.* Religioznyj mir sovremennogo Kyrgyzstana// Vestnik KGNU. Seriya 5, 2005. Vyp. 2.
18. *SHCHapova YA.N.* Religii mira. – M.: Prosveshchenie, 1994.
19. *Esenamanova N.S.* Tipologiya myshleniya i poshagovyh dejstvij ekstremista, vnutrennie prichiny ego radikalizacii i protesta// Sbornik: Ukreplenie potenciala po predotvrashcheniyu nasil'stvennogo ekstremizma v KR. – Bishkek, 2014.
20. *YAblov I.N.* Sociologiya religii. – M., 1974.
21. *YArkov A.* Oчерк istorii religij v Kyrgyzstane. – Bishkek, 2002.
22. *YArlykanov A.* Problemy vozrozhdeniya islamskogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze// Central'naya Aziya i Kavkaz, 2003. № 1(25).

ISLAMIC COMPONENT IN THE KYRGYZ SOCIETY AND MODERNIZATION OF THE RELIGIOUS MODEL IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Kanaev A.B.

doctor of political sciences, acting, prof. Kyrgyz-Kazakh University, Kyrgyzstan, Bishkek

Abstract: *In the most general terms, we can point to two factors that contributed to the "Islamic revival" in Central Asia: internal (economic crisis, decline in the well-being of the people, difficult demographic situation, low political culture) and external (geopolitical influence of Pakistan, Afghanistan, Iran, Turkey, etc.).*

Key words: *Islamic religious extremism, fundamentalism, innovative technologies, tolerance, Islamism*

Для цитирования: *Канаев А.Б.* Исламский компонент в кыргызстанском обществе и модернизации религиозной модели в условиях глобализации// Архонт, 2023. № 4(37). С. 47-53.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Канаев А.Б.

доктор политических наук, и.о. профессора,
Кыргызско-Казахский университет, Кыргызстан, г.Бишкек

РЕЛИГИОЗНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОМПОРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в научной статье рассматриваются вопросы религиозного модернизация в Кыргызской Республике. Советское атеистическое религиоведение определяло религиозный модернизм как «один из способов приспособления религии и теологии к новым общественно-историческим условиям, к изменившемуся сознанию верующих». Главной причиной существования религиозного модернизма является попытки религии «приспособиться» к существующим современным общественным отношениям, и таким образом «продлить существование» религии.

Ключевые слова: модернизация, религиозные процессы, атеизм, религия, кришнаиты, церковь

В последние годы меняются технологии и процессов регулирования в межконфессиональном кыргызстанском обществе. Этот процесс обуславливается религиозным модернизмом мировых религий.

Религиозный модернизм – это парадигмальное понятие, которое устанавливает взаимосвязь, характер взаимодействия между религией как целостной динамичной духовно-социальной подсистемой и обществом как социальной системой, находящейся в процессе модернизации.

В разных религиозных конфессиях процесс религиозного модернизма протекает по-разному. В христианстве модернизму наиболее подвергнуты протестантские конфессии. Можно сказать, что многие из них являются детищем этого модернизма.

Модернизм проявляется в разных сторонах религиозной жизни. Он присущ не только верующим, но и самим религиозным организациям. Наиболее ярко религиозный модернизм проявляется в обрядовой сфере.

Большой проблемой современного православия является вопрос о способе совершения таинства крещения. Православные каноны чётко и однозначно предписывают совершать это таинство исключительно через полное троекратное погружение крещаемого в воду, в противном случае совершающий иным способом крещение священник, согласно 50-му Апостольскому правилу должен быть извержен из сана. Однако повсеместно распространилась практика обливательного и окропительного крещения, заимствованная от католиков. Такое крещение с точки зрения «современного» человека гораздо более «безопасно» и удобно, особенно для младенца. Только старообрядцы и сегодня твёрдо придерживаются древней православной практики обязательного полного троекратного погружения при крещении.

Ссылаясь на «занятость» современных верующих и их «неспособность» выдержать достаточно продолжительные православные богослужения, духовенство существенно сокращает их. И, следует отметить, что в целом такую модернизаторскую тенденцию поддерживает епископат.

Модернизация религиозной жизни имеет далеко идущие последствия

Начинаясь в обрядовой сфере, она неизбежно тянет за собой часто радикальный пересмотр некоторых догматических и нравственных положений. У некоторых протестантских конфессий (в частности, у англичан) это проявляется в практике женского священства, признании т.н. «однополых браков», что коренным образом противоречит

традиционным христианским представлениям. Эти явления особенно широко распространены на Западе, хотя проявляются и в Восточной Европе.

Религиозный модернизм вызывает протест ортодоксально настроенных верующих и зачастую становится причиной расколов в религиозных конфессиях.

1. Религиозный модернизм обычно рассматривается с конфессиональной точки зрения. Так, исследовались модернистские тенденции в православии (соответственно, речь идет о православном модернизме или модернизации православия), в католичестве (католический модернизм), в протестантизме (протестантский модернизм) и т.д. Интегративное понятие «религиозный модернизм» пользуется гораздо меньшей популярностью.

Характерной чертой религиозных процессов в Кыргызской Республике является резкий рост религиозного сознания населения, что наглядно показали результаты социологического исследования, проведенного Институтом стратегического анализа и прогноза (ИСАП) при КРСУ летом 2006 г. в двух южных областях страны (Ошской и Джалал-Абадской), двух северных (Чуйской и Иссык-Кульской), а также в городе Бишкеке. Подавляющее большинство (90,7 %) респондентов ответили, что верят в Аллаха (причем 87,9 % из них имеют высшее образование). Значительная часть (35,85 %) полностью следуют религиозным законам и постоянно исполняют мусульманские обряды. Свыше половины опрошенных (69,7 %) заявили, что соблюдают религиозные обряды, хотя и не всегда, а 74,65 % - что имеют дома Коран.

По данным Государственного агентства по делам религий при Правительстве КР в Кыргызстане на сегодняшний день действуют 1648 мечетей, 46 православных храмов, иудейская и буддийская община, а также 30 христианских храмов, в том числе 15 протестантского направления. Всего в стране функционируют около 1800 исламских и 300 христианских организаций. Точное количество сект и религиозных течений неизвестно до сих пор. В Кыргызстане также действуют сатанисты, Белая Церковь, кришнаиты, церковь Муна, представители Фалунгуна и представители прочих сект. Кроме того, подпольно действуют организации экстремистского толка, такие, как Хизбут-Тахрир, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Акромия¹.

Деятельность официальных исламских религиозных лидеров

Неэффективное использование религиозного потенциала государством в решении проблем нравственности в обществе, укреплении авторитета власти через официальное духовенство явно свидетельствуют об отсутствии, какой-либо долгосрочной стратегии в отношении религии. Политическое «заигрывание» некоторых чиновников религиозным «ресурсом», а также проектирование чуждых для понимания народа «размытых» идей на основе заповедей народного эпоса Манаса или идей Тенгрианства, может негативно повлиять на стабильность в Кыргызстане, единство его народа.

Рост популярности ислама, особенно среди молодежи, вызывает опасения спонтанности и бесконтрольности этого процесса. Низкой же грамотностью сельского населения в сфере ислама, некоторые силы, прикрываясь религиозными лозунгами, могут воспользоваться в борьбе за власть. А отсутствие общепризнанного духовного авторитета среди мусульман Кыргызстана, внутренние интриги и борьба между различными идеологическими течениями и группировками в Муфтияте, ведут к расколу их на группы и формированию религиозных организаций независимых от него.

Деятельность неофициальных исламских религиозных лидеров

В эпоху глобализации Кыргызстан оказался включенным и в мировые религиозные процессы. На данный момент в политическом русле республики полномасштабно работает пока только одна непризнанная официально исламская партия: Хизбут-Тахрир Аль Ислами. Неудивительно, что сохранившийся в Центральной Азии ислам оказался неготовым и

¹ Хизбут-Тахрир, Свидетели Иеговы запрещены на территории Российской Федерации.

неспособным противостоять своим же радикальным течениям. Сказались отсутствие системы классического (догматического) религиозного образования, дефицит интеллектуального слоя среди духовенства. Например, в Кыргызстане только 30 – 40 % имамов имеют специальное теологическое образование. Сегодня вокруг Бишкека, все плотнее охватывая столицу, образовался пояс новостроек, именно здесь, среди бедной части населения - аутсайдеров общества, процветает безработица и социальная несправедливость, именно здесь, находят почву радикальные идеи. Уверен, что через несколько лет мы заговорим о факторе «Мусульманской Улицы», которая будет представлять бедные слои населения и где деление будет проходить по признаку «мы и они». Раньше говорили об интересах рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, сейчас это ушло в прошлое. Сегодня идентификация простого народа все больше связывается с Исламом. И в политической борьбе за электорат некоторые «светские» политики могут использовать религиозный «исламский» ресурс.

Религиозные факторы относятся к числу особенностей определяющих или даже моделирующих облик той или иной цивилизации, следовательно - геополитическую карту мира [2]. В связи с этим, необходимо иметь в виду, что Кыргызстан является неотъемлемой частью региональной политики и стратегических интересов в первую очередь США, России и Китая. Присутствие же единственной на сегодняшний день в Центральной Азии военной американской базы в Кыргызстане, ставит его в один разряд с США как «дарульхарб» то есть страны войны для многих исламских политических движений и оправдывает их агрессивные действия перед лицом исламского мира, развязывая тем самым им руки.

Сегодня ислам в Кыргызстане можно разделить на официальный- традиционный и параллельный - политический и также сектантский, то есть ислам импортированный. Официальный ислам характеризуется консерватизмом и традиционностью, и в настоящее время переживает кризис. Можно сказать, что он не соответствует типу и уровню религиозного мышления, реалиям современного общества, но остается при этом влиятельным фактором общественного сознания. Параллельный ислам представлен неофициальными религиозными лидерами и группировками нетрадиционного для Кыргызстана течений ваххабитских или салафитских джаммаатов, Хизбут-Тахрир, Ахмадия, Нуржилер, Сулеймания и другими.

Смена власти в Кыргызстане, произошедшая в марте 2005 г., способствовала внутривнутриполитической дестабилизации в республике, росту влияния организованной преступности, новому переделу собственности. Это вызвало еще большее обострение укорежившихся социально-экономических проблем. Параллельно подверглись кадровым чисткам и реорганизациям специальные службы и правоохранительные органы, что заметно снизило их эффективность, которой они и так не особо отличались.

На сегодняшний день, очевидно влияние на население Кыргызстана, в особенности на молодежь регионов, так называемого движения «Таблигдавата» (от арабского Даъва - призыв). На данный момент наша страна является самой активной, по части проповеди этого учения и количеству «дааватистов», среди стран Центральной Азии. Во многом этому способствовал обмен опытом и знаниями между «джамаатами» Кыргызстана и иностранных мусульманских государств. Но, зачастую, приняв участие в непродолжительном даавате и получив неполные или недостоверные знания об Исламе, мусульманин становится легкой добычей для радикальных исламских течений [3].

Начиная с 2005 г. и по настоящее время, США заметно активизировали свою политику в отношении Ислама в Кыргызстане. Программа, осуществляемая посольством США, не ограничивается только изучением Ислама, но также апробирует методы по созданию благоприятного «образа» политики США в регионе среди населения через мусульманских лидеров. Так на базе Американского агентства международного развития (USAID) второй год действует программа «курсы по толерантности» мусульманских лидеров

Кыргызстана. Также готовится новый проект по привлечению на местах местных имамов и лидеров НПО для проведения курсов по предупреждению конфликтов. Через Американский Университет Центральной Азии (АУЦА), USAID предоставляет различные гранты для изучения Ислама в КР.

Уровень обеспечения свободы вероисповедания

До сих пор Кыргызстан не имеет четкой правовой и законодательной базы, которая бы являлась инструментом идеологической защиты государства, общества от всевозможных сект. Возможность лавирования и размытость законов, позволяют различным сектам на его территории, таким, как например, Ахмадия или Церковь Муна функционирующими под другими названиями, находить различные пути для осуществления деструктивной деятельности.

Некоторые специалисты утверждают, что Закон «О свободе вероисповеданий» следует ужесточить. Но в то же время он должен соответствовать нормам международного права и ни в коем случае не сводить на нет свободу совести. Однако лидеры двух самых крупных конфессий в Киргизии, исламской и православной, настаивают на том, что запрет на деятельность сект – это не попрание прав и свобод человека, а защита граждан от произвола нечистоплотных личностей, возмнивших себя пророками божьими. Эксперты–теологи и представители духовенства считают, что за последние пятнадцать лет Кыргызстан превратился в рассадник запрещенных религиозных сект. Виной тому слишком либеральное законодательство.

Чтобы укрепить позиции власти в сфере религиозной политики государства, необходимо иметь в виду те проблемы, которые являются главным препятствием в его эффективной работе. В первую очередь к их числу относится отсутствие у государства четкой идеологической составляющей, которая и определяет стратегию и целенаправленность его работы в религиозной сфере. И как результат, она характеризуется частым нарушением служебных полномочий, прежде всего, открытым вмешательством Агентства по делам религии в кадровые вопросы Муфтията, что вызывает недовольство представителей мусульманского духовенства и как следствие, негативное отношение к проводимой государством политике.

Толерантность и межрелигиозный диалог: влияние зарубежных религиозных центров и иностранных государств

Исторические свидетельства заставляют нас обратить внимание и на то, что религиозные факторы всегда играли существенную роль в политике государств, а миссионерская деятельность находилась в русле решаемых империями внешнеполитических задач и осуществляемой ими идеологической экспансии. В Кыргызстане активно и целенаправленно среди мусульманского населения, и в особенности среди национальной элиты, работают миссионерские протестантские церкви. Их деятельность наглядно свидетельствует о явных попытке влиять на внутреннюю политику страны путем «проталкивания» новообращенных во власть. Налицо также нарастающая острота межконфессиональных проблем, которые могут привести к конфликту на межрелигиозной почве, по причине миссионерской деятельности, направленной специально для кыргызов (Церковь Иисуса, Свидетели Иеговы, Церковь Муна), а также работы различных НПО и коммерческих организаций, созданных на средства от пожертвований христианских организаций, церквей, проталкивающих идею «евангелизации всего Кыргызстана».

Протестантские церкви - это хорошо обеспеченные организации, чаще всего имеющие штаб-квартиры в США. За последнее десятилетие было построено множество «церквей», число которых уже намного превышает число православных храмов. Наиболее крупные из протестантских сект - это Общество Свидетелей Иеговы (более 20 общин), пятидесятники, адвентисты седьмого дня, Церковь Иисуса Христа и другие. Наиболее одиозная организация

- Общество Свидетелей Иеговы. Это ярко выраженная секта, которая воздействует на психику, часто просто зомбируя человека.

Стоит отметить, что в учении иеговистов запрещены всякие виды переливания крови, что неоднократно приводило к смертям последователей этой секты. Например, ребенок умирал из-за того, что мать запрещала врачам перелить необходимую ему кровь. Кроме того, деятельность этой организации была запрещена в России несколько лет назад. В Кыргызстане, большей частью на севере, распространены баптистские и адвентистские церкви. Также широко представлены общины пятидесятников и евангельских христиан «духа апостолов», среди организаций, добившихся наибольшего роста, по крайней мере, насчитывающих тысячу приверженцев - Свидетели Иеговы, ряды которых пополняются ежегодно.

Начиная со времен перестройки, христианский прозелитизм в Кыргызстане ориентировался на разнообразные цели и корректировал свою стратегию. Первой целью был прозелитизм в собственном окружении, главным образом направленный на тех, кто уже был обращен в протестантство, но кому, по мнению миссионеров, крайне необходимо было дать более глубокое религиозное образование. Вторую цель представляли собой те, кто считал себя атеистами или заявлял о безразличии в вопросах религии. Третьей и главной целью в 1990-ые гг. были люди, принадлежавшие к христианству, но относившиеся к другим его ветвям, в особенности к православной церкви, а также, в меньшей степени, к католицизму и даже к некоторым переживавшим спад протестантским направлениям, таким, как лютеране. Последней и наиболее спорной целью действий во имя принципа универсальности христианства стало все мусульманское коренное население.

Кыргызы составляют, в долгосрочной перспективе, главные цели христианского присутствия в Кыргызстане. Кыргызское население кажется легкой целью, так как большая его часть исповедует традиционный ислам, не обладая при этом глубокими теологическими познаниями. Таким образом, каждая кампания по обращению в веру приводит к росту числа общин, которые состоят исключительно из коренных жителей. Религиозные службы проводятся на местных языках (киргизском, узбекском, дунганском и т.д.), и несколько новых, совершающих культовые богослужения священников принадлежат к коренным национальностям.

Между проповедью и вербовкой

Общественность обеспокоена активной деятельностью миссионеров различных реакционных сект, особенно с учётом того, что руководители организаций протестантского толка, ставят своей целью сплошную евангелизацию населения республики. Опасения, прежде всего, связаны с тем, что в эти процессы вовлекается молодежь, самая подверженная влиянию часть общества [1].

За неполных 16 лет в Кыргызстане появились новые христиане кыргызы – прозелиты, то есть мусульмане, перешедшие в христианство протестантского толка, объединенные в свои общины. Появилась новая проблема – межконфессиональных отношений среди титульной нации. Опасность появления в будущем «ливанского» фактора налицо. Хотя проблема назревала давно, но ею никто серьезно не занимался.

Всем известен первый случай прямого столкновения между представителями мусульманского духовенства и христианского течения кыргызов-баптистов, произошедший в 2002 г. Между тем один из руководителей христианско-баптистских церквей Рахатбек Чуйтиев, специально приехавший из Бишкека, утверждал, что баптистов можно хоронить среди мусульман, если они по национальности кыргызы. Подобные конфликты уже постоянно возникают в течение последних 5-7 лет.

О том, что большинство религиозных лидеров различных конфессий не могут на цивилизованном уровне обсуждать самые острые вопросы их сосуществования на одной территории, свидетельствуют постоянные взаимные обвинения в некорректном отношении

друг к другу и к своим святыням. Едва ли не главным камнем преткновения между различными религиями является проблема миссионерства, всегда, как правило, уверенного лишь в своей правоте, а также прозелитизма, который можно считать тем же миссионерством, но уже с явным намерением переманить инаковерующих в свою религиозную организацию. Прозелитизмом является любая попытка обратить верующих одной религии в другую. Прежде всего, речь идет о ситуации, в которой некая община, уверенная в правоте и истинности своей религии, и по этой причине чувствующая ответственность за своих единоверцев, естественно, самым отрицательным образом относится к внешним попыткам увести своих членов в другую, «неправильную» религию. Сегодня прозелитизм в Кыргызстане является инструментом деструктивных сил, ведущих пропаганду в среде представителей других конфессий с явным намерением навязать свой образ мыслей и, в конце концов, переманить их в лоно своей религиозной организации.

Литература:

1. Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. - М., 1982.
2. Аятолла Хаменеи. Свет исламской революции. Речи и выступления Руководителя Исламской Республики Иран. - М., 2000.
3. Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. Сборник статей. - М., 1985.

References:

1. Ahmedov A. Social'naya doktrina islama. - M., 1982.
2. Ayatolla Hamenei. Svet islamskoj revolyucii. Rechi i vystupleniya Rukovoditelya Islamskoj Respubliki Iran. - M., 2000.
3. Islam: problemy ideologii, prava, politiki i ekonomiki. Sbornik statej. - M., 1985.

RELIGIOUS MODERNIZATION AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RELIGIOUS SITUATION IN THE KYRGYZ SOCIETY

Kanaev A.B.

doctor of political sciences, acting, prof. Kyrgyz-Kazakh University, Kyrgyzstan, Bishkek

Abstract: *The scientific article deals with the issues of religious modernization in the Kyrgyz Republic. Soviet atheistic religious studies defined religious modernism as "one of the ways to adapt religion and theology to new socio-historical conditions, to the changed consciousness of believers." The main reason for the existence of religious modernism is the attempts of religion to "adapt" to existing modern social relations, and thus "prolong the existence" of religion.*

Key words: *postmodernism, religious processes, atheism, religion, Hare Krishna, church*

Для цитирования: Канаев А.Б. Религиозная модернизация и компаративный анализ религиозной ситуации в кыргызстанском обществе// Архонт, 2023. № 4(37). С. 54-59.

МИР РЕЛИГИИ

Костыгова Е.В.
бакалавр факультета истории, политологии и права
Государственного университета просвещения
kbettti@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЗМЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В АНТИЧНОМ
ГНОСТИЦИЗМЕ: ГНОСТИЦИЗМ И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО**

***Аннотация:** в данной статье рассмотрен генезис и дальнейшее становление гностицизма. Автор рассматривает древние культы и религии как истоки гностичского учения, а также выявляет возможные элементы влияния на христианство. Таким образом, гностицизм предстаёт в качестве реакции философско-религиозной мысли на смену эпох. Данная тема актуальна в связи с растущим интересом, в том числе и в ненаучной среде, к непопулярным религиозным системам.*

***Ключевые слова:** гностицизм, античный гностицизм, эллинизм, синкретические учения, христианский гностицизм*

Религия всегда оставалась одним из самых загадочных и неоднозначных историко-культурных феноменов. Она дает объяснения многим особенностям развития общества, но еще больше ставит вопросов. Духовный мир невозможно исследовать так же рационально и наглядно как материальный. В процессе создания единой концепции, разрешения противоречий остается множество лакун, над восполнением которых предстоит трудиться не одному поколению ученых. Рассмотрим, к примеру, христианство, которое, без сомнения, полностью изменило облик всего человечества. С рождения Иисуса Христа даже отсчитывается новая эра. Но как заканчивалась эра язычества? И что являлось переходным этапом?

Данная статья посвящена изучению такого феномена первых веков христианской эры как гностицизм. Однозначно отнести гностицизм к современному пониманию религии не представляется возможным, перед учеными предстает сложная неоднородная философско-мировоззренческая система, тонкости которой разнятся в зависимости от направлений и представителей. Кроме того, не существует единого священного писания и ритуальных практик. Однако, отчетливую преемственность можно наблюдать в манихействе, а некоторые исследователи, например, Р. Смоули [18] или О.А. Ручинская [17] расширяют влияние гностицизма на сотни лет вперед, находя отклики в движении катаров, богомилов, павликиан и др. А некоторые современные исследователи вообще находят черты гностицизма в современном неоязычестве, протестантизме и массовой культуре [4; 21; 22]. Изначально, до выработки единых церковных догматов и канонов, среди последователей учения Иисуса Христа, по понятным причинам, существовало множество ответвлений, каждое из которых претендовало на главенствование. Таким являлся и гностицизм, который в свою очередь представлял собой совокупность разрозненных сект, объединенных основными концептуальными представлениями. Уже во II в. различные христианские апологеты начинают бороться с этим движением. В дальнейшем, при установлении кафоличности церкви, гностики станут гонимыми еретиками. И в наши дни, некоторые труды повествуют о данном феномене с негативной коннотацией, например, в предисловии книги «Гностики или о лжеименном знании» [5], что представляется автору в корне неправильным. Однако в рамках данной статьи будет рассмотрен только античный гностицизм I-III вв., когда единые догматы церкви еще не были оформлены, а внутренние течения не до конца обособлены. Наконец, что представляет наиболее важное значение в рамках исследования, гностицизм является синкретическим учением, объединяющим

разнообразные культы, религии, мифологемы. Кроме того, ряд ученых, например, А. Владимиров [2], утверждает, что именно гностицизм повлиял на становление христианства.

Цель данной статьи – определить место гностицизма в системе религий и верований античного мира, а также выявить его составляющие, пришедшие извне, и проследить влияние на христианство. Основными источниками, позволяющими проанализировать развитие гностической мысли являются труды апологетов церкви Иринея Лионского [15], Климента Александрийского [12], Епифания [8] и др., массив литературы, найденной при раскопках в Наг-Хаммади [7], а также работы исследователей А.Л. Хосроева [23], М.Э. Поснова [13; 14], М.К. Трофимовой [20] и др. Судя по всему, гностицизм сформировался в ходе становления эллинистической парадигмы, смешения западной и восточной религиозно-философских традиций, а также ее взаимодействия с иудаизмом. Эллинизм и иудаизм являлись двумя последними столпами античного мира, предчувствующими свое скорое ослабление на фоне возрастания влияния христианства. «Вопрос о месте рождения его пока не находит общепризнанного решения. Но вероятнее всего, отцами гностицизма являются вавилонские маги и астрологи т.е. известные нам из первых страниц священной евангельской истории волхвы с востока...» [13, с. 4]. Однако, автору статьи представляется, что выводить гностицизм из одного направления неверно, Г. Йонас писал, что рассматриваемое течение возникло, как синкретизм восточной мифологии, астрологических учений, иранской теологии, элементов иудаистской традиции, библейских, раввинистических или оккультных, христианских представлений, спасения-эсхатологии, платонических терминов и понятий [10, с. 43]. Он также описывал парадигму, сложившуюся в духовном «климате» описываемой эпохи, как «дуалистическая трансцендентная религия спасения» [10, с. 47].

Началу оформления гностицизма как конкретному направлению религиозной мысли, по мнению некоторых ученых способствовал ересиарх Симон Маг. «Праотцом всех ересей, вслед за Юстином, Ириней считает Симона Мага, отцом же – Валентина» [1, с. 13]. По изложению античных авторов спутница Симона – Елена, была его Мыслью, которая завершила цикл перевоплощений и падений, после чего ее отыскал сам Симон. Она является прародительницей всего сущего, спустившейся от Отца в нижний мир, чтобы породить ангелов и другие силы, но сама же была захвачена ими и застряла в телесной оболочке, будучи вынужденной падать ниже и ниже. Симон – божество, воплотившееся в материальной оболочке, пришел для ее спасения [24, с. 49-51]. Данный миф послужил базой для дальнейших наслоений других школ и течений. Здесь прослеживается гностический дискурс о пагубности материального мира. Похожий сюжет можно наблюдать в 6 книге II кодекса Наг-Хаммади Exegesis on the Soul. «As long as she was alone with the father, she was virgin and in form androgynous. But when she fell down into a body and came to this life, then she fell into the hands of many robbers. And the wanton creatures passed her from one to another and [...] her. Some made use of her by force, while others did so by seducing her with a gift. In short, they defiled her, and she [...] her virginity» [24, с. 52].

Перевод: «Пока она была со своим Отцом, то была невинна, не принадлежала к определенному полу. Но когда она застряла в теле и пришла в эту жизнь, то попала в руки разбойников. Распутные существа надругались над ней и [...] ее. Одни воспользовались ею силой, другие соблазнили подарками. В общем, они осквернили ее, и она [...] свою невинность».

В «Апокрифе Иоанна» также прослеживаются события падения божественной мудрости и создания после этого земного мира [5, с. 281-298].

Стоит также отметить, что часть исследователей возводит образование данного течения к офитским сектам. Об этом пишет и М.Э. Поснов [14, с. 20]. Почитая великую богиню-мать, офиты видели ее проявление как божественной Премудрости Софии в яблоке, вкушенным Евой от змея. Это особое знание было даром людям, чтобы освободиться от неведения. Подобный культ богини-матери отчетливо просматривается у многих народов,

начиная с эпохи палеолита, однако можно полагать, что в гностическое учение он пришел с Передней Азии, где поклонялись Кибеле, Астарте Иштар и т.д.

Прежде, чем контактировать с христианством, гностицизм вбирает в себя крупницы античного мира, одним из таких источников служит философия неопифагореизма. Вероятно, оттуда был взят принцип двойственности мира, противопоставления материи и божественного. «Общими принципами бытия ново-пифагорейцы считали единицу и неопределенное двойство. Единство должно означать основу всякого добра...; двойство, наоборот, - принцип всякого несовершенства...Единство приравнивается божеству, духу...; двойство – материи, как источнику всякого зла» [13, с. 58]. Однако, подобную двойственность можно наблюдать и в других системах. Рассматривая зороастризм, - религию, распространенную на территории Персии еще за несколько столетий до Христа нельзя невольно их не сравнить. Последователи этой религии верили в борьбу Ахура-Мазды -благого бога и Аримана – злого духа, но речи о противостоянии материи и божества не идет. Так что в силу представлений о природе творящих субъектов и отношений к материи некоторых представителей течений нельзя в полной мере провести преемственность [11]. Вильгельм Буссе же пишет о том, что через персидское влияние, которое в свою очередь до этого впитало элементы вавилонских верований, последние находят отражение и в гностицизме [19, с. 32]. «Представление о семи небесах, напр. (и о семи верховных духах), которое играет важную роль в гностицизме, встречается в парсизме; а между тем всего вероятнее, что происхождение этого представления - вавилонское...» [5, с. 45].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение митраистского компонента гностической системы. Изначально митраизм - ответвление от главной ветви персидской религии [19, с. 32]. Само божество Митра относится к древним индоиранским богам, его имя упоминается как в индуизме, так и в зороастризме. «За находящеюся вне мира безличную бесконечностью следует личная Агурамазда, а за нею личный, внутри мира живущий бог, творец мира, который ставит его в связь с высшим небом, - Митра» [13, с. 78]. «Во главе митраистической вселенной стояло Бесконечное Время, аналогичное богу гностиков; в мире боролись доброе и злое начала; Митра (он же Непобедимое Солнце) был, по-видимому, демиургом (создателем), но в отличие от демиурга гностиков добрым; он был посредником между божественными силами вселенной и человеком, защитником человека и образцом для подражания в жизни; он обещал праведникам посмертное блаженство после Страшного суда» [9, с. 339]. Впоследствии культ Митры широко распространится в Римской империи, его примут и низшие слои, и солдаты, и даже некоторые императоры. Как можно заметить, при наличии сходств с гностицизмом присутствуют и значительные расхождения. Надо сказать, что в гностических системах много внимания уделяется астрологии, магии, числам и т.д. Интересно заметить, что имя Абраксас (одно из гностических божеств) в переводе греческих букв по их цифровым значениям дает в сумме 365 - число дней в году, такое же значение имеет и имя Митра.

Г. Йонас пишет о следующем документе, свидетельствующем о становлении языческого гностицизма – герметическом трактате Поймандр [10, с. 57]. Не только этот трактат, но герметическое течение в целом послужило оформлению гностической доктрины. Хотя они и не могут быть названы гностическими, но представляют интерес при изучении. Многие герметические мотивы созвучны гнозису и были популярны в кругах его последователей [1, с. 26]. О гностическом характере герметических теогонии и космогонии пишет и М.Э. Поснов [13, с. 88]. Здесь можно говорить о египетском центре формирования протогностических систем. «В «герметической» литературе мы имеем дело с теологическим книжничеством египетских жрецов из различных периодов имперского времени» [13, с. 92]. Не зря в библиотеке Наг-Хаммади найдены коптский перевод герметического Асклепия и другого ранее неизвестного трактата [13, с. 45]. Само поселение Наг-Хаммади так же находится в Египте, что позволяет сделать вывод о наличии там последователей данного учения.

Интересно заметить, что в герметических текстах фигурирует Нус (Ум) как один из семи богов, владеющих миром. Нус (который можно перевести и как «разум») является одним из ключевых элементов философии неоплатоников и самого Платона, предшествующим физическому миру. Не зря многие ученые отмечают влияние неоплатонической мысли на гностицизм. Кроме того, неоплатоники считали высшее начало единым и трансцендентальным, познать которое возможно лишь мистически, что опять-таки можно проследить и в гностических учениях.

Еще одним дохристианским образованием гностического толка ряд ученых обозначает секту мандеев. Самоназвание происходит от слова «manda», обозначающее «знание» [5, с. 18]. Подобный фокус на особом, откровенном, скрытом знании, а также некоторые сюжеты мандейской теогонии, изложенные в части Jamina книги Sidra Rabba (W. Brandt Mandaische Schriften Gottingen 1893) действительно напоминают гностический дискурс. (Немаловажно, что в первоначальном виде мандеизм не испытывал влияния христианства, что позволяет нам говорить о дохристианских корнях гностического учения.)

Ведь центральным элементом всех рассматриваемых и связанных с ними учений является гнозис (от греч.) - недоступное знание, овладеть которым стремится каждый последователь, с помощью чего душа спасется из материального замкнутого мира перерождений. Речь не идет о рациональных категориях, используемых в философии. Только знание, выходящее за рамки обычного человеческого мира, способно вознести душу в ее первоначальное высшее пристанище. «Конечный «объект» гносиса - Бог: его появление в душе изменяет познающего, делая его причастным божественному состоянию...» [10, с. 50]. «Обладать гносисом, говорит Феодот, это знать, чем мы были и чем стали, где были и куда заброшены, куда идем и откуда явится искупление, что есть рождение и что - возрождение» [20, с. 32].

Однако, стоит заметить, что в данном течении не выработано единых морально-этических норм, что во-первых снизило его конкурентоспособность перед тем же христианством, а во-вторых так и не позволило сформироваться единой всеобщей системе. «Гностицизм с его пренебрежением к «миру» допускает такие крайности, как жесточайший аскетизм или полный отказ от любых нравственных запретов.» [20, С. 9].

Рассмотрев часть философско-религиозных «корней» дохристианского гнозиса можно перейти к иудейскому субстрату, который, по мнению автора, играет значительную роль в формировании учения. Без сомнений, влияние этого субстрата крайне велико, часть авторов придерживается концепции, что гностицизм вовсе изначально возник на основе иудейских сект, например, об этом пишет С.Н. Трубецкой, а также он отмечает похожие воззрения у древнего ересеолога Егезиппа [5, с. 39]. Стоит отметить, что в этот период времени иудейская религия, как и почти вся ойкумена, испытывала влияние эллинизма, а до него впитывала различные верования, в т.ч. и языческие, своих соседей и завоевателей.

Одной из древних иудейских сект является секта ессеев, воззрения которых в достаточной степени отличаются от ортодоксального талмудического иудаизма. Они отрицали брак, жертвоприношения, миропомазание. В их учении просматривается дуализм, а тело считается «темницей» для души. Гностические мотивы прослеживались и в есеевской космогонии, а также учении об ангелах [13, с. 112-117]. Подобными отступниками от Моисеева закона являлись Филон и его последователи, секта терапевтов, а также другие, чьи названия и доктрины не дошли до нас. Наличие подобных образований позволяет говорить о феномене иудейского гностицизма.

Можно увлечься и провести некоторые параллели между ветхозаветной литературой и гностическим дискурсом. Так, в «Книге Премудрости Соломона» большое внимание уделяется премудрости Божией (Софии). «С Тобою премудрость, которая знает дела Твои и присуща была, когда Ты творил мир, и ведает, что угодно пред очами Твоими и что право по заповедям Твоим;» [Прем.9:9]. Она всячески помогает людям, дарует им блага,

эсхатологический мотив также отчетливо прослеживается, что дает почву для сравнения с гностическим учением.

Активные обсуждения, в т.ч. сравнительного характера, возникли вокруг фигуры Демиурга - гностического божества, создавшего материальный мир и заточившего в нем человека. «Фигура Демиурга - это результат смешения мифологических и философских идей. Он напоминает об астральной религии Вавилонии. Демиург (который является также под именем «Ялдабаот» - смысл допускает различные толкования, одно из них - Сын Хаоса» [19, с. 38].

«С одной стороны, он, как известно, восходит (в т.ч. терминологически) к платоновскому «Тимею» (хотя и не вытекает из него с необходимостью)» [16]. Но с другой стороны, среди исследователей этой темы большое количество отождествления Демиурга с ветхозаветным Яхве. Что, в свою очередь, указывает на негативное отношение гностиков к иудеям. «Гностики, как правило, отвергали Ветхий Завет, считали иудейского бога Ягве одной из сил зла и проводили резкую грань между Ягве, называемым в их учении Ялдабаотом, и богом-отцом христианского вероучения». «Примечательной чертой гностицизма является отождествление этого низшего бога с Богом Ветхого Завета» [19, с. 58].

Анализируя чуть более позднюю форму гнозиса - христианскую, также будут писать: «Характерно, что, несмотря на очевидное присутствие в христианских гностических писаниях эллинистических влияний, образ демиурга в них неразрывно связан не с одним из божеств эллинистического пантеона, но именно с ветхозаветным Яхве. В Апокрифе Иоанна и близких к нему произведениях демиург Ялдаваоф, образ которого практически совпадает с образом ветхозаветного Яхве, изображён в виде глупого и злобного демона» [7, с. 48].

Однако, не смотря на столь резкое отношение, между этими двумя течениями можно выделить и ряд параллелей. Как уже было замечено ранее, иудаизм тоже подвергался влиянию других культур, такими являлись вавилонская и персидская системы верований. Такая же картина наблюдалась и с гностицизмом, что уже позволяет отыскивать в них определенные сходства. Из талмудической ангелологии гностицизм впитал мистический аспект, скрытые от посторонних имена и якобы откровения, полученные от них. «...в некоторых еврейских магических текстах представление о семи архангелах связывается с представлением о семи планетах...», последнее, видимо, пришло из Вавилона, где планеты являлись семью великими богами [5, с. 50]. Вообще число 7 является мистическим и играет большую роль в рассматриваемых течениях. Так, 7 архангелов в ангелологии, 7 небес в самом иудаизме, 7 архонтов в офитских учениях и даже в христианстве, напр. в «Пастыре» Ермы (где, кстати, одним из 7 ангелов выступает знание). «Таким образом, в учении еврейской апокалиптики о небесах мы находим материал гностического учения об эонах: гностицизм вырабатывает свое учение на еврейской почве» [5, с. 55].

Таким образом, можно говорить о формировании такого феномена как иудейский гнозис. И такая его форма позволит в дальнейшем через иудейско-христианские связи проникнуть в учение Христа и перейти на свою следующую ступень развития. «Вполне возможно, хотя этому и нет определенных доказательств, что вклад древнееврейской мысли был решающим фактором, одним из тех основных, которые позволили гностицизму осуществить связь с христианством» [19, с. 29].

Ко времени первых веков новой эры, христианство было далеко от той стройной и упорядоченной системы, какой представляется сейчас. Неофиты, переходя в новую веру, все еще мыслили языческими или другими привычными категориями. Христианство со временем не спеша впитывало эти представления, хотя этот процесс и был двусторонним. Такая тенденция происходила и с гностическим учением. В процессе смешения образуется такое направление как христианский гностицизм, который «представлял собой связь прошлого с будущим» [13, с. 136].

Невооруженным глазом можно заметить явные различия в гностической и христианской доктринах, такие как, например, докетизм первых, их пренебрежение моралью и

материальным миром (который христиане чтят как божественное творение), представления о наличии нескольких Богов, в целом о мироустройстве и путях спасения души. Однако, не смотря на все эти расхождения, уже в самом корпусе гностической литературы прослеживается явное влияние христианства. Так, названия «Евангелие Истины», «Евангелие Иуды Искарота» и само присутствие Иисуса Христа и других новозаветных персоналий указывают на взаимодействие и взаимопроникновение этих двух религиозных учений.

Первым гностиком, с которым столкнулось христианство в апостольский век является Симон Маг, взгляды которого рассматривались выше. Его учение было еще языческим, но своими волхованиями он привлекал последователей, почитающих его как бога. Но «...в системе его нет христианских элементов, за исключением слов об отце, сыне и св. Духе...» [13, с. 151]. На христианство же в большей степени повлиял не он, а некоторые из его сторонников - еретических христиан [13, с. 151].

Р. Смоули же пишет, что «эти идеи проникли также в ортодоксальное христианство, в основном благодаря двум великим Отцам Церкви, которые отвергали гностицизм, но восприняли гносис наряду со многими эзотерическими доктринами» [18, с. 63]. Таким был Климент Александрийский. В его «Строматах» «...детально показывается связь гносиса с христианской верой» [18, с. 64]. Акцентируя внимание на особом знании и его спасительной функции: «Вскормленные истинным знанием такого рода, оживают они для вечной жизни и воспаряют к небесам» [12, с. 79-80], а также на мистериях: «...Откровение это не было предназначено для толпы, но лишь для немногих, способных принять мистерии и запечатлеть смысл их в своем сердце» [12, с. 84], Климент явно предстает сведущим в гностических системах и носит их отпечаток. Однако, для него «...вера выше знания» [18, с. 67]. Так что, не смотря на некоторое интегрирование гностической системы в христианскую, вторая в большей степени преобладает в воззрениях этого апологета.

Еще одной значимой фигурой эпохи становления христианства является Маркион. Не найдя ответов на свои вопросы среди общины, этот богослов собирает вокруг себя единомышленников, придерживающихся его взглядов, отличающихся от католических представлений. Он вошел в историю как еретик. Конечно, его взгляды разительно отличались от принятых на тот момент. Маркион не признавал авторитета Ветхого Завета, говорил о «двух изначально сосуществующих богах» [23, с. 188], презирал материю и считал, что тело Иисуса – призрак [23, с. 189]. Однако, не смотря на такое сходство с гностической доктриной, его воззрения нельзя полностью относить к ней. Наибольшее значение имеет его первенство в попытках сбора и публикации христианских писаний - ему принадлежит прообраз Нового Завета [7, с. 20]. Таким образом, можно наблюдать как гностические вкрапления возникают на почве новозаветной парадигмы.

А. Гарнак справедливо отмечал, что «гностики были богословами I века; они первые превратили христианство в систему учений (догматов); они первые подвергли предание... и первобытные христианские книги систематической обработке [3, с. 141].

Еще одним крайне значимым религиозных деятелей является Ориген - яркий теолог III века, оставивший после себя множество работ. Его взгляды не сходились с установленными в то время, за что он был гоним, а позже вовсе признан еретиком. «В системе Оригена, нецерковной в значительной дозе своих предположений, мы имеем самый полный славный образец христианского гнозиса на церковной почве, самое цельное выражение успехов христианского богословствования в первые века и первую систему христианского догматического богословия» [2, с. 358]. Ориген не был гностиком, он признавал Яхве истинным Богом и верил во всеобщее спасение. Однако, будучи выращенным среди расцвета гностической мысли, в свою систему он подобрал некоторые аспекты этого течения. «Ориген утверждал, что Писание имеет три уровня смысла, соответствующие телу, душе и духу, - трехчастному разделению человеческой сущности согласно эзотерической доктрине» [18, с. 76]. Эту концепцию чуть позже четко будет

сформулирована Валентином и найдет отражение в делении людей на гиликов, психиков и пневматиков. Одно из самых важных новшеств в истолковании Библии, привнесенных Оригеном и, возможно, сформировавшихся под влиянием гностического дискурса является аллегорическое интерпретация Писания.

Необходимо заметить, что столкновение христианства и гностицизма являлось неизбежным. Чтобы первому закрепиться и привлечь адептов, необходимо было «говорить на одном языке» с ними, что осуществлялось при помощи насаждения в уже знакомые народу учения. Не беря во внимание их географическую близость и даже идентичность, они были схожи в своих духовных концепциях: в вере в спасительность Божественного Откровения, в таинствах высшей духовной жизни, кроме того возможность аллегорического толкования жизни Иисуса позволяла адаптировать христианские мифы под свои системы [19, с. 29]. «Для большинства гностиков второго века Христос - парадигматический Спаситель, дарователь Откровения, Посредник и т.д.» [10, с. 349]. Фигура Иисуса удачно вписалась в концепцию гностиков, в которой он - «приносит знание об Отце людям, способным вместить это знание» [7, с. 46] и тем самым спасает их.

Любопытно будет рассмотреть учения самих апостолов. Павел, проповедуя среди эллинов, обличал гностиков в своем Первом послании к Коринфянам. «Однако и сам Павел говорит о различии между духовными и телесными людьми» [1, с. 56]. Он также особо акцентировал, подобно гностикам, что источник его веры и знания - божественное Откровение [2, с. 182]. «Близость идеологом последнего (гностицизма) видна в ряде посланий ап. Павла, в «Апокалипсисе», в Евангелии от Луки» [10, с. 349].

Еще больший интерес представляет корпус Иоанна «чрезвычайно созвучный гнозису» [7, с. 33]. Эти труды пропитаны дуализмом, представлениями о подчинении мира дьяволу (как у гностиков - Демииургу), знание там синонимично вере, а небесный посланник открывает истинного Бога [7, с. 33]. Кроме того, «свобода от мира означает и свободу от греха» [7, с. 33]. Просматривается и отторгающее отношение к Ветхому Завету. На гностический характер корпуса Иоанна также указывают космологические изречения «архонт эона сего» (Ин., 12:31; 14:30; 16:11) (в синодальном переводе - «князь мира сего»), любопытным предстает его обращение к «полноте», «И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать» (Ин., 1:16), которая в гностическом мифе называется плеромой и является одним из центральных понятий.

Исследователи пишут: «что центральное место в составе Нового Завета занимают как раз гностические по своему происхождению тексты, позднее подвергшиеся иудаизирующей редакции» [7, с. 36]. Новый Завет вообще совмещает в себе яркую противоречивость, что указывает на его формирование в поликультурных условиях и его дальнейшую серьезную редактуру. Например, «...противоречат друг другу вера в творение и признание нетварных духовных существ (1 Кор., 2:6 слл.; 2 Кор., 4:4; Гал., 4:3). Несовместимо убеждение в том, что Закон дан Богом и, представление, согласно которому он исходит от ангелов (Гал., 3:19 сл.)» [7, с. 37].

На данный момент проследить точный путь взаимодействия и взаимопроникновения христианства и гностицизма не представляется возможным. Да и вряд ли когда-нибудь такую картину удастся составить, т.к. этот процесс происходил по множеству направлений. Однако рассмотреть некоторые пересекающиеся элементы этих двух систем возможно на примере учения Валентина. Его концепция является апогеем гностической мысли, наиболее понятной и цельной системой. Например, можно наблюдать уже оформившуюся концепцию триады Бог Отец - Сын - Святой Дух [24, с. 131], являющуюся ключевой в христианстве. Также присутствует разделение человека на внутреннего и внешнего [24, с. 152], о чем говорилось еще во 2-м Послании к Коринфянам: «Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется». Кроме того, присутствуют и намеки на сюжет непорочного зачатия Девы Марии [24, с. 162].

Важно заметить, что гностицизм, как и другие периферийные для христианства течения, способствовал созданию стержневых концепций Нового Завета [10, с. 350]; написанию религиозных канонических книг, их систематизации. Борьба с ним способствовала укреплению ортодоксальной идеи, ускорению развития епископской формы правления, интерпретации Ветхого Завета как священной книги [19, с. 48].

В целом, рассуждая о гностицизме, как реакции на переход от старого миропорядка к новому, можно выделить следующие аспекты, которые переняла от него образовавшаяся господствующая религия: тенденция к аскетизму, как выражение презрения к миру; сакраментальность самой идеи религии, которая выражается в столь важной и сокровенной роли таинств; гностицизм привнес в христианство мистический элемент, что способствовало погружению человека в религию совсем на другом уровне; кроме того, гностицизм дал мощный импульс развитию теологии во всех направлениях [19, с. 48-49].

В заключении хотелось бы привести рассуждения Рене Генона, о том, что любая религия имеет внешний и внутренний (эзотерический) уровни, и именно эзотерика - живая сила религии. Но христианство, чтобы закрепиться при сложных обстоятельствах, сопутствующих его формированию, было вынуждено сделать упор на свою внешнюю сторону, что оставило его «с дырой в самом сердце» [18, с. 80-81]. Вероятно, таким внутренним ядром и был гностицизм, и, вероятно, поэтому столь упорным было его отвержение.

Литература:

1. *Афонасин Е.В.* Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. - СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2002. - 368 с.
2. *Владимиров А.* АПОСТОЛЫ: гностико-эллинские истоки христианства. - М.: Беловодье, 2003. - 582 с.
3. *Гарнак А.* История догматов// Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т. 2. -М., 2001. - 512 с.
4. *Гладышева М.В., Тулянов В.А.* Диалог народной и массовой культур в современной литературе и искусстве// Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIII научной конференции с международным участием: сборник статей. - М., 2018. С. 61-65.
5. Гностики или о «лжеименном знании». Переводы с коптского, древнегреческого, английского, испанского и др. Составление и подготовка текстов к печати С.И. Еремеев. - Киев: «УЦИММ - ПРЕСС», 1997. - 476 с.
6. Гностицизм и платонизм: сифианские платонизирующие тексты из Наг-Хаммади в их отношении к поздней платонической литературе URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnostitsizm-i-platonizm-sifianskie-platoniziruyushchie-teksty-iz-nag-hammadi-v-ih-otnoshenii-k-pozdney-platonicheskoy-literature> (дата обращения: 26.10.2023).
7. Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний / пер. Дм. Алексеева; под ред. А.С. Четверухина. - Ростов н/Д: Феникс, 2008. - 541 с.
8. Епифаний Кипрский. Творения. В 6 ч./ Пер. Московской духовной академии. - М., 1863-1883.
9. История древнего мира/ под ред. И.М.Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. - М., главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 407 с.
10. *Йонас Г.* Гностицизм (гностическая религия). - СПб.: Изд-во «Лань», 1998. - 384 с.
11. К вопросу о влиянии зороастризма на космологию христианских гностиков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vliyanii-zoroastrizma-na-kosmologiyu-hristianskih-gnostikov> (дата обращения: 26.10.2023).
12. Климент Александрийский Строматы. Т. 1 (Книги 1-3). Издание подготовил Е.В. Афонасин. - СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. - 544 с.

13. *Поснов М.Э.* Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. - Киев, Тип. Акц. О-ва Пётр Барский в Киеве, 1917. - 825 с.
14. *Поснов М.Э.* Гностицизм и борьба церкви с ним во II-м веке. (Речь, произнесенная на годовичном акте в Киевской духовной Академии 26 сентября 1912 года). - Киев, 1912. - 59 с.
15. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Св. Ириней Лионский; Пер. прот. П. Преображенского, Н.И. Сагарды. - СПб.: Изд. Олега Абышко, 2008. - 672 с.
16. Противоборство с ангелами в иудаизме и гностицизме: к философской интерпретации мотива. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoborstvo-s-angelami-v-iudaizme-i-ghostitsizme-k-filosofskoy-interpretatsii-motiva> (дата обращения: 26.10.2023).
17. *Ручинская О.А.* Гностицизм II-III вв. н.э. и раннее христианство// «Византийская мозаика»: Сборник публичных лекций Эллено-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме. - Харьков: Майдан, 2013.
18. *Смоули Р.* Гностики, катары, масоны, или Запретная вера/ пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. - 318 с.
19. Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502/ Пер. с нем. и коптского, доп. примеч. и главы А.С. Четверухина. - СПб.: Алетейя, 2004. - 448 с.
20. *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма. - М.: Издательство «Наука», 1979. - 218 с.
21. *Тулянов В.А.* Либеральные ценности и протестантизм в риторике представителей Русской православной церкви (на примере патриарха Московского и всея Руси Кирилла)// Либерально-демократические ценности, 2018. Т. 2. № 2. С. 4.
22. *Тулянов В.А.* Псевдоисторические взгляды родноверов (по материалам журнала «Родноверие»)// Мировые цивилизации, 2018. Т. 3. № 4. С. 7.
23. *Хосроев А.Л.* «Другое благовестие». II. Христианские гностики II-III вв.: их вера и сочинения. - СПб.: Контраст, 2016. - 424 с.
24. Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства/ Перевод, предисловие и комментарий Е.В. Афонасина. - СПб.: Алетейя, 2002. - 304 с.

References:

1. *Afonasin E.V.* Antichnyj gnosticizm. Fragmenty i svidetel'stva. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2002. 368 s.
2. *Vladimirov A.* APOSTOLY: gnostiko-ellinskie istoki hristianstva. M.: Belovod'e, 2003. 582 c.
3. *Garnak A.* Istoriya dogmatov// Sb.: Rannee hristianstvo. V dvuh tomah. T.2. M., 2001. 512 c.
4. *Gladysheva M.V., Tulyanov V.A.* Dialog narodnoj i massovoj kul'tur v sovremennoj literature i iskusstve // Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti. Materialy XIII nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: sbornik statej. M., 2018. S. 61-65.
5. Gnostiki ili o «dzheimennom znanii». Perevody s koptskogo, drevnegrecheskogo, anglijskogo, ispanskogo i dr. Sostavlenie i podgotovka tekstov k pechatu S.I. Ereemeev. Kiev: «UCIMM - PRESS», 1997. 476 s.
6. Gnosticizm i platonizm: sifianskie platoniziruyushchie teksty iz Nag-Hammadi v ih otnoshenii k pozdney platonicheskoy literature URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnostitsizm-i-platonizm-sifianskie-platoniziruyushchie-teksty-iz-nag-hammadi-v-ih-otnoshenii-k-pozdney-platonicheskoy-literature> (data obrashcheniya: 26.10.2023)
7. Evangelie Istiny: dvenadcat' perevodov hristianskih gnosticheskikh pisanij / per. Dm. Alekseeva; pod red. A. S. CHetveruhina. Rostov n/D : Feniks, 2008. 541 s.
8. Epifanij Kiprskij. Tvoreniya. V 6 ch. / Per. Moskovskoj duhovnoj akademii. M., 1863-1883.
9. Istoriya drevnego mira / pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoj, I.S. Svencickoj. Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M., glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1989. 407 s.
10. *Jonas G.* Gnosticizm (gnosticheskaya religiya). SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 1998. 384 s.

11. K voprosu o vliyani zoroastrizma na kosmologiyu hristianskih gnostikov URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vliyani-zoroastrizma-na-kosmologiyu-hristianskih-gnostikov> (data obrashcheniya: 26.10.2023).
12. Kliment Aleksandrijskij Stromaty. T. 1 (Knigi 1-3). Izdanie podgotovil E. V. Afonasin. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2003. 544 s.
13. Posnov M.E. Gnosticizm II veka i pobeda hristianskoj cerkvi nad nim. Kiev, Tip. Akc. O-va Pyotr Barskij v Kieve, 1917. 825 s.
14. Posnov M.E. Gnosticizm i bor'ba cerkvi s nim vo P-m veke. (Rech', proiznesennaya na godichnom akte v Kievskoj duhovnoj Akademii 26 sentyabrya 1912 goda). Kiev, 1912. 59 s.
15. Protiv erezej. Dokazatel'stvo apostol'skoj propovedi / Sv. Irinej Lionskij; Per. prot. P. Preobrazhenskogo, N.I. Sagardy. SPb.: Izd. Olega Abyshko, 2008. 672 s.
16. Protivoborstvo s angelami v iudaizme i gnosticizme: k filosofskoj interpretacii motiva URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoborstvo-s-angelami-v-iudaizme-i-gnostitsizme-k-filosofskoj-interpretatsii-motiva> (data obrashcheniya: 26.10.2023).
17. Ruchinskaya O.A. Gnosticizm II-III vv. n.e. i rannee hristianstvo// «Vizantijskaya mozaika»: Sbornik publichnyh lekcij Ellino-vizantijskogo lektoriya pri Svyato-Panteleimonovskom hrame. Har'kov: Majdan, 2013.
18. Smouli R. Gnostiki, katary, masonry, ili Zapretnaya vera / per. s angl. N.M. Zabilockogo. M.: AST: AST MOSKVA, 2008. 318 s.
19. Sochineniya gnostikov v Berlinskom koptskom papiruse 8502 / Per. s nem. i koptskogo, dop. primech. i glavy A. S. CHetveruhina. SPb.: Aleteja, 2004. 448 s.
20. Trofimova M.K. Istoriko-filosofskie voprosy gnosticizma. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1979. 218 s.
21. Tulyanov V.A. Liberal'nye cennosti i protestantizm v ritorike predstavitelej Russkoj pravoslavnoj cerkvi (na primere patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla) // Liberal'no-demokraticheskie cennosti. 2018. T. 2. № 2. S. 4.
22. Tulyanov V.A. Psevdoistoricheskie vzglyady rodnoverov (po materialam zhurnala «Rodnoverie») // Mirovye civilizacii. 2018. T. 3. № 4. S. 7.
23. Hosroev A.L. «Drugoe blagovestie». P. Hristianskie gnostiki II-III vv.: ih vera i sochineniya. SPb.: Kontrast, 2016. 424 s.
24. SHkola Valentina. Fragmenty i svidetel'stva / Perevod, predislovie i kommentarij E.V. Afonasina. SPb.: Aleteja, 2002. 304 s.

ON THE ISSUE OF SYNCRETISM OF RELIGIOUS TRADITIONS IN ANCIENT GNOSTICISM: GNOSTICISM AND EARLIER CHRISTIANITY

Kostygova E.V.

Bachelor of the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education
kbettii@mail.ru

Abstract: this article examines the genesis and further development of gnosticism. The author considers ancient cults and religions as the origins of Gnostic teaching, and also identifies possible elements of influence on Christianity. Thus, Gnosticism appears as a reaction of philosophical and religious thought to the change of epochs. This topic is relevant due to the growing interest, including in the unscientific environment, in unpopular religious systems.

Keywords: gnosticism, ancient gnosticism, Hellenism, syncretic teachings, Christian gnosticism

Для цитирования: Костыгова Е.В. К вопросу о синкретизме религиозных традиций в античном гностицизме: гностицизм и раннее христианство// Архонт, 2023. № 4(37). С. 60-69.

МИР РЕЛИГИИ

Мешикова Е.А.

бакалавр факультета истории, политологии и права
Государственного университета просвещения
katya.meshkova14@rambler.ru

**ОБРАЗ ХРИСТА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИКОНОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ
ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ «ХРИСТОС-АРХИЕРЕЙ» И «ХРИСТОС-
СВЯЩЕННИК»)**

***Аннотация:** византийское искусство оказало наибольшее влияние на формирование культуры Западной и Восточной Европы. Поскольку византийская иконопись является не до конца изученным феноменом, автор статьи исследует византийскую иконопись на примере анализа образов Иисуса Христа на иконах «Христос-архиерей, освящающий храм» и «Христос-священник», определяет роль данных изображений в церковном богослужении, а также выделяет основные различия между иконами: анализируются облик Иисуса Христа, его одеяние, жесты, присутствие других святых на изображении. Христос предстает в роли Богочеловека-архиерея и священника. Рассматривается влияние, которое Византия оказала на культуру Руси, особенности и характерные черты этого влияния. Автор приходит к выводу, что Русь уже в XI-XIII вв. становится преемницей византийской иконографии.*

***Ключевые слова:** Византия, иконография, икона, Иисус Христос, «Христос-архиерей», «Христос-священник»*

История византийского искусства занимает важное место в изучении европейского Средневековья, поскольку именно византийское наследие оказало наибольшее влияние на развитие культуры не только в Восточной Европе, но и в Западной. Материальное наследие культуры Византии насчитывает тысячи исторических памятников, которые представляют огромную ценность для науки. Их основная ценность заключается в наличии уникальных сведений по византийской эпохе: личностях, памятниках, обычаях и традициях, времени и обстоятельствах создания предметов культуры христианской империи. Культура Византии формировалась и развивалась на протяжении веков, становясь величественной и гармоничной, соединяя в себе неповторимые черты и воплощая классические античные образцы, унаследованные Византией от эпохи античных Греции и Рима. Все это создало византийскую культуру, характеризующуюся пышностью, духовностью, изяществом и глубоким смыслом [15, с. 177-178; 16, с. 27]. Эти качества объединила и синтезировала в себе византийская иконография как отдельный вид византийской визуальной культуры.

Тематика византийской иконографии неоднократно рассматривалась в отечественной историографии. Так, Ф.И. Успенский в своем труде «Очерки по истории византийской образованности» показал связь догматических споров с общественно-политической мыслью Византии в период IX-XIV вв. [17]. Н.П. Кондаков занимался изучением памятников византийского искусства – первоначально книжные миниатюры, создав особый метод иконографического анализа, который позволил установить пути развития творческого мышления византийских художников по мельчайшим изменениям в рамках ограниченного числа традиционных сюжетов, его труды опровергли представление о статичности византийского искусства, была впервые представлена проблема взаимовлияния художественной культуры Ренессанса и поздней Византии [3]. Вопросы взаимовлияния византийской и древнерусской культур рассматривали О.С. Попова [13], В.Г. Пуцко [14], Г.И. Вздорнов [1]. А.М. Лидов в трудах «Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре» [6] и «Икона. Мир святых образов в Византии и

Древней Руси» [7] сфокусировал своё внимание на новых сюжетах, интерпретациях и обобщающих идеях иконографических сюжетов. Однако, образ Иисуса Христа в византийской иконографии исследован не полностью. Нерешенными по-прежнему остаются такие вопросы: какие различия присутствуют в изображении Христа как Великого Архиерея Вселенской церкви на иконах со схожим сюжетом? Какую роль играет изображение Христа как Великого Архиерея Вселенской церкви в литургических обрядах? Существует ли генетическая связь между византийской и древнерусской школами иконописи?

Целью данной статьи является выявление отличий в изображении Иисуса Христа на иконах «Христос-архиерей, освящающий храм» и «Христос-священник», а также определение роли этого изображения в церковном богослужении. Изучение данных икон представляется весьма важным, так как именно в XI-XII вв. (время создания рассматриваемых иконографических образов) появляются изменения в храмовой декорации в виде появления символического центра в сцене «Причащение апостолов», частью которой и являются данные иконы. Кроме того, существует необходимость определения роли данных икон в церковном богослужении.

Византия оказала существенное влияние на развитие культуры Древней Руси. Влияние Византии было связано, прежде всего, с крещением Руси князем Владимиром в 988 г. Так, под влиянием Византии в Древнерусском государстве сформировались церковные традиции, иконопись, мозаика, строительство каменных храмов производилось по восточному константинопольскому образцу. Византийская икона стала образцом для древнерусской иконы. На Руси стали появляться мастерские, в которых творили иконописцы.

Византийцы писали иконы по определённым правилам, которые также были заимствованы на Руси. Цвета они не смешивали. Каждый цвет имел своё значение: золотой – Божественный свет, белый – символизировал чистоту Христа, красный – кровь Господа. Лик изображался фронтально, взгляд святого изображался строгим, не выражающим эмоций. Фигуры не были объёмными, изображались в длинных одеяниях. Иконописцы не подписывали свои работы, так как считалось, что икону пишет Бог руками иконописца. В. Лихачева указывает, что «несмотря на требования иконографического канона, определявшего место той или иной сцены в храме, живописцы всегда умели создать оригинальную роспись, отвечающую главной теме» [9, с. 148].

Изображение лика Иисуса Христа является самым распространённым образом как в византийской иконописи, так и в древнерусской. Он предстает перед нами в различных ипостасях, оставаясь единственным защитником православных верующих, поражая своим величием, красотой и совершенностью. В своей работе «Храмовая иконография и византийское богословие» А.М. Лидов пишет о разнообразных сценах изображения Иисуса Христа: «Среди них можно назвать работы об образе “Христос во гробе”, сцене “Оплакивание”, об особых иконографических типах “Христа-архиерея, освящающего храм” и “Христа-священника”» [7, с. 169]. Образы на иконах лишены чувственности (в отличие от образов в католическом искусстве), мы созерцаем лик и, при этом, чувствуем единение с Богом через дух, через любовь к Богу в сердце. Верующий человек видит перед собой духовный облик, лик, избавленный от всего земного и временного – божественный образ. Именно в этом заключается отличительная особенность иконописи от других изображений. Итак, рассмотрим подробно литургические образы «Христа-архиерея» и «Христа-священника» и проведём анализ особенностей образа (позы, жесты), наличие иных действующих лиц и окружающий фон.

В Северной Македонии, городе Охриде, находится София Охридская или Собор Святой Софии, где на алтарной апсиде изображён «Христос-архиерей, освящающий храм». «Характерно, что София Охридская представляет наиболее ранний известный пример иконографического типа “Христос-архиерей, освящающий храм”, который со второй

половины XI в. появляется в различных регионах византийского мира» [7, с. 180], - пишет А. М. Лидов. Этот храм был основан в XI в., в его интерьере хорошо сохранились фрески XI-XII вв., являющиеся прекрасными образцами византийской живописи. Обратимся непосредственно к образу Иисуса Христа. Взглянув на иконографическое изображение, мы можем увидеть Христа-младенца, которого держит на коленях Богоматерь. Как пишет А.М. Лидов, Богоматерь в данном случае персонифицирует Церковь [7, с. 180-181]. Сам Христос одет в одеяние архиерея, предназначенное для обряда освящения храма.

Обратим внимание на детали: Младенец-Христос находится на груди Богоматери, что символизирует Воплощение. Бог является во плоти и становится Богочеловеком. Следующая деталь кроется в одеянии Христа: синдон перевязан лентой – символ Жертвы Христа, его погребальных пелен. Таким образом, открывается идея Христа как Первосвященника и Жертвы. В позе восседающего Иисуса Христа также содержится особый смысл, который указывает на Иисуса Космократора [7, с. 180], то есть строителя Вселенной, который воплощает в себе творящие силы, с помощью которых создал Землю и весь окружающий мир.

Приведём отрывок из сочинения Симеона Фиссалоникийского «Разговор о священнодействиях и таинствах церковных», в котором описывается практически полностью похожий иконографический образ Иисуса Христа, представленный на исследуемой иконе: «В храм, который должен быть освящен, приходит архиерей, как и Бог пришел к нам, чтобы освятить нас. И облачается во все архиерейские одежды, являя воплощение за нас Бога Слова. Поверх него (облачения) надевает белый синдон, от плеч доходящий до ног, во образ Христова синдона при погребении. Ведь поскольку он имеет намерение воздвигнуть гроб Христов и освятить (его), речь идет о священной трапезе, то (он) изображает и все, что относится к гробу, подражая погребаемому Христу. И опоясывает синдон тремя поясами во славу Троицы: за шеей — ради разума и в знак служения Богу, под руками на груди — ради силы словесной, на поясе — ради чистоты и крепости; первое — во имя Отца, второе — Слова, третье — животворящего и пречистого Духа. Также и на руки налагает платы как нарукавники, соединенные с синдоном. И каждый из них обвязывает тремя поясами — во образ всемогущей Троицы. Ибо руки твои, — говорит отцу Давид, — то есть Сын и Св. Дух, сотворили меня и создали меня. И девятью поясами становятся эти девять пут, обозначая девять чинов ангелов, троически проповедующих Троицу. Но иерарх перепоясывается таким образом и как служитель великого дела, прося себе силы у Бога и подготавливая себя к делу; а может быть и из уважения к священническому облачению, дабы не осквернить его» [11, с. 153-154]. Описывается образ архиерея, одеяние и его символика. Такое одеяние присутствует и на изображении «Христа-архиерея», подтверждая его главенствующую роль в богослужении.

Таким образом, данная икона воплощает литургическое таинство, которое совершается Иисусом Христом в образе Богочеловека-архиерея, спустившегося в бренный мир для благословения таинства освящения храма. Однако, в приведённом фрагменте есть несущественные отличия от самого изображения – в изображении отсутствуют нарукавники с лентами. Богоматерь и Христос связаны с идеей Церкви. Богоматерь символизирует Премудрость, таким образом, в церкви обитает Премудрость Божия. Христос, являясь великим архиереем, дает начало каждому храму на земле, освящая его. Рука Христа приподнята и отведена в сторону. Ореол вокруг головы Богоматери и Иисуса-младенца говорит об их божественной природе.

Обратимся к иконографическому изображению «Христа-священника». Примером подобного изображения может послужить мозаика на восточной предалтарной арке Софии Киевской середины XI в. Такое изображение также имеется и в Софии Охридской в диаконнике под окном. Однако, в рамках данного исследования мы сосредоточимся только

на анализе изображения из Софии Киевской, которая была построена в первой половине XI в., согласно летописи, князем Ярославом Мудрым [12, с. 103].

Особенностью данного изображения Иисуса Христа является его причёска – короткие волосы, образующие двойной венец вокруг выстриженной тонзуры. По словам А.М. Лидова, подобная форма волос символизирует знак священства [7, с. 182]. Христос изображён молодым, со свитком в руке – символ Учителя и Логоса. На одной из рук Христа видны поручи или епиманикия, которые также указывают на священный сан. Вокруг головы Христа изображён ореол – символ Божественности. Итак, Иисус Христос воплощает образ Великого архиерея. Как и в изображении «Христа-архиерея, освящающего храм», так и в данном изображении прослеживается мысль благословения Христом таинства освящения храма, его постоянного присутствия во время богослужения. Он является Пантократором, воплощающим в себе творящие силы. Церковь – это место Небесного Иерусалима на земле, где центральное место занимает Великий Архиерей – Иисус Христос. Однако в данном иконографическом изображении Иисуса Христа отсутствует Богородица.

Вот как об этом образе пишет А.М. Лидов: «он призван напоминать о преемственности новозаветного служения и одновременно о его особой природе, воплотить мысль о единстве Земного и Небесного Иерусалима, где Великий Архиерей с апостолами и святыми свершает таинство Евхаристии» [7, с. 285]. Таким образом, замысел данного изображения заключается в концентрировании внимания на таинстве Евхаристии и роли в ней Иисуса Христа.

Выделим основные различия в изображениях Христа. Так, на иконе «Христос-архиерей, освящающий храм» Иисус изображен младенцем, в то время как на иконе «Христос-священник» Иисус изображён молодым юношей. В изображении первой иконы присутствует Богородица, олицетворяющая Церковь, на втором изображении Иисус Христос является единственной действующей фигурой. Также на втором изображении внимание привлекает форма волос Христа, указывающая на его священнический сан. На первом изображении Христос символизирует Первосвященника и Жертву, на втором же жертвенность отсутствует, преобладает идея Христа-освятителя храма.

Как можно было заметить, рассмотренные изображения из Софии Охридской и Софии Киевской схожи по тематике и образам. Очевидно, что подобная схожесть была вызвана событиями Великой Схизмы 1054 г. «Как известно, непосредственным поводом к богословной полемике и её центральным сюжетом стал вопрос об опреноксах – использовании квасного или пресного хлеба в Евхаристии... Чрезвычайная актуальность проблемы и необходимость новой аргументации заставили как латинских, так и византийских богословов ещё раз осмыслить евангельские рассказы о Тайной Вечере и многочисленные тексты святоотеческих толкований, всесторонне объясняя момент установления важнейшего христианского таинства» [7, с. 184], - пишет А.М. Лидов. Поэтому в этот период сильное внимание было приковано к образу Иисуса Христа и его роли в богослужении. Стараясь показать его роль, Иисуса изображали архиереем, который даёт начало, основывает храм и благословляет его. Наличие схожих образов Христа в византийской и древнерусской традициях, к тому же, приуроченное к событиям Великой Схизмы, позволяет утверждать о зависимости иконописного искусства Древней Руси от византийского оригинала [2, с. 63-64].

Итак, в ходе исследования была достигнута поставленная цель, а именно, выявление отличий в изображении Иисуса Христа на иконах «Христос-архиерей, освящающий храм» и «Христос-священник», а также определение его роли в богослужении – главная идея изображения Христа – раскрыть его незримое присутствие при богослужении, его благословение и освящение храма. Он – центральная фигура, воплощающая в себе три ипостаси. Он – первосвященник, абсолютно превосходящий всех Римских пап. Он объединяет христиан единой верой, назначает архиереев, является главой Вселенской

Церкви. Всё это – образ Иисуса Христа. Рассмотренные иконы показывают сцену благословения Христом церкви, раскрывают идею основания каждого Храма на земле с присутствием незримого Бога.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что русская иконописная традиция напрямую зависела от византийской, поскольку обе иконы схожи по названию и тематике, раскрывают роль Христа как Великого Архиерея и написаны практически в одно время. Также можно заметить схожесть в названии храмов: София Охридская и София Киевская, что означает Премудрость Божия. Идеи византийской иконографии получили распространение в Киевской Руси, однако были привнесены свои русские специфика и колорит. Русь стала преемницей Византии и несла миссию дальнейшего распространения православного христианства в мире.

Литература:

1. *Вздорнов Г.И.* Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. - М.: Искусство, 1976. - 292 с.
2. *Гладышева М.В., Тулянов В.А.* Диалог народной и массовой культур в современной литературе и искусстве// Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIII научной конференции с международным участием: сборник статей. - М., 2018. С. 61-65.
3. *Кондаков Н.П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. - Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1876. - 276 с.
4. *Культура Византии. Вторая половина VII-XII вв./* отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. - М: Наука, 1989. - 689 с.
5. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. - М: Искусство, 2000. - 395 с.
6. *Лидов А.М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре. - М: Дизайн. Информация. Картография, 2009. - 362 с.
7. *Лидов А.М.* Икона. Мир святых образов в Византии и древней Руси. - М: НП АКЦ "Страдиз-Аудиокнига", "Феория", 2014. - 406 с.
8. *Лидов А.М.* Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. - М: Индрик, 2011. - 704 с.
9. *Лихачева В.* Искусство Византии IV-XV вв. - Л: Искусство, 1986. - 314 с.
10. *Любимов Л.Д.* Искусство Древней Руси. - М: Просвещение, 1996. - 318 с.
11. *Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения.* - СПб.: Тип. Григория Трусова, 1856.
12. *Повесть временных лет/* Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. - СПб.: Вита Нова, 2012. - 512 с.
13. *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. - М: Индрик, 2003. - 336 с.
14. *Пуцко В.Г.* Место византийского художественного импорта в искусстве домонгольской Руси// Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2011. № 3. Ч. 2 (сентябрь). С. 92-93.
15. *Тулянов В.А.* «Подобно терпеливый праведному Иеву». Библейские аналогии биографии Василия II// Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы V Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 12-13 октября 2018 г.)/ под ред. Л.Р. Ротермель. - Омск, 2019. С. 176-180.
16. *Тулянов В.А.* Киевская митрополия и княжеская власть 1439-1461 гг.: проблемы взаимоотношений// Наше Отечество. Страницы истории. Сборник научных статей/ отв. ред. Н.Г. Гришина. - М., 2019. С. 25-31.

17. *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. - СПб: Тип. Балашева В.С., 1891. - 399 с.

References:

1. *Vzdornov G.I.* Freski Feofana Greka v cerkvi Spasa Preobrazheniya v Novgorode. M.: Iskusstvo, 1976. 292 s.
2. *Gladysheva M.V., Tulyanov V.A.* Dialog narodnoj i massovoj kul'tur v sovremennoj literature i iskusstve // Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti. Materialy XIII nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: sbornik statej. M., 2018. S. 61-65.
3. *Kondakov N.P.* Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskih rukopisej. Odessa: Tip. Ul'riha i SHul'ce, 1876. 276 s.
4. *Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII-XII vv.* / otv. red. Z.V. Udalcova, G.G. Litavrin M.: Nauka, 1989. 689 s.
5. *Lazarev V.N.* Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka. M: Iskusstvo, 2000. 395 s.
6. *Lidov A.M.* Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy paradigmy v vizantijskoj kul'ture. M: Dizajn. Informaciya. Kartografiya, 2009. 362 s.
7. *Lidov A.M.* Ikona. Mir svyatyh obrazov v Vizantii i drevnej Rusi/ M: NP AKC "Stradiz-Audiokniga", "Feoriya", 2014. 406 s.
8. *Lidov A.M.* Prostranstvennye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevnej Rusi. M: Indrik, 2011. 704 s.,
9. *Lihacheva V.* Iskusstvo Vizantii IV-XV vv. L: Iskusstvo, 1986. 314 s.
10. *Lyubimov L.D.* Iskusstvo Drevnej Rusi. M: Prosveshchenie, 1996. 318 s.
11. *Pisaniya svyatyh otcov i uchitelej Cerkvi, otnosyashchiesya k istolkovaniju pravoslavnogo bogoslužheniya.* SPb.: Tip. Grigoriya Trusova, 1856.
12. *Povest' vremennyh let / Per. s drevnerusskogo D. S. Lihacheva, O. V. Tvorogova.* SPb.: Vita Nova, 2012. 512 s.
13. *Popova O.S.* Vizantijskie i drevnerusskie miniatyury. M: Indrik, 2003. 336 s.
14. *Pucko V.G.* Mesto vizantijskogo hudozhestvennogo importa v iskusstve domongol'skoj Rusi // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2011. № 3. CH. 2 (sentyabr'). S. 92-93.
15. *Tulyanov V.A.* «Podobno terpelivyj pravednomu Ievu». Biblejskie analogii biografii Vasiliya II // Drevnost' i Srednevekov'e: voprosy istorii i istoriografii. Materialy V Vserossijskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh (Omsk, 12-13 oktyabrya 2018 g.) / pod red. L.R. Rotermel'. Omsk, 2019. S. 176-180.
16. *Tulyanov V.A.* Kievskaya mitropoliya i knyazheskaya vlast' 1439-1461 gg.: problemy vzaimootnoshenij // Nashe Otechestvo. Stranicy istorii. Sbornik nauchnyh statej / otv. red. N. G. Grishina. M., 2019. S. 25-31.
17. *Uspenskij F.I.* Ocherki po istorii vizantijskoj obrazovannosti. SPb: Tip. Balasheva V.S., 1891. 399 s.

THE IMAGE OF CHRIST IN BYZANTINE ICONOGRAPHY (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ICONOGRAPHIC IMAGES "CHRIST THE BRICHER" AND "CHRIST THE PRIEST")

Meshkova E.A

*Bachelor of the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education
katya.meshkova14@rambler.ru*

Abstract: *Byzantine art had the greatest influence on the formation of the culture of Western and Eastern Europe. Since Byzantine icon painting is an incompletely studied phenomenon, the author*

of the article examines Byzantine icon painting using the example of an analysis of the images of Jesus Christ on the icons "Christ the Bishop Consecrating the Temple" and "Christ the Priest", determines the role of these images in church services, and also identifies the main differences between icons: the appearance of Jesus Christ, his attire, gestures, and the presence of other saints in the image are analyzed. Christ appears in the role of the God-man-bishop and priest. The influence that Byzantium had on the culture of Rus', the features and characteristics of this influence are considered. The author comes to the conclusion that Rus' already in the XI-XIII centuries. becomes the successor to Byzantine iconography.

Keywords: *Byzantium, iconography, icon, Jesus Christ, "Christ the Bishop", "Christ the Priest"*

Для цитирования: Мешкова Е.А. Образ Христа в византийской иконографии (на примере иконографических образов «Христос-архиерей» и «Христос-священник»)// Архонт, 2023. № 4(37). С. 70-76.

Трибуна молодого ученого

Вахминцев М.А.
студент 4 курса Российского государственного социального университета,
направление подготовки: «Всеобщая история»
mv2001usa@gmail.com

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЮГОСЛАВИИ С ФРГ И ГДР В 1950-1970-Х ГГ.
ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ**

Аннотация: тема взаимоотношений Югославии с германскими государствами в период Холодной войны представляет собой большой интерес. Югославия несмотря на то, что являлась социалистической страной, стремилась играть независимую роль в европейской и мировой политике, будучи одним из учредителей Движения неприсоединения. Тито стремился балансировать между Советским Союзом, Европой и США, укрепляя югославскую экономику и роль Югославии в Европе. Фактически страна лежала на линии раздела между НАТО и Восточным блоком и в разное время сближалась то с Москвой, то с Вашингтоном. В свою очередь ФРГ была также заинтересована в выстраивании тесных экономических связей с Югославией, которые стали после принятия «новой восточной политики» одним из важнейших элементов политики Бонна в Восточной Европе. Для ГДР же признание со стороны Югославии в 1957 г. стало началом постепенного выхода из международной изоляции, в которой страна оказалась по причине приверженности ФРГ доктрине Хальштейна.

Отношения германских государств – ФРГ и ГДР – и Югославии являются важной составляющей истории восточноевропейской политики периода Холодной войны. Целью данной работы являются обзор историографии данного вопроса и выяснение ответа на вопрос, как сегодня исследователи характеризуют германо-югославские отношения. Данная работа основана на изучении отечественной и зарубежной историографии по представленной теме как до, так и после 90-х гг. XX в. В качестве периода исследования взят период с 1950-х по середину 1970-х гг., поскольку именно в то время была наиболее активна внешняя политика президента СФРЮ Иосипа Броза Тито, а в ФРГ произошел переход от «доктрины Хальштейна» к «новой восточной политике» Вилли Брандта.

Авторы приведенных в данной статье работ рассматривают, в первую очередь, следующие аспекты отношений Югославии и германских государств: положение немецких военнопленных в Югославии после Второй мировой войны и заключение экономических сделок между Белградом и ФРГ; образ Югославии в прессе ГДР; влияние доктрины министра иностранных дел ФРГ Хальштейна на взаимоотношения Югославии с Западной и Восточной Германией; взаимодействие и сравнение деятельности органов государственной безопасности Югославии и Германской Демократической республики.

Ключевые слова: Югославия, ФРГ, ГДР, Тито, доктрина Хальштейна, Восточная политика, доктрина Ульбрихта

Историк Наталия Димич анализирует влияние вопроса о немецких военнопленных в Югославии на процесс заключения торгового соглашения между последней и ФРГ в 1949-1950 гг. [3]. Автор отмечает, что ее статья продолжает дискуссию в историографии о взаимосвязях вопроса о положении немецких военнопленных в Югославии с процессом установления торгово-экономического сотрудничества между Белградом и Бонном.

Автор указывает, что югославские комитеты проделали серьезную идеологическую работу по привлечению немецких военнопленных к восстановлению страны. Заключенным внушали принцип коллективной ответственности немецкого народа за развязывание Второй мировой войны и совершенные им военные преступления. При этом восстановление

Югославии интерпретировалось как исполнение немцами патриотического долга перед самой Германией. Югославы также занимались подготовкой политических кадров из числа военнопленных и антифашистов, которые в будущем должны были управлять страной – данная деятельность координировалась совместно с восточногерманской СЕПГ [3, с. 335].

Правительство ФРГ выражало серьезную обеспокоенность судьбой военнопленных, оставшихся в Югославии, что препятствовало заключению с последней торговых соглашений. Вместе с тем общественность Западной Германии опасалась, что ФРГ может быть вытеснена с югославского рынка ее же союзниками по блокам НАТО и ЕЭС; сама ФРГ была заинтересована в сохранении импорта зерна, меди, кормов для скота и другой продукции из Югославии. США, Британия и Франция через Верховную межсоюзническую комиссию отказались поддерживать усилия ФРГ по дипломатическому давлению на Югославию, что заставило последнюю применять экономические рычаги [3, с. 344].

Позиция западных союзников объяснялась, в том числе, надеждой воспользоваться наметившимся между СССР и Югославией расколом и включить последнюю в сферу влияния Запада. К тому же немецкие промышленники выступали против каких-либо препятствий росту германского экономического присутствия в Югославии. Таким образом, Белград имел возможность манипулировать вопросом по немецким военнопленным, поскольку и ФРГ, и Запад в целом в контексте начинавшейся Холодной войны нуждались в его благосклонности. По мнению автора, начало в 1949-1950 гг. торгового сотрудничества между ФРГ и Югославией значительно способствовало преодолению негативного наследия прошлых взаимоотношений между последней и Германией [3, с. 348].

Димич указывает, что при составлении своей работы она использовала неопубликованные немецкие и югославские источники. Также автор ссылается на документы из Федерального архива Германии, в частности дипломатическую переписку и отчеты о положении германских военнопленных в Югославии на 1950 г./, сербские архивы, труды историков Илича и Курта Беме «Немецкие военнопленные в Югославии в 1941-1949 гг.».

В другой своей работе Димич анализирует образ Югославии в прессе ГДР 1957 г. [4]. Автор ссылается на газеты «Neue Deutschland», «Berliner Zeitung» и «Neue Zeit», а также использует архивные материалы Союза коммунистов Югославии и работы сербских, хорватских и немецких историков.

В качестве периода исследования Димич выбрала 1957 г., поскольку тогда в связи с советско-югославским сближением о Югославии в ГДР писали 964 раза; после 1958 г. количество упоминаний страны в восточногерманской прессе снизилось. Кроме того, в октябре 1957 г. состоялось официальное признание Югославией Германской Демократической республики, что, в свою очередь, привело к разрыву отношений с ФРГ, придерживавшейся доктрины Хальштейна. До 1957 г. контакты между ГДР и Югославией также не были тесными, потому СМИ оставались одним из немногих каналов, по которому информация о положении дел в Югославии доходила до восточногерманского обывателя. Как пишет сама Димич, при составлении данной работы у нее сложилось впечатление, что в целом читатели ГДР были не очень осведомлены о Югославии и не имели к ней повышенного интереса. На момент 1957 г. культурные связи между странами, в условиях отсутствия тесного политического сотрудничества, находились в зачаточном состоянии [4, с. 137].

Как отмечает автор, разрыв отношений между ФРГ и Югославией был использован прессой ГДР как повод для нападок на политику правительства Адэнауэра за вмешательство в дела иностранных государств. Политиков ФРГ фактически обвиняли в империализме, шовинизме и наследовании политическому курсу Германской империи и Третьего рейха, который ввергнул Германию в две мировые войны. Поскольку ГДР не имела серьезных конфликтов с Югославией после 1957 г., в ее прессе передавались антиюгославские

выступления чиновников других стран соцлагеря, но сами политики ГДР не высказывали острую критику по отношению к политике «неприсоединения» Белграда, приводившую к обострению отношений с Советским Союзом. Однако и ответы югославских официальных лиц на критику со стороны Москвы в восточногерманской прессе в основном не публиковались [4, с. 142]. Таким образом можно сделать вывод, что в конфликт СССР и Югославии власти ГДР стремились не вмешиваться, поскольку не желали портить отношения ни с одной из его сторон.

В работе А.С. Аникеева «"Доктрина Хальштейна" и Югославия» разбирается влияние на отношения Югославии с германскими государствами доктрины Хальштейна, принятой ФРГ с целью изоляции ГДР от международного сообщества. Автор отмечает, что в начале 1950 гг. большое влияние на взаимоотношения Западной Германии и Югославии оказывала позиция Вашингтона. Однако Белград также стремился к выстраиванию конструктивных отношений с ГДР, что вызывало недовольство политиков Бонна. Хальштейн принуждал Югославию отказаться от официального признания Восточной Германии, угрожая разорвать экономическое соглашение между Белградом и Бонном. ФРГ также возмущало признание Югославией новых границ между ГДР и Польшей по линии Одер-Нейсе. Такое поведение Западной Германии Аникеев объясняет, в частности, как поддержкой Бонна со стороны западных держав, так и ухудшением отношений Югославии с некоторыми членами НАТО, одним из каковых была Франция.

После признания Югославией ГДР ФРГ разорвала дипломатические отношения с Белградом, но сохранила притом с ним консульские связи. Отношения стран начали меняться в 1967-1972 гг., с принятием «новой восточной политики» канцлера Вилли Брандта и отказа от доктрины Хальштейна. Автор ссылается на материалы о внешней политике министерства иностранных дел ФРГ, работы историков Гreve, Красуского, Янковича и Арцибасова, югославскую прессу – газету "Jugoslovenski pregled", германскую прессу – издание "Frankfurter Allgemeine Zeitung" и другие источники.

В своей работе «Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы)» Б.С. Новосельцев высказывает предположение, что советские дипломаты подозревали югославских политиков в попытке «угодить Бонну». Разработанные Югославией «Меморандум о развитии сотрудничества между европейскими странами» и «Декларация о Европейской экономической комиссии» допускали сотрудничество Белграда с организациями, членами которых ГДР не являлась. Нежелание Югославии неотступно придерживаться концепций европейской политики СССР Москва считала еще одним свидетельством расхождения ее интересов с Белградом.

Последний декларировал, что не желает устанавливать благоприятные отношения с ФРГ в ущерб интересам ГДР. Восстановление отношений с двумя германскими государствами стало возможным только в 1968 г., когда в самой Западной Германии была принята концепция «новой восточной политики» канцлера Вилли Брандта. Годом ранее отношения с ФРГ и США ухудшились из-за позиции Югославии в арабо-израильском конфликте; Белград поддержал арабские государства, что спровоцировало экономическое давление на Югославию со стороны Соединенных Штатов [1, с. 217].

При составлении данной работы автор ссылался на труд историка Яньетовича «Полуофициальное партнерство Югославии и Федеративной Республики Германии в шестидесятых годах XX века», материалы АВП РФ.

Диссертация историка Алана Маричича посвящена взаимоотношениям Югославии с ФРГ и ГДР в 1955-1968 гг. [5]. Автор указывает, что в его работе впервые представлен анализ темы с использованием источников из всех трех стран; также он отмечает, что его работа является первой по данной теме, написанной на английском языке. Маричич отмечает, что решение Югославии признать ГДР не противоречило тому, что Югославия гораздо больше была озабочена выстраиванием тесных экономических связей с Западной

Германией. Если ГДР ожидала, что Югославия повлияет на признание другими государствами суверенитета республики, то сам Белград не желал ухудшать свое положение в Движении неприсоединения, лоббируя интересы ГДР.

Как отмечает автор, принятие ГДР доктрины Ульбрихта в качестве ответа на доктрину Хальштейна осложнило отношения ФРГ с государствами соцлагеря и оставило Югославию единственной социалистической страной, с которой Западная Германия могла улучшить отношения; также Бонн был заинтересован в установлении отношений с социалистической Румынией. Данное обстоятельство вынудило в итоге ФРГ принять «новую восточную политику» и пойти на признание ГДР. Восстановление же отношений с Югославией стало возможным благодаря отказу Белграда от требования репараций со стороны ФРГ.

Маричич делает вывод, что политика Югославии, ГДР и ФРГ прежде всего преследовала собственные интересы этих государств и далеко не всегда соответствовала внешнеполитическим установкам западного блока и соцлагеря. Взаимоотношения стран никогда не шли по заданной траектории и менялись в зависимости от обстоятельств. Признание ГДР со стороны Югославии автор также объясняет стремлением Белграда наладить отношения с Советским Союзом, который вложил крупные средства в развитие югославского производства алюминия. Вместе с тем ценой этого стал разрыв отношений с ФРГ, что Маричич считает просчетом прагматичной политики Иосипа Броз Тито. При этом Советский Союз и США, по мнению автора, стремились оставаться в стороне в вопросе германо-югославских отношений [5, с. 267].

Несмотря на формальную приверженность ФРГ доктрине Хальштейна, фактически Бонн, как утверждает автор, не был заинтересован в полном разрыве отношений с Югославией – между странами оставались консульские связи и после 1957 г. Такой шаг даже в период правления Конрада Адэнауэра считался слишком жестким. По мнению автора, формальный разрыв дипломатических отношений между ФРГ и Югославией позволил обеим странам «сохранить свое лицо» - Бонн утверждал, что отстаивает принцип о ФРГ как единственном государстве, имеющем право представлять всех немцев, в то время как Белград мог заявить, что признанием ГДР лишь признавал давно сложившийся факт ее суверенитета и обвинить Западную Германию в фашистской политике. В особенности это обвинение было актуально в свете нападения хорватских усташей на югославских дипломатов, работавших в ФРГ.

Автор ссылается на материалы сербских, хорватских и немецких архивов, документы дипломатических ведомств, германскую прессу, мемуары политических деятелей, работы англоязычных, югославских и немецких историков, и т.д.

В работе Г. Акрапа представлен анализ сотрудничества органов государственной безопасности ГДР и СФРЮ. Автор отмечает, что при написании исследования использовал документы архивов госбезопасности ГДР в период 1973-1987 гг. В работе представлен односторонний (со стороны ГДР) взгляд на отношения с Югославией; однако, по словам Акрапа, документы достаточно детализированы, чтобы передавать позицию руководителей обоих государств на взаимоотношения между ГДР и Югославией [2, с. 12]. Также автор ссылается на материалы германской прессы и работы немецких и хорватских историков.

В качестве схожих черт деятельности органов госбезопасности ГДР и СФРЮ автор выделяет репрессии по отношению к оппозиции и отсутствие демократической системы контроля, а также «особое внимание» к религиозным конфессиям – если в ГДР под наблюдением находились католические и протестантские приходы, то в Югославии наибольшее внимание уделялось католической церкви, поскольку в годы Второй мировой войны с ней имели тесные связи хорватские усташа [2, с. 24].

Вместе с тем, в деятельности Штази и органов госбезопасности Югославии имелись и различия. В первую очередь они носили идеологический характер – если СФРЮ настаивала

на собственной концепции социализма, а ее власти считали, что каждое государство вправе выбирать самостоятельный путь развития в рамках коммунизма, то ГДР отказалась от горбачевского курса на «перестройку» и настаивала на сохранении цензуры и диктатуры партии. В ГДР Штази имела сильнейшие позиции, в то время как югославские органы госбезопасности, по сравнению с военной администрацией, были не столь влиятельны. Документы югославских спецслужб, в отличие от документов Штази, в основном сохранились; государственные органы занимаются организацией их хранения и изучения.

Несмотря на то, что СФРЮ признала ГДР еще в 1957 г., до 1976 г., согласно утверждению автора, ссылающегося на имеющиеся сегодня данные, между их спецслужбами не существовало тесного партнерства. Югославия не представляла особого интереса для работников Штази, за исключением случаев, когда граждане ГДР пытались использовать территорию Югославии для бегства на Запад. Автор выделяет следующую группу документов, относящуюся к взаимоотношениям между органами госбезопасности Восточной Германии и Югославии:

- официальные отчеты о сотрудничестве различных учреждений ГДР и СФРЮ;
- отчеты о деятельности хорватских усташей на территории ГДР;
- документы о подготовке официальных встреч представителей государств;
- отчеты о жизни и деятельности граждан Югославии в период их пребывания в ГДР;
- отчеты из посольств ГДР в Белграде о положении дел в Югославии, внутренней политике;
- сведения о беглецах из ГДР, пытавшихся воспользоваться территорией Югославии для выезда на Запад;
- записи переговоров высших чиновников Югославии, СССР и других стран соцлагеря;
- протоколы официальных бесед и заявлений представителей госучреждений ГДР и Югославии.

Современные исследователи полагают, что Югославия стремилась поддерживать конструктивные отношения как с ГДР, так и с ФРГ. При этом экономическое сотрудничество с последней ставилось Белградом в приоритет, в то время как столь же тесных связей с ГДР Югославия не выстраивала. Свою роль в этом играли также идеологические и экономические противоречия между этими странами. И Югославия, и ГДР являлись одними из самых богатых социалистических стран Европы, но Тито не поддерживал столь жесткой централизации экономики и производства, которая происходила в Восточной Германии.

Необходимость выстраивания тесных связей с Югославией и другими странами соцлагеря в конечном счете заставила ФРГ отказаться от доктрины Хальштейна и фактически признать ГДР, что положило начало «новой восточной политике» Западной Германии. Она, в свою очередь, способствовала постепенному падению соцлагеря, сближению ФРГ и ГДР и объединению Германии осенью 1990 г. Югославия, будучи занята противостоянием с Советским Союзом, стремилась пользоваться противоречиями между германскими государствами; ГДР, в свою очередь, также, по сути, не поддерживала ни одну из сторон советско-югославского конфликта.

Представленная тема имеет большой интерес, поскольку позволяет глубже понять аспекты взаимоотношений государств соцлагеря и европейской политики Советского Союза. По мнению автора, она нуждается в дальнейшем изучении отечественными специалистами.

Литература:

1. Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961-1968 годы). - М.: Институт славяноведения РАН, 2015. - 352 с.

2. Akrap G. Suradnja izvještajno-sigurnosnih sustava DDR-a i SFRJ. National security and the future, 2011. № 12(1-2). Pp. 11-33.
3. Dimić N. Connecting trade and politics: negotiations on the release of the German prisoners of war in Yugoslavia and the first west German-Yugoslav trade agreement of 1949/1950// Istorija 20 Veka, 2021. № 2. Pp. 333-352.
4. Dimić N. Slika Jugoslavije u istočnonemačkoj štampi 1957 godine// Istorija 20 Veka, 2015. № 2. Pp. 131-150.
5. Maricic A. "Lucky that East Germany also exists": Yugoslavia between the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic (1955-1968). UWSpace. URL: <http://hdl.handle.net/10012/14349> (дата обращения: 1.10.2023).

References:

1. Novosel'cev B.S. Vneshnyaya politika YUgoslavii (1961-1968 gody). - M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2015. - 352 s.
2. Akrap G. Suradnja izvještajno-sigurnosnih sustava DDR-a i SFRJ. National security and the future, 2011. № 12(1-2). Rr. 11-33.
3. Dimić N. Connecting trade and politics: negotiations on the release of the German prisoners of war in Yugoslavia and the first west German-Yugoslav trade agreement of 1949/1950// Istorija 20 Veka, 2021. № 2. Rp. 333-352.
4. Dimić N. Slika Jugoslavije u istočnonemačkoj štampi 1957 godine// Istorija 20 Veka, 2015. № 2. Rp. 131-150.
5. Maricic A. "Lucky that East Germany also exists": Yugoslavia between the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic (1955-1968). UWSpace. URL: <http://hdl.handle.net/10012/14349> (data obrashcheniya: 1.10.2023).

RELATIONS OF YUGOSLAVIA WITH GERMANY AND THE GDR IN THE 1950S AND 1970S. HISTORIOGRAPHY REVIEW

Vakhmintsev M.A.

4th year student of the Russian State Social University, field of study: "Universal History"
mv2001usa@gmail.com

Abstract: *The topic of relations between Yugoslavia and the German States during the Cold War is of great interest. Yugoslavia, despite being a socialist country, aspired to play an independent role in European and world politics, being one of the founders of the Non-Aligned Movement. Tito sought to balance between the Soviet Union, Europe and the United States, strengthening the Yugoslav economy and the role of Yugoslavia in Europe. In fact, the country lay on the dividing line between NATO and the Eastern Bloc and at various times approached either Moscow or Washington. In turn, Germany was also interested in building close economic ties with Yugoslavia, which, after the adoption of the "new Eastern policy", became one of the most important elements of Bonn's policy in Eastern Europe. For the GDR, recognition by Yugoslavia in 1957 was the beginning of a gradual exit from the international isolation in which the country found itself due to Germany's adherence to the Halstein doctrine.*

Relations between the German states – the FRG and the GDR – and Yugoslavia are an important component of the history of Eastern European politics during the Cold War. The purpose of this work is to review the historiography of this issue and clarify the answer to the question of how researchers characterize German-Yugoslav relations today. This work is based on the study of domestic and foreign historiography on the presented topic both before and after the 90s of the

twentieth century. The period of the study is the period from the 1950s to the mid-1970s, since it was at that time that the foreign policy of the President of the SFRY Josip Broz Tito was most active, and in Germany there was a transition from the "Halstein doctrine" to the "new Eastern policy" of Willy Brandt.

The authors of the works presented in this article consider, first of all, the following aspects of relations between Yugoslavia and German states: the situation of German prisoners of war in Yugoslavia after World War II and the conclusion of economic deals between Belgrade and Germany; the image of Yugoslavia in the press of the GDR; the influence of the doctrine of the Minister of Foreign Affairs of Germany Halstein on the relationship of Yugoslavia with West and East Germany; interaction and comparison of the activities of the State security agencies of Yugoslavia and the German Democratic Republic.

Keywords: *Yugoslavia, FRG, GDR, Tito, Halstein doctrine, Eastern policy, Ulbricht doctrine*

Для цитирования: Вахминцев М.А. Взаимоотношения Югославии с ФРГ и ГДР в 1950-1970-х гг. Обзор историографии// Архонт, 2023. № 4(37). С. 77-83.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Кочеткова Е.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)», доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
kochetkova_e@mail.ru

Чупрова Ю.Н.

АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
преподаватель кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин
chuprova_ulia@mail.ru

Дёмкин И.И.

АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
студент кафедры журналистики, рекламы и PR
firon98@gmail.com

Шувалов В.С.

АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
студент кафедры журналистики, рекламы и PR
89299354834@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛИСТА

Аннотация: в данной статье поднимается вопрос формирования политической журналистики, как науки, а также проводится исследование трансформации статуса политического журналиста посредством анализа законодательства, регулирующего деятельность журналиста, в том числе политического, и функций политического журналиста. По итогу проведенного анализа предлагаются идеи по внесению изменений в действующее законодательство с целью развития правовых основ, опосредующих деятельность политического журналиста.

Ключевые слова: политическая журналистика, правовой статус политического журналиста, новеллы законодательства

Введение. Методологи политической теории в начале 2000-х гг. ставили под сомнение выделение политической журналистики, как науки [1]. Однако с того времени мнение исследователей менялось, так на современном этапе В.Д. Попов считает, что журналистская деятельность, нацеленная на освещение актуальных проблем в мире политики и власти, формирует предмет политической журналистики, как самостоятельной отрасли [2].

Основная часть. Сегодня на исследуемую отрасль возложено множество функций, которые реализовывает политический журналист, как рупор информации о деятельности представительных и исполнительных органов власти на национальной и международной арене.

По мнению В.А. Сидорова [3], роль политического журналиста не сводится только к распространению и тиражированию политически важных для общества материалов с целью выстраивания коммуникационного вертикально-горизонтального взаимодействия граждан и представителей власти. Политический журналист – аналитик, выполняющий разъяснительную, критико-ориентирующую и агитационно-пропагандистскую задачу в целях реализации демократических основ конституционного строя Российской Федерации.

Согласно статье 13 Конституции Российской Федерации (далее – Основной закон) [4] на территории нашего государства признается политическое и идеологическое многообразие.

Кроме того, на конституционном уровне гарантируется свобода мысли, слова и массовой информации. В Основном законе закреплено право на беспрепятственное получение и распространение информации.

Указанные конституционные нормы конкретизированы в федеральном и региональном законодательстве. Положения нормативных правовых актов [5, 6, 7, 8], указанных на рисунке 1, детально регламентируют порядок решения противоречивых вопросов доступа к информации и работы с ней.

В своей профессиональной деятельности политические журналисты нередко запрашивают информацию в органах государственной власти и местного самоуправления, чтобы публикации и репортажи были основаны на достоверных источниках. Сроки предоставления таких материалов весьма важны для распространения политически актуальных сведений.

Согласно статье 38 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (далее — Закон о СМИ) на органы государственной и муниципальной власти, а также на организации и общественные объединения [9], указанные на рисунке 2, возложена обязанность по предоставлению сведений о своей деятельности при поступлении запроса от редакции. Однако действующее законодательство предусматривает основания для отказа или отсрочки при исполнении рассматриваемой обязанности.

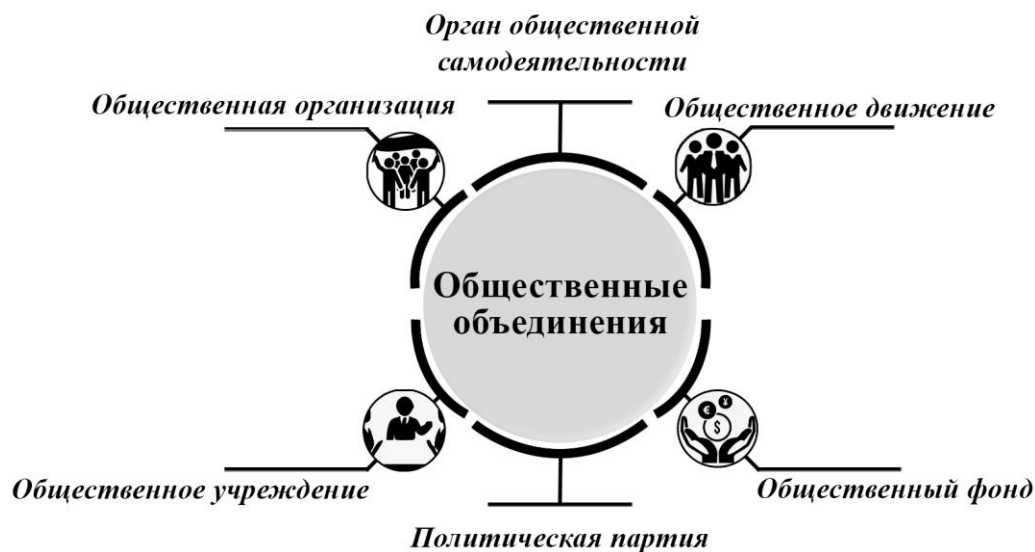

Рис. 2 Организационно-правовые формы общественных объединений

При условии, что запрашиваемая информация содержит сведения, которые могут быть отнесены к категории государственной, коммерческой и иной тайны, охраняемой в специальном режиме, в течение трех дней после получения запроса направляется или вручается уведомление об отказе. В данном уведомлении согласно статье 40 Закона о СМИ в обязательном порядке указывают причины принятия решения об отказе, а также дату и ответственное должностное лицо.

В трехдневный срок направляется уведомление об отсрочке, если запрашиваемые сведения не могут быть представлены в течение семи дней. Рассматриваемые положения о сроках необходимо оценить в связке с нормами Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – Закон об обеспечении доступа) [10].

Во-первых, исходя из статьи 18 Закона об обеспечении доступа, письменный запрос подлежит регистрации в органе государственной власти или местного самоуправления в течение трех дней с момента его поступления, во-вторых, запрос должен быть рассмотрен в течение тридцати дней со дня его регистрации. При отсутствии возможности подготовить материалы по запросу в установленный срок необходимо уведомить пользователя информацией в течение семи дней. При этом, общий срок рассмотрения запроса согласно части 6 той же статьи не может превышать сорока пяти дней.

Отмеченные сроки осложняют решение задачи по своевременному освещению политических важных событий и информированию граждан. Подводя промежуточные итоги, целесообразно предложить внесение изменений в действующее законодательство о сокращении срока рассмотрения запросов редакций и журналистов.

Меры административной ответственности за нарушение Закона об обеспечении доступа установлены в статье 5.39 КоАП [11], при этом субъектный состав пользователей информацией включает гражданина, адвоката, а также организацию, которой законодательно предоставлено право на получение сведений. В данном случае под организацией можно понимать и редакцию, наделенную правом запроса информации в соответствии со статьей 39 Закона о СМИ. Рассматриваемая статья определяет штрафные санкции в размере от пяти до десяти тысяч рублей.

Принимая во внимание современную политическую и экономическую ситуацию, целесообразно расширить круг пользователей информацией, обозначенных в статье 5.39 КоАП, и наряду с адвокатом и редакцией выделить журналиста. Кроме того, необходимо

ужесточить санкции для более эффективной и оперативной работы с актуальной информацией.

На основе действующего законодательства при злоупотреблении правами журналиста, отмеченном на рисунке 3, введена не только административная, дисциплинарная ответственность в форме замечания, выговора или увольнения [12], но и уголовная.

Рис. 3 Формы злоупотребления правами журналиста

Специальной статьи об ответственности при злоупотреблении правами журналиста в УК РФ [13] не установлено, однако при комплексном анализе уголовно-правовых норм можно выделить несколько составов преступлений в исследуемой сфере.

При достоверном выявлении фактов, указывающих на распространение журналистом в процессе профессиональной деятельности сведений, которые в той или иной мере могут порочить честь и достоинство либо подрывать репутацию конкретного лица, возможно, группы лиц, наступает уголовная ответственность согласно статьи 128.1 УК РФ.

Составы преступлений, предусмотренные статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, устанавливают меры ответственности публичное распространение заведомо ложной информации, в том числе общественно значимой, которая либо содержит сведения об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, либо может повлечь тяжкие последствия.

Злоупотребление в виде сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений отражено в составе, предусмотренном статьей 237 УК РФ, в которой при квалификации объективной стороны выделяют не только сокрытие, но и искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды.

На данном этапе исследования обратим внимание на отсутствие в российском законодательстве легального определения понятия «фальсификация». Однако при анализе сложившейся судебной практики [14] и официальных позиций органов прокуратуры [15] можно сделать вывод, что фальсификация и искажение равнозначны по своему смысловому содержанию.

Субъектный состав, на который распространяет свое действие статья 237 УК РФ, ограничивается лицами, обязанными обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией. По итогу комплексного анализа законодательства о средствах массовой информации на предмет оценки обязанностей журналиста можно отнести его к субъектам, на которые распространяет свое действие статья 237 УК РФ.

Заключение. Исследование сроков предоставления информации при запросе журналиста или редакции позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости внесения

изменений в действующее законодательство, нацеленных на сокращение срока рассмотрения запросов.

Кроме того, штрафные санкции при неправомерном отказе в предоставлении информации сегодня лояльны, так как меры ответственности незначительны по материальному содержанию. Необходимо ужесточить санкции для более эффективной и оперативной работы с актуальной информацией, а также расширить круг пользователей информацией, обозначенных в статье 5.39 КоАП, и наряду с адвокатом и редакцией выделить журналиста.

Дополнительно на законодательном уровне важно закрепить определение понятия «фальсификация» и рассмотреть возможность разработки нового состава преступления, устанавливающего ответственность для журналиста за сокрытие информации при осуществлении профессиональной деятельности.

Литература:

1. Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории: Комментированное введение/ сост. *Н. Конеген, К. Шуберт*. М., 2004. - 133 с.
2. *Попов В.Д.* Журналистика как политическая наука// Социология власти, 2003. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-kak-politicheskaya-nauka> (дата обращения: 30.11.2023).
3. Политическая журналистика: учебно-методическое пособие для подготовки бакалавров по направлению 41.03.04 "Политология"/ составитель *О.Н. Дроботенко*. – Москва, 2022. - 29 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// СПС КонсультантПлюс.
5. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»// СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// СПС КонсультантПлюс.
7. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»// СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»// СПС КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»// СПС КонсультантПлюс.
10. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»// СПС КонсультантПлюс.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ// СПС КонсультантПлюс.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ// СПС КонсультантПлюс.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ// СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2023 № 16АП-484/2023 по делу № А63-8854/2022// СПС КонсультантПлюс.
15. Прокурор разъясняет// Официальный сайт прокуратуры Оренбургской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=59651557 (дата обращения: 30.11.2023).

References:

1. Methodological approaches to political science research and metatheoretical foundations of political theory: Commentary introduction / comp. N. Konegen, K. Schubert. Moscow, 2004. - 133 pp.
2. *Popov V.D.* Journalism as a political science // Sociology of power. 2003. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-kak-politicheskaya-nauka> (date of access: 30.11.2023).
3. Political journalism: educational and methodological manual for the preparation of bachelors in the direction of 03.41.04 "Political Science" / compiler HE. Drobotenko. – Moscow, 2022. – 29 pp.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07.01.2020) // SPS ConsultantPlus.
5. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-1 "On the Mass Media" // SPS ConsultantPlus.
6. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // SPS ConsultantPlus.
7. Russian Law Federation of 21.07.1993 No. 5485-1 "On State Secrets" // SPS ConsultantPlus.
8. Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ "On Advertising" // SPS ConsultantPlus.
9. Federal Law of 19.05.1995 No. 82-FZ "On public associations" // SPS ConsultantPlus.
10. Federal Law of 02.09.2009 No. 8-FZ "On ensuring access to information about the activities of state bodies and local governments" // SPS ConsultantPlus.
11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30.12.2001 No. 195-FZ // SPS ConsultantPlus.
12. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ // SPS ConsultantPlus.
13. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // SPS ConsultantPlus.
14. Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal of 24.03.2023 No. 16AP-484/2023 in case No. A63-8854/2022 // SPS ConsultantPlus.
15. The prosecutor explains / Official website of the prosecutor's office of the Orenburg region. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=59651557 (access date: 30.11.2023).

Для цитирования: *Кочеткова Е.В., Чупрова Ю.Н., Дёжкин И.И., Шувалов В.С.* Современная трансформация правового статуса политического журналиста // Архонт, 2023. № 4(37). С. 84-89.

GLOBAL SOCIETY

Liu Pengqi

MA of School of International & Public Affairs, Jilin University
liuaa77@163.com

Li Menglong

Ph.D., lecturer at School of International & Public Affairs, Jilin University
limenglong@jlu.edu.cn

THE HISTORICAL OPPORTUNITY AND IMPACT OF CHINA-RUSSIA TO
STRENGTHEN ENERGY COOPERATION

Abstract: *With the introduction of the latest version of the US National Security Strategy, great power competition has once again officially become the core issue of world politics, and has gradually extended from the traditional security field to the non-traditional security field. In the contemporary world, traditional and non-traditional security issues are intertwined, increasing the difficulty of global security governance. Energy is an indispensable material foundation for human society, and how to ensure energy security is an important part of global governance and international cooperation, which is related to the national security and economic development of actors. After the outbreak of the Russian-Ukraine conflict, the Western society led by the United States imposed energy sanctions on Russia, which seriously undermined the security and stability of the existing global energy supply chain, and the long-term global energy cooperation system also faced many challenges. In the context of Russia's pivot to the East, China should seize the historical opportunity to strengthen cooperation with Russia in energy and other fields. This is not only in the national interests of China and Russia, but also in the interests of the whole world, especially developing countries. Strengthening energy cooperation can not only promote the diversification of China's energy imports, ensure the security of energy supply, help Russia effectively mitigate the losses caused by Western sanctions, and maintain energy power, but also meet the energy security needs of developing countries, avoid the risk of fragmentation of the global energy supply chain, and maintain the security and stability of effective global energy supply.*

Key words: *Russia-Ukraine Conflict, energy cooperation, Global Energy Governance, energy security, China-Russia cooperation*

Introduction

The contemporary world is undergoing unprecedented changes in a century, traditional security and non-traditional security issues are intertwined, and global security governance is undergoing multiple challenges. In the field of traditional security, the return of great power competition has promoted the turbulence of the regional situation and the emergence of military conflicts, and the strategic competition between the United States and China and Russia has become increasingly fierce. And great power competition has gradually extended to non-traditional security fields. At present, the Biden administration of the United States is trying to maintain its global hegemonic rule by reshaping the alliance system and leading allies to implement strategic isolation and blockade of countries such as China and Russia in order to maintain its hegemonic rule in the world, which seriously threatens world peace and stability.

Energy is the inseparable material foundation of human society, which is related to the national security and economic development of all countries. How to ensure the security of energy supply is a problem that countries around the world are thinking about. At present, the competition for energy power among major countries are becoming increasingly fierce, and the security and stability of the global energy supply chain is seriously threatened. In particular, the US and European sanctions on Russian energy exports pose a serious threat to the security of supply for developing countries. Under this circumstance, China and Russia actively strengthen energy

cooperation, which not only conforms to the interests and needs of the two countries, but also plays the role of major countries in the construction of the global energy governance system, which has a positive impact on maintaining the stability and security of the global energy supply chain.

I. The background of cooperation: Russia's energy strategy pivot to the east

Pivoting to the East is an important diplomatic idea for Russia. After President Putin returned to power, he proposed Russia's strategy of pivoting to the East, that is, to cope with the strategic squeeze of the United States and the West by strengthening high-level political, economic and security cooperation with countries in the Asia-Pacific region, and to accelerate the development of the Far East to promote the improvement of Russia's economic and social development level. After the outbreak of the Ukraine crisis in 2014, Russia suffered isolation and economic sanctions from Western societies. In this context, Russia actively promotes the implementation of the strategy of pivoting to the East, hoping to improve the external environment for the country's development by improving relations with the countries of the East. However, NATO countries led by the United States have always squeezed Russia's strategic space, completely ignored Russia's security needs, and constantly promoted NATO's eastward expansion, which eventually led to the re-outbreak of conflict. The escalating Ukraine crisis marks the continuous advancement of great power competition and confrontation, which "is not only a continuation of the Cold War of East-West confrontation, but also a prelude to a major change unprecedented in a century, and an important variable that triggers the world pattern to change from gradual to sudden change at a certain historical point".

As an important part of non-traditional security cooperation, energy cooperation has always been the lubricant of Russian-European relations. However, with the outbreak of the Russian-Ukrainian conflict, Russia has once again been recognized by European countries as a threat to European security, and Russian-European relations, which have just eased due to energy cooperation, have broken down again. In this context, the United States has led Western societies to impose sanctions on Russian energy exports, imposing a comprehensive embargo and price restrictions on Russian energy. The short-term goal of Western countries is to create economic chaos and undermine Russia's economic security and stability; The medium-term goal is to blockade Russia's strategic sectors, weaken Russia's financial and, in turn, its military capabilities; The long-term goal is to delay and disrupt the process of modernization of Russia by completely encircling and blockading it. Since then, the non-traditional security cooperation between Russia and the West, represented by energy cooperation, has gradually been interrupted. The rupture of the Russian-European energy cooperative relationship will aggravate the fracture and restructuring of the international energy supply chain and will have a serious impact on the existing international energy pattern. The sanctions and counter-sanctions between the West and Russia in the energy field are essentially the projection of power competition between countries in the energy field, that is, the continuous weakening of opponents through the competition for energy power.

Against the backdrop of intensified competition among major powers, Russian energy exports have been jointly sanctioned by the United States and the West. Although Russia does not want to interrupt energy cooperation with European countries, it has not been able to prevent the introduction of US and Western energy sanctions policies. With the entry into force of external sanctions, Russia's energy export market in Europe has gradually shrunk, and energy technology cooperation and investment with the West have been rapidly interrupted, and Russia's energy power has suffered a serious impact. The United States plays an important role in interrupting the Russian-European energy partnership, aiming to curb Russian energy exports through sanctions, thereby seizing the European energy market share and increasing its energy power while consuming Russia's foreign influence. In the face of Western containment, Russia actively promotes the energy strategy pivot to the East and strengthens cooperation with Eastern countries in the field of energy. "Pivoting to the east" is no longer just an option, but a necessity. If done well, it will elevate Russia's position in future world affairs. While Russia's exports to traditional markets such as the

United States, Europe, Japan and South Korea fell by nearly 2.2 million barrels per day, exports to China, India, Turkey and other countries, as well as seasonal domestic demand, significantly compensated for the shortfall, the data showed. It is clear that strengthening energy cooperation with Eastern countries will help Russia use the energy partnership to break through the strategic isolation of the United States and the West, improve the geopolitical environment, effectively stabilize Russia's energy revenues, mitigate the negative impact of Western sanctions, and maintain its central position in the global energy supply chain.

II. Energy security: China is diversifying its energy imports

Energy is the material foundation on which human society depends. It is both a resource and a commodity, and has multiple attributes such as global commodity attributes, asset value attributes, and cross-border transaction attributes, and can have an important impact on international actors in the fields of security, diplomacy, economic development, and people's lives. Energy itself does not have political attributes, but energy has the characteristics of scarcity, non-renewableness, unbalanced geographical distribution and high dependence on economic development, making energy gradually become the object of contention by all parties. In recent years, with the rapid development of China's economy, people's living standards have also been continuously improved, and their dependence on energy has become more and more intense. The global "energy shortage" in 2021 has made the international community more and more deeply aware of the bottom-line role of energy security in economic and social development and national security.

Energy security initially mainly refers to supply security, focusing on the stability of energy supply and energy transaction prices, that is, energy consuming countries can obtain sufficient and reliable energy supply at reasonable prices. Some scholars believe that China's energy security mainly includes availability, oil price fluctuations, international Four aspects of energy transportation line safety and environmental safety. However, with the development of the times and the advancement of science and technology, the connotation of energy security has been further expanded. The connotation of energy security The connotation of energy security has gradually evolved from focusing on single energy supply security to focusing on five dimensions: energy supply security, energy use security, energy technology security, energy economic security and energy governance security. In recent years, Chinese academic circles have increasingly enriched their research on energy security. The dimension of energy research has expanded from the past "energy security" to the dual focus on "energy security" and "environmental protection", and today's triple focus on "energy security", "environmental protection" and "climate change". The multiple attributes and importance of energy make it gradually become the object of competition among major powers, that is, through the possession, control, distribution and management of energy. and gain the ability to influence and control other actors. In the face of changes unseen in a century, energy is related to the development of the country's economic and social development, and energy power has become the key to structural power. factors and key areas of great power competition, and even gradually rose to become the main structural power to some extent. How to maintain energy security and obtain energy power has become an important issue for energy major countries to think about.

Today's world is in a century of unprecedented changes, China's energy situation is becoming more and more complex, energy security has become a major strategy related to national economic development and national defense security. For a long time, the problems facing China's energy security mainly include resource security with a high degree of dependence on oil and gas for a long time, energy transportation security with high concentration of transportation channels, price security lacking international pricing power, ecological security faced by the high-carbon energy structure under the background of the world's largest total carbon emissions and insufficient environmental carrying capacity, and the energy technology security of advanced energy technology "stuck neck". At present, the US government regards China as a direct challenger to global hegemony and unilaterally opens all-round strategic competition with China. In this context,

China's primary goal in maintaining energy security is not to allow energy to become a tool to balance China's development. To ensure energy security, the first thing is to ensure a stable energy supply. In 2019, China's dependence on oil and gas has reached 70.8% and 43%, indicating that China is highly dependent on energy imports. From the perspective of energy power game, energy control may become an important part of the big power game. In order to maintain its own energy security, China has actively promoted the diversification of energy import channels, and has built energy partnerships with Russia, Saudi Arabia, Qatar and Venezuela. In the context of Russia's energy strategy pivoting to east, strengthening energy cooperation with Russia can not only maintain its own energy supply security, maintain sufficient energy strategic reserves to cope with great power competition, but also help Russia reduce losses in the face of European energy sanctions. In short, strengthening energy cooperation is a win-win option for China and Russia.

III. The impacts of strengthening energy cooperation between China and Russia

Against the backdrop of intensifying competition among major powers, China and Russia have established a stable bilateral cooperative partnership. Energy cooperation is an important part of bilateral cooperation between China and Russia. In order to weaken the negative impact of Western energy sanctions, Russia is actively promoting the energy strategy to pivot to the East, and China should seize this opportunity to actively strengthen cooperation with Russia in energy supply, energy technology, energy economy and other fields, so as to maintain China's energy security from various aspects. At the same time, strengthening the energy cooperation between China and Russia could have a positive impact on the stability of the global energy pattern and energy supply chain.

Impact on Russia

Deepening bilateral energy cooperation can help Russia maintain its existing energy power, maintain energy revenues, and maintain Russia's status and status as a great power in the international system while improving its geopolitical environment. Russia's energy strategy pivoting to the East is an important measure to deal with diversified sanctions such as the European and American economies through "energy weapons", and is an effective means for Russia to maintain its existing energy power. The Asia-Pacific region, including China, has a huge energy market, and many countries rely heavily on energy imports. Strengthening cooperation with Eastern countries in the field of energy can not only maintain its dominant position in the global energy supply chain, but also build partnerships with other countries to break through the front of the United States and the West to isolate Russia, which is in line with their long-term interests.

Impact on China

Deepening bilateral energy cooperation is of positive significance to China's efforts to safeguard national energy security and build a diversified energy import system. China and Russia are highly complementary in terms of energy supply and demand structure. China, which has a high demand for energy, can bear Russia's excess capacity to the greatest extent. Russia's energy strategy pivot to the east would contribute to the stability of China's energy supply and increase energy reserves. China's massive energy import demand, coupled with its over-reliance on a single import channel, can amplify the impact of unexpected events on national energy security. In addition to Russian crude oil, China's other crude oil imports are transported by sea, most of which pass through the Strait of Malacca. As the competition between China and the United States intensifies, the United States may use the Southeast Asian alliance system and overseas military power to control the Strait of Malacca in extreme cases, seriously threatening China's energy imports. Under such circumstances, strengthening energy cooperation with Russia can effectively ensure the security of energy supply and energy transportation, and avoid related risks.

Impact on the world

As a major global energy producer, Russia carries out energy cooperation with China and other major energy producers and consumers in the world, plays a positive role in the balance of the global energy market, and plays the role of a constructive hub and a stable force in the global energy supply chain. The continued escalation of the Russia-Ukraine conflict and tensions in the

Middle East are increasing the risks to global energy security. At the same time, the instability of energy supply, international energy prices may continue to rise, which has a huge impact on the economic development and social livelihood of energy-consuming countries, especially developing countries. Between January and September 2022, mass protests erupted in at least 90 countries, mostly poor developing countries, over fuel shortages or high prices. The rupture of the global energy supply chain may lead to more livelihood crises and political crises, such as spillover and a global food crisis. Under the circumstances of energy sanctions imposed by Europe and the United States on Russia, Russia's strategy pivot to the East can strengthen cooperation with China and other Asia-Pacific countries, thereby maintaining the stability of global energy supply, which is of great significance for solving the global energy crisis and food crisis. At the same time, as permanent members of the UN Security Council, China and Russia actively shoulder the responsibilities of major countries, oppose unilateralism and power politics, and can contribute to the energy security of the global South to a greater extent. In general, strengthening energy cooperation is conducive to maintaining the balance of the existing world energy power structure and maintaining the stability of the global energy supply chain.

IV. Conclusion

Since the Biden administration took office, the strategy of the United States using the alliance system to carry out "double checks and balances" against China and Russia has gradually become clear, while imposing sanctions and containment on the two countries. In the field of traditional energy, Russia has a power game with the United States and Europe. After the outbreak of the Russian-Ukrainian conflict, the United States and Europe successively imposed multiple sanctions on Russia, such as energy embargoes, energy price limits and financial sanctions, which brought serious challenges to Russia's energy exports and maintenance of existing energy rights. In the field of new energy, Western societies are also actively blocking the development of China's new energy technology and the export of products. It can be said that great power competition in the energy field is inevitable. Under these circumstances, China and Russia have generated in-depth cooperation in the fields of energy technology, energy production and energy finance based on the previous good cooperation foundation.

It is clear that strengthening energy cooperation between China and Russia is not only in the national interests of both countries, but also has a positive impact on the security and stability of the world's energy supply chain. Guided by market logic, Russia actively promotes the energy strategy to pivot to the East, which can not only maintain energy exports and stabilize energy power, but also deepen political mutual trust between China and Russia, promote the in-depth development of bilateral economic and trade cooperation, and thus maintain Russia's status as a major power in the international system. Under the guidance of the concept of energy security governance, China has seized the opportunity of Russia's energy strategic transformation, actively strengthened energy cooperation with Russia in the Far East, and tried to use this as an opportunity to promote the comprehensive revitalization of Northeast China while expanding energy imports and promoting energy supply security. It can be said that the deepening of energy cooperation between China and Russia is in line with the geopolitical and economic development strategies of the two countries. At the same time, it will also help maintain the balance of the existing world energy power structure and maintain the stability of the global energy supply chain, which is of positive significance to global non-traditional security governance.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ И ВЛИЯНИЕ КИТАЯ И РОССИИ НА УКРЕПЛЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Лю Пэнци

*студент магистратуры, Институт международных и общественных отношений,
Цзилиньский университет*

liuaa77@163.com

Ли Мэнлун

кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт международных и общественных отношений, Цзилиньский университет

limenglong@jlu.edu.cn

Аннотация: с введением последней версии Стратегии национальной безопасности США конкуренция великих держав вновь официально стала ключевым вопросом мировой политики и постепенно распространилась из традиционной сферы безопасности в нетрадиционную сферу безопасности. В современном мире традиционные и нетрадиционные вопросы безопасности переплетаются, что усложняет управление глобальной безопасностью. Энергетика является незаменимой материальной основой человеческого общества, и способы обеспечения энергетической безопасности являются важной частью глобального управления и международного сотрудничества, которые связаны с национальной безопасностью и экономическим развитием субъектов. После начала российско-украинского конфликта западное общество во главе с Соединенными Штатами ввело энергетические санкции против России, которые серьезно подорвали безопасность и стабильность существующей глобальной цепочки поставок энергоносителей, и долгосрочная система глобального энергетического сотрудничества также столкнулась со многими вызовами. В контексте поворота России на Восток Китай должен воспользоваться исторической возможностью для укрепления сотрудничества с Россией в энергетической и других областях. Это отвечает не только национальным интересам Китая и России, но и интересам всего мира, особенно развивающихся стран. Укрепление энергетического сотрудничества может не только способствовать диверсификации импорта энергоносителей Китаем, обеспечить безопасность энергоснабжения, помочь России эффективно снизить потери, вызванные западными санкциями, и сохранить энергетическую мощь, но и удовлетворить потребности развивающихся стран в энергетической безопасности, избежать риска фрагментации глобальной цепочки поставок энергоресурсов, а также поддерживать безопасность и стабильность эффективного глобального энергоснабжения.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт, энергетическое сотрудничество, глобальное энергетическое управление, энергетическая безопасность, китайско-российское сотрудничество

Для цитирования: Liu Pengqi, Li Menglong. The historical opportunity and impact of China-Russia to strengthen energy cooperation// Архонт, 2023. № 4(37). С. 90-94.